

1(68)

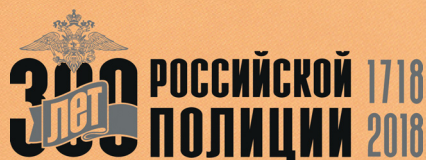
март 2018

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- (Не)равенство граждан перед уголовным законом
- Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке
- Профессиональное образование в истории российской полиции
- Деятельность полиции г. Омска в конце XIX — начале XX вв.

№ 1 (68) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

2018

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям. Scholarly Provisions for Counteracting Offences

Бавсун М. В. (Не)равенство граждан перед уголовным законом	3	Bavsun M. V. Citizens' (In)equality before Criminal Law
Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке	8	Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Defence Provocation: from Unconditional Negation to Reasonable Estimate
Ганмягмар Болор-Эрдэнэ. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России	15	Ganmyagmar Bolor-Erdene. Comparative Analysis of Legislation with regard to Crime Prevention in Mongolia and Russia
Турышев А. А., Чулуунбаатар Б. Условно-досрочное освобождение по законодательству России и Монголии	20	Turyshev A. A., Chuluunbaatar B. Parole Release under the Russian and Mongolian Legislation
Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности	25	Murashkin I. Yu. Prosecution as the Subject of Proving Innocence
Антонов О. Ю. Криминалистические основы противодействия распространению порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях	30	Antonov O. Yu. Criminalistics Fundamentals of Counteracting Circulation of Pornography in Information Telecommunication Networks

К 300-летию российской полиции. To the 300th Anniversary of the Russian Police

Кожевина М. А. Профессиональное образование в истории российской полиции (1718 — начало 2000-х годов)	37	Kozhevina M. A. Professional Education in the History of the Russian Police (1718 — early 2000s)
Быков А. В. Деятельность полиции г. Омска в конце XIX — начале XX вв.	46	Bykov A. V. Police Activity in Omsk in the late 19 th — early 20 th century

Юридические ретроспективы. Juridical Retrospect

Хамтаку Р. Ш. Трактровка общественной опасности в советском уголовном праве довоенного времени	51	Khamtakhu R. Sh. Social Threat in Soviet Criminal Law of Pre-war Times

Философский и методологический инструментарий. Philosophical and Methodological Toolkit

Яркеев А. В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия	55	Yarkeev A. V. The State of Emergency as the Extreme State of Social Being
Красиков В. И. Административный восторг: психология чиновника и коррупционера — демаркация и «зоны ответственности»	60	Krasikov V. I. Administrative Excitement: Psychology of an Official and a Corruptionist — Demarcation and "Remits"
Сидоренко М. В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила «Plain Meaning Rule»	65	Sidorenko M. V. Legal Positions of Constitutional Justice Acts within Plain Meaning Rule
Нефёдова Л. К. Правовая пропедевтика отношения к ребенку (из опыта античной мысли)	70	Nefedova L. K. Legal Propaedeutics of an Attitude to a Child (from the Experience of Classical Antiquity Thought)

Информация для авторов **76** Information for Authors

Сведения об авторах **78** Annotated List of Authors (in Russian)

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук, доцент (Алматы, Казахстан)
В. В. Бабури, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент (Пермь, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук (Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Головки, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)

- Е. А. Клоков**, кандидат юридических наук, доцент — **ответственный секретарь** (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор (Красноярск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)
К. Ляковска, доктор юридических наук, профессор юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор — **заместитель главного редактора** (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор — **главный редактор** (Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук — **заместитель главного редактора** (Омск, Россия)
В. В. Хилыута, кандидат юридических наук, доцент (Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия)

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
L. M. Prokumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor (Perm, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy (St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

- A. S. Dezhnyov**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Ye. A. Klokov, PhD in Law, Associate Professor — **assistant editor** (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor (Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor (Minsk, Belarus)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor (Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor — **deputy chief editor** (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor — **chief editor** (Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law — **deputy chief editor** (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, PhD in Law, Associate Professor (Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia)

Вниманию подписчиков!

18630 — наш индекс в издании «Газеты. Журналы» АО «Агентство „Роспечать“»

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Г. Ч. Синченко*
Редактирование *Ю. А. Прудниковой*
Корректурa *М. В. Виноградовой*

Дизайн и компьютерная верстка *А. В. Сергеева*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогнонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25982 от 13 октября 2006 г. выдано Роскомнадзор.

Выход в свет: 29.03.2018. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,3. Заказ № 42.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2018

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ SCHOLARLY PROVISIONS FOR COUNTERACTING OFFENCES

УДК 343 © М. В. Бавсун, 2018

(Не)равенство граждан перед уголовным законом

М. В. Бавсун, Омская академия МВД России. E-mail: kafedramvd@mail.ru

В статье поднимается проблема несоответствия российского уголовного законодательства идее равенства. На конкретных примерах иллюстрируется нарушение данного начала, отмечается управляемость процессов, происходящих в названном направлении, что позволяет прогнозировать дальнейшее расширение пределов дифференциации ответственности на основе статуса виновного. В качестве отрицательного последствие обозначенного подхода выступает подрыв авторитета УК РФ в общественном сознании, провоцирующий неверие в справедливость уголовной репрессии.

Ключевые слова: равенство граждан перед законом; законность; справедливость; дифференциация уголовной ответственности.

Citizens' (In)equality before Criminal Law

M. V. Bavsun, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia). E-mail: kafedramvd@mail.ru

The article raises the question of inconsistency of the Russian Criminal Law with the concept of equality. The violation of this principle being exemplified, the author underlines that the processes in this field are manageable, which aids to forecast further expansion of limits of liability differentiation according to the status of the guilty. A negative consequence of the outlined approach is undermining of the authority of the Criminal Code of the Russian Federation in public mind which provokes mistrust in justice of criminal repression.

Keywords: citizen's equality before law; legality; justice; differentiation of criminal liability.

Принцип равенства граждан перед уголовным законом (ст. 4 УК РФ) относится к числу конституционных и основополагающих начал российского уголовного законодательства. Построение УК РФ на его основе, как и процесс практической реализации, не подвергается сомнениям в современной уголовно-правовой доктрине, что лишь добавляет остроты тем вопросам, которые при незыблемости данного начала возникают все чаще, приобретая все большую остроту. Полагаем, дальнейшее игнорирование возникающих в указанном направлении проблем не-

допустимо, требуется их соответствующее научное осмысление.

Отметим, что идея равенства (при всей своей привлекательности) никогда не выдерживалась в полной мере, что, кстати, не всегда имеет негативный оттенок. Равенства в чистом виде достичь в рамках уголовно-правового регулирования если и не невозможно, то крайне сложно, к этому тезису приходится относиться как к неизбежному, а его корректировка сталкивается с препятствиями объективного характера. Многие аспекты этой, безусловно, много-

сторонней проблемы имеют богатую историю и в настоящее время воспринимаются как естественное явление. Сказанное распространяется, например, на случаи особого отношения со стороны государства к объему репрессии в зависимости от гендерной принадлежности виновного(ой), его возрастных особенностей (невозможность привлечения к уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, ограничение пределов применения некоторых видов наказаний по достижении лицом установленного законом возрастного порога). В расчет надо брать и определенные особенности статуса лица, совершившего преступление, когда механизм привлечения к уголовной ответственности существует, но он значительно осложнен в сравнении с имеющимся порядком привлечения граждан, таким статусом не наделенных. Речь идет о судьях, депутатах Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации, Президенте Российской Федерации и т. д. Это даже не исключения, а в большей степени особенности, они возникли не сегодня, отношение к ним в отечественной доктрине уже устоялось, не вызывая острой дискуссии¹ [1, с. 34, 29; 2].

Говорить о неравенстве в этих и некоторых других случаях можно лишь с большой долей условности, в то время как злободневность в последнее десятилетие приобрели совсем иные ситуации, содержащие отличия не видового, а принципиального характера. Статус лица в указанный период все больше стал оказывать влияние на объем реализуемого воздействия, причем как в сторону его увеличения, так и в направлении уменьшения.

Необъяснимым с позиции идеи равенства граждан перед законом является положение УК РФ об усилении ответственности за преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел (п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ). Особенно ярко противопоставление принципу равенства всех граждан перед законом происходит на фоне того, что сотрудники других силовых ведомств в случае совершения ими преступлений подлежат уголовной ответственности на общих основаниях, а их профессиональный статус не служит предпосылкой для усиления ответственности. В данном случае остается не совсем понятным, чем может отличаться опасность преступлений сотрудников органов внутренних дел от посягательств, совершаемых сотрудниками прокуратуры, ФСБ, ФСКН, МЧС, Вооруженных сил России и др. [3, с. 72]. Общеизвестным и доступным является факт, что «без осуществления требования равенства граждан перед

законом невозможно обеспечить в сфере назначения наказания единство уголовной политики...» [4, с. 17]. И. А. Клепицкий по этому поводу отмечает: «...по существу законы не гарантируют равенства всех людей во всех случаях применения права. Они лишь запрещают дискриминацию в отношении тех или иных социальных групп...» [5, с. 50]. Однако мы наблюдаем противоположную ситуацию, когда закон стоит на позициях такой дискриминации, прямо указывая на это в одном из своих положений.

Конституционность положения, юридически закрепляющего неравенство всех граждан перед законом, нашла свое подтверждение в конкретном решении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О по делу гр-на Фролова, совершившего преступление, указанное в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Суд отметил, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру — даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов (*хотя на основе чего сделан данный вывод, остается совершенно непонятно.* — М. Б.) — ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания»². На этом основании был сделан вывод о конституционности положения уголовного закона, устанавливающего возможность усиления ответственности сотрудников органов внутренних дел лишь на основе их статуса.

В современной юридической литературе имеются предложения по исправлению существующего положения вещей посредством изменения редакции п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ за счет замены формулировки «сотрудником органа внутренних дел» на «сотрудником правоохранительного органа» [6, с. 9].

¹ В современной юридической литературе, в том числе и в учебной, на существующие особенности внимание, безусловно, обращается, при этом общее восприятие такой ситуации сводится как к данности, хотя и не всегда принимаемой специалистами.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123761/ (дата обращения: 14.12.2017).

С одной стороны, это, действительно, решает проблему несправедливости в вопросе дифференциации уголовной ответственности сотрудников силовых ведомств, с другой — по-прежнему остается дискриминационным по отношению к ним. Разница лишь в том, что речь (в случае реализации данного предложения) будет идти как о сотрудниках органов внутренних дел, так и о сотрудниках всех остальных правоохранительных органов. Проблема кастовости в такой ситуации снимается лишь внутри общей группы, которая называется «силовые ведомства», но при этом остается таковой в соотношении с гражданами, наделенными иным статусом³ [7, с. 11–13]. Более того, в рамках силовых структур эта проблема при стечении определенного рода обстоятельств может оставаться не до конца решенной. Например, при введении режима чрезвычайной ситуации и наделении подразделений Министерства обороны Российской Федерации правоохранительной функцией, что не ставит их в один ряд с правоохранительными органами, вопрос об усилении ответственности сотрудников данного ведомства не может решаться с применением указанного пункта ст. 63 УК РФ.

Полагаем, решение проблемы, созданной законодателем в рамках отягчающих обстоятельств, невозможно посредством какой бы то ни было корректировки изначально дискриминационного положения УК РФ. Его несоответствие основополагающим принципам конституционного характера очевидно. Любые изменения уголовного закона в данной его части выглядят попыткой сгладить, но не решить имеющуюся проблему.

Отметим, что на этом фоне откровенно циничным выглядит другой факт, закрепляющий особые (исключительные) права иной социальной группы — предпринимателей. Так, включение в УК РФ ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» по сути официально зафиксировало факт неравенства в уголовном законе. Закрепив особое основание освобождения от уголовной ответственности, законодатель выделил определенную категорию нарушителей. Если в первом случае речь шла об особой категории виновных, но в плане усиления их ответственности, то ситуация вокруг предпринимателей складывается противоположным образом. Ослабление репрессии в представленном случае выглядит политической

акцией, которая в данном аспекте может быть целесообразной, но с юридических позиций выходит далеко за пределы начал справедливости, вины и равенства граждан перед законом. То же самое относится и к другим привилегиям, распространяемым на указанную категорию граждан, которые направлены на ослабление репрессии. Так, в рамках примечаний к ст. ст. 198, 199, 199³, 199⁴ УК РФ с 2014 г. законодатель напрямую устанавливает возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в налоговой сфере в случае, когда таковые были выявлены, но причиненный ущерб был компенсирован. Все те же сотрудники органов внутренних дел после проделанной титанической работы по выявлению посягательств подобного рода понимают всю ее бесполезность, при этом нередко испытывают на себе давление проблем организационного и иного характера.

Надо сказать, что идея неравенства, официально закрепленная в материальной отрасли права, нашла свое выражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. Особенно ярко она проявилась после вступления в силу Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ⁴, запрещающего заключать под стражу предпринимателей за совершение мошенничества и ряда других преступлений экономической направленности (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ). Конституционность данного акта законотворчества, проводящего границу между различными социальными группами, вызывает немало вопросов именно с позиции равенства всех граждан перед законом [8, с. 43]. То же самое касается и ст. 28¹ УПК РФ, закрепляющей процедуру отказа государства от репрессии по отношению к отдельной группе лиц, совершивших преступления строго определенной направленности. Эффект неравенства между налогоплательщиками был серьезно усилен, когда в ст. 140 УПК РФ была включена ч. 1¹, закрепляющая возможность возбуждения уголовного дела в отношении лица, совершившего налоговое преступление, только по представлению налогового органа. Данное положение закона сводило на нет практически все результаты деятельности оперативных подразделений, без которых выявление преступлений указанной группы априори затруднено. С 2014 г. названной нормы в УПК РФ нет, однако с позиции развития вопроса о неравенстве граждан перед законом приведенный пример, безусловно, вызывает интерес [9, с. 107].

³ То же самое касается и ситуации со ст. 286¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за неисполнение приказа сотрудниками органа внутренних дел, при этом игнорируются иные правоохранители. Даже допуская возможность самого факта дополнительной ответственности представителя власти, нельзя не признать его дискриминационность в связи с отсутствием в перечне субъектов данного посягательства сотрудников других силовых ведомств.

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99174/ (дата обращения: 14.12.2017).

Вместо возврата к конфискации имущества как к виду наказания, единственно способному вызвать неподдельное чувство страха за имущество, нажитое преступным путем, мы пошли по пути согласительного производства (развитие «экономико-ориентированной» уголовной политики), уступок везде и во всем, что касается ответственности за преступления экономической направленности, увеличивающих трудозатраты одних и откровенно провоцирующих к нарушениям других. Факт появления в УК РФ таких предписаний можно считать прямым следствием особого отношения власти в определенный период к правоохранительным органам и к предпринимательской деятельности, но никак не новым проявлением уже давно применяемого и хорошо известного принципа равенства граждан перед законом. Столь широкое его толкование находится вне пределов правового поля. Изменение содержания данного принципа в какой-то момент стало политически выгодным, а само начало оказалось лишь средством решения задач, стоящих перед властью. Еще до возникновения в уголовном законе такого положения в отечественной уголовно-правовой доктрине высказывалось мнение о необходимости существенного сокращения иммунитетов от уголовной ответственности, что соответствует и общей тенденции, давно сформировавшейся в западно-европейском уголовном праве [10, с. 18], где равенство носит реальный, а не номинальный характер. С данным тезисом следует полностью согласиться, признав, что любые исключения, помимо серьезного юридического обоснования и взвешенного, а не эмоционального подхода к их принятию, должны находить поддержку и одобрение в обществе. В ином случае возникающее непонимание способно нанести серьезный удар по авторитету уголовного закона, затруднив его практическое применение. Создавая ситуации неравенства, особенно имеющие характер относительной массовости, законодатель оказывается в сложной ситуации, обусловленной их неприятием. Выход из нее может быть только один — дифференциация ответственности на основе объективных критериев, а не статуса субъекта преступления.

Говоря о неравенстве как о сформировавшейся тенденции, отметим управляемость происходящих процессов в части трансформации отношения к полярным (в нашем случае) ценностям. Рассмотренный выше аспект проблемы нельзя расценивать как частное проявление несправедливости, индивидуально обособленный случай выхода за пределы принципа равенства всех граждан перед уголовным законом. Наблюдаемые процессы — последовательные явления, отображающие общие закономер-

ности, характерные для современного общества, причем не только и не столько в пределах России, но и в целом в рамках мирового сообщества. Более того, их развитие идет в сторону ослабления позиций государства в экономическом секторе, которому отводится роль обслуживания интересов отдельных групп общества.

В России данный импульс был задан еще в 2010 г. в концепции модернизации уголовной политики в экономической сфере, которая была подготовлена на основании поручения Президента Российской Федерации от 28 ноября 2009 г. № ПР-3169⁵. Согласно указанному документу предприниматели определяются как «национальное достояние, которое надо беречь», а правоохранительные органы и суд выступают в качестве структур, объективно мешающих развитию их деятельности. Начало неравенства было прописано уже тогда, а в течение последующих лет оно лишь получало соответствующее нормативное подтверждение, приобретая все большую легитимность. Объективным следует признать факт, что в настоящее время существуют реальные предпосылки не просто к расширению идеи неравенства в уголовном законодательстве, а к его фактическому подчинению данному началу. Так, на уровне Центра стратегических разработок, созданного на базе Совета Федерации Российской Федерации, подготовлена (но пока не принята) дорожная карта развития уголовной политики на 2017–2025 гг. Авторы предлагают расширить область применения освобождения от уголовной ответственности с выплатой компенсации государству и возмещением ущерба потерпевшему на всю группу преступлений в сфере экономики, а также иных посягательств, где в качестве криминообразующего признака используется имущественный ущерб. Предлагается сделать данный вид освобождения обязательным для суда и органов предварительного расследования; ограничиться 2-кратностью, чтобы сделать освобождение экономически выгодным; предусмотреть механизмы оспаривания размера причиненного ущерба, служащего основанием к исчислению штрафа/компенсации, на стадии предварительного расследования и суда, для чего создать специальный процессуальный механизм и специальный вид освобождения от наказания в указанной ситуации [11, с. 33].

Названные исключительные способы ухода от ответственности аналогов в отечественной законодательной практике не имеют. Говорить здесь об усилении начал неравенства также не приходится. Речь должна идти не об усилении, а о полном подчинении УК РФ данному, безусловно, идеологическому постулату, который в полной мере соответ-

⁵ URL: <http://sigma-econ.ru/files/5320/kms.pdf> (дата обращения: 16.11.2017).

ствуует концепции постмодерна, строящегося на отрицании базовых ценностей, что не соответствует истинному содержанию конституционных начал — законности, справедливости, равенства⁶ [12, с. 6–7]. В данном направлении происходит движение общества в целом, следует говорить о его западной модели развития, где подмена ценностей начала происходит значительно раньше, чем это случилось в отечественном законодательстве. Отведение государству роли второго плана представляет собой смену концепции развития общества, в котором уравнивание в правах не представляется возможным, так как возвышение одних за счет серьезного понижения в правах других выступает в качестве обязательного условия перехода к принципиально иной модели общества. Через конкретные изменения уголовного законодательства происходит лишь фиксация уже созданного или только наметившегося нового представления о том или ином явлении. В этом отношении уголовный закон не формирует, а лишь фиксирует идею неравенства, окончательно определяя императивный характер позиции, сформировавшейся у элиты по данному вопросу. Доминирующее влияние процессов, характерных для об-

щества, в рамках которых происходит определение новой ценности, на позицию законодателя по каждому вопросу оказывается тотальным, что и предопределяет трансформацию основных направлений уголовно-правовой политики. Указанные процессы не всегда строятся на объективных потребностях общества, но часто находятся в рамках выстраивания собственного (на уровне отдельно взятых лиц) видения происходящего и того, что требуется получить в итоге. Отсюда и кажущаяся специфичность трансформации средств воздействия, в нашем случае в экономической сфере, а также в сфере порядка управления. Подобный подход влечет утрату ведущей институциональной основы общества — «коллективных представлений», которую П. Бергер и Н. Лукман считают фундаментом социального конструирования реальности [13], а американский социолог А. Вендт — предпосылкой преодоления анархии [14]. Ее утрата, наряду с дальнейшим следованием по пути формирования начал кастовости уголовного закона, неспособна привести к позитивным результатам, поскольку запускается механизм неверия в Уголовный кодекс Российской Федерации как акт высшей справедливости.

Список литературы

1. *Уголовное право : учебник для академического бакалавриата* : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. М., 2017.
2. *Сверчков В. В.* Уголовное право : учебник для СПО. М., 2017.
3. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть* : учебник / под ред. проф. В. В. Векленко. М., 2017.
4. *Кругликов Л. Л.* Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. Ярославль, 1986.
5. *Клепицкий И. А.* Форма и цель в уголовном праве // *Гос-во и право*. 2012. № 1.
6. *Караваева Ю. С.* Специальный субъект преступления: криминолого-правовой подход : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
7. *Бавсун М. В., Борков В. Н.* Неисполнение сотрудниками органа внутренних дел приказа или распоряжения // *Уголовное право*. 2010. № 6.
8. *Головкин Л. В.* Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // *Закон*. 2011. № 9.
9. *Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения* / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. А. Тарасова. М., 2017.
10. *Бойко А. И.* Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
11. *Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)* / Г. А. Есаков и др. М., 2017.
12. *Александров А. С., Александрова И. А.* Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017.
13. *Бергер П., Лукман Н.* Социальное конструирование реальности. М., 1996.
14. *Wendt A.* Anarchy is What State Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. Winter, 1992. Vol. 46, No 2.

⁶ Именно данные начала (наряду с балансом частного и общенационального как проявление справедливости), по мнению А. С. Александрова и И. А. Александровой, должны восторжествовать в уголовной политике по обеспечению экономической безопасности.

УДК 343.2 © С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко, 2018

Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке

С. Ф. Милюков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: dikoe polesf@gmail.com

А. В. Никуленко, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: nikulenkoa@mail.ru

Современные криминологические реалии не позволяют нам согласиться с мнением о существенном снижении уровня преступности. Это позволяет предложить нестандартный подход к противодействию преступной экспансии с помощью неиспользуемых (и даже отрицаемых) возможностей действующего уголовного законодательства при его незначительной корректировке. На наш взгляд, таковыми возможностями обладают обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренные главой 8 УК РФ (или пока не получившие законодательного закрепления). Одним из них выступает необходимая оборона, ошибочно воспринимаемая некоторыми учеными-криминалистами как многократно и всесторонне изученное явление. Представленный подход к оценке правомерности необходимой обороны позволит не только расширить возможности ее применения, но и исключить имеющиеся недостатки правового регулирования и юридической оценки действий сотрудников правоохранительных органов в подобных ситуациях.

Ключевые слова: необходимая оборона; провокация; противодействие преступности нестандартными методами.

Defence Provocation: from Unconditional Negation to Reasonable Estimate

S. F. Milyukov, the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia). E-mail: dikoe polesf@gmail.com

A. V. Nikulenko, St Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Saint Petersburg, Russia). E-mail: nikulenkoa@mail.ru

Modern criminological realities do not allow us to agree with the opinion of significant decrease of crime rate. It suggests a non-standard approach to counteracting criminal expansion through unemployed (and even denied) advantages of the current criminal legislation with some minor corrections. According to the authors' view such advantages are typical for the circumstances exempting criminal act provided for by chapter 8 of the Russian Criminal Code (or not consolidated in law yet). One of these advantages is justifiable defence mistakenly considered by some criminalistics scientists as a comprehensively studied phenomenon. The mentioned approach to the assessment of legality of justifiable defence will make it possible not only to expand its application but also eliminate the disadvantages in legal regulation and legal assessment of law enforcement officers' activity in similar situations.

Keywords: justifiable defence; provocation; counteracting crimes with non-standard methods.

Современная криминологическая и уголовно-политическая ситуация в России неоднозначны. Усиливаются предпосылки разного рода социальных антагонизмов, вызываемых несправедливым распределением материальных, финансовых, интеллектуальных и иных ресурсов. По данным, представленным известным криминологом профессором Я. И. Гилинским, еще в первом квартале 2015 г. число россиян с доходами ниже прожиточного минимума составило 22,9 млн чел., что на 3,1 млн чел. больше, чем за аналогичный период 2014 г. Российская Федерация вышла на первое место в мире по экономи-

ческому неравенству — 1% населения владеет 74,5% всех богатств страны.

За последующие два года положение продолжало ухудшаться даже при росте цен на нефть, газ, другие природные ресурсы. Образующиеся излишки (бюджет на 2017 г. и последующие два года сверстан из скромной цены 40 долларов за баррель) идут не на повышение благосостояния народных масс, не на развитие системы здравоохранения и образования, не на инвестирование в промышленность и сельское хозяйство, а омертвляются в виде золотовалютных запасов, которые потом нередко присваиваются ор-

ганизованными «экономическими хищниками», оседают в банках государств, ведущих подрывную деятельность против России.

По законам, открытым отечественной и зарубежной криминологией еще в XIX — начале XX вв., все это должно сопровождаться энергичным ростом преступности. Однако она в течение долгих лет якобы снижается. Так, по данным МВД России, за 8 месяцев 2017 г. зарегистрировано на 8,2% меньше преступлений, чем за аналогичный период 2016 г. При этом снижение числа преступлений против личности и собственности шло опережающими темпами — соответственно на 16,9 и 10,6%, число преступлений коррупционной направленности упало на 10,7%, а террористической (уже за 9 мес. 2017 г.) даже на 16,9%.

Некоторые специалисты (в том числе упомянутый выше Я. И. Гилинский) склонны верить этим данным, объясняя ситуацию общемировыми тенденциями ухода криминально активной части населения в виртуальную реальность.

Мы объясняем такой парадокс гораздо проще — идет процесс свертывания противодействия государства преступной экспансии, происходит своеобразная «денационализация» борьбы с преступностью [1, с. 12–22], которая не только вызвана отвлечением больших кадровых и технических ресурсов на умирение политических противников, на обслуживание ширококомасштабных спортивных и зрелищных мероприятий, но и связана с неуклонным снижением уровня оперативно-розыскного, следственного, прокурорского и судейского мастерства, падением качества нормативного обеспечения возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел [2, с. 29–32].

В этих условиях для противодействия общественно опасным посягательствам желательно привлечение широких слоев населения. Однако правоохранительные органы с большим недоверием относятся к самоуправству граждан, нередко привлекая их к уголовной ответственности, причем за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Печально, но и среди ученых есть те, кто призывает еще в большей мере ограничить право граждан на необходимую оборону и силовое задержание преступника [3–5]. Законопослушные граждане выступают в роли жертвенных агнцев, которые должны терпеливо дожидаться своей очереди на заклание.

Всякая народная инициатива в этом деле чревата наказанием. Одним из своеобразных табу является запрет на провоцирование обороны. Нередко ученые-криминалисты уклоняются от обсуждения

данной проблемы [6, с. 678–684; 7, с. 144–149] либо обходятся лишь упоминанием о ней.

Так, А. А. Пионтковский еще в 1938 г. писал: «Если нападение было сознательно спровоцировано лицом для того, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, то подобные действия нужно рассматривать не по правилам о необходимой обороне, а на общих основаниях, как часть единого преступного плана для совершения умышленного преступления» [8, с. 289; 9, с. 231].

Спустя 70 лет китайский правовед вторит ему: «Намеренное причинение вреда другому человеку, умышленное провоцирование его на нападение и последующее его убийство или нанесение ему ран в процессе обороны (так называемая спровоцированная оборона) не считаются действиями, осуществляемыми в состоянии необходимой обороны» [10, с. 378].

Неоправданно, на наш взгляд, лаконичен и крупный специалист в сфере необходимой обороны профессор Э. Ф. Побегайло: «Не может быть признано находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое намеренно вызвало, спровоцировало нападение с тем, чтобы использовать его как повод совершения преступных действий, — например, учинения физической расправы с „нападающим“. Это так называемая провокация обороны» [11, с. 102].

Законодательно провокация необходимой обороны в Российской Федерации не закреплена. Она лишь лапидарно рассматривается в теории, согласно которой необходимость обороны отсутствует в тех случаях, когда в целях расправы лицо провоцирует нападение. Данное понимание используется и отечественной следственно-судебной практикой.

Упоминание о провокации содержится в первом кодифицированном уголовно-правовом акте на постсоветском пространстве — Уголовном кодексе Республики Узбекистан: «Не является необходимой обороной умышленная провокация посягательства с целью нанесения вреда»¹.

В § 505 («Использование силы в целях самозащиты») Уголовного кодекса штата Пенсильвания США указано: «Исполнитель не обязан спасаться бегством из своего жилища или места работы, если только не он первый напал...»². Сделанная американским законодателем оговорка — тоже порицание провокации обороны. Ответственность за такие действия наступает на общих основаниях.

Запрет провокации со стороны обороняющегося (посягательство не должно быть вызвано противоправными действиями со стороны потенциального

¹ URL: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 24.11.2017).

² URL: <http://constitutions.ru/?p=7757> (дата обращения: 24.11.2017).

защитника) заложен в ст. 21 УК Испании³. Аналогичное требование прямо предусмотрено в УК Андорры, Гватемалы, Гондураса, Греции, Кубы, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадора и ряда других стран.

Отсутствие легального упоминания провокации обороны в отечественном Уголовном кодексе побудило Верховный Суд Российской Федерации отреагировать на это. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских действий, сокрытия другого преступления и т. п.)»⁴.

Однако, как мы полагаем, есть и оборотная сторона данного явления: правомерная провокация обороны. Разумеется, на нее имеют право прежде всего подготовленные сотрудники правоохранительных органов, в частности полицейские.

Отдельные ученые [9, с. 230–231] отрицают саму возможность активных (т. е. наступательных) действий правоохранителей в отпоре общественно опасным проявлениям, видимо, оставляя за ними лишь обязанность регистрации уже совершенных преступлений, полицейские, равно как и представители других спецслужб, используют возможности провокационных действий для нейтрализации опасных нарушителей закона.

Например, пп. 266 и 267 Устава ППСП рекомендуют при осуществлении задержания применять следующие приемы: «Во избежание сопротивления в отдельных случаях задерживаемым не сообщаются действительные основания задержания, а используются отвлекающие предлоги — нарушение общественного порядка, переход улицы в непопозволенном месте, проверка паспортного режима, карантин и тому подобное. В этих случаях команда „Стой. Руки вверх“ не подается.

В зависимости от обстоятельств наружный допрос одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других со-

трудников полиции или граждан. Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются.

При проверке документов и опросе подозреваемого патрульный (постовой) должен стоять вполоборота в одном шаге от проверяемого и быть готовым к отражению нападения»⁵.

Известны случаи проведения правоохранительными органами специальных операций, когда без силовой поддержки бойцов СОБР или ОМОН, на одной лишь оперативной смекалке, сотрудники заставляли злоумышленников проявить свои преступные намерения. Это так называемая ловля преступников на живца, когда в роли жертвы выступает сотрудник полиции (например, женщина-полицейский при реализации информации об изнасилованиях), а прикрытие, т. е. силовое сопровождение операции, осуществляют работники, имеющие достаточный уровень оперативной работы для скрытного наблюдения за объектом.

Речь идет о таких ситуациях, когда сотрудники правоохранительных органов сознательно обостряют ситуацию, чтобы осторожный преступник проявил себя.

Примечательным в данном ключе выглядит высказывание В. И. Михайлова. Применительно к военнослужащим, сотрудникам ОВД и другим должностным лицам ученый говорит, что они «защищают объекты уголовно-правовой охраны, реализуя свои должностные обязанности в пределах, определенных уставами, инструкциями, наставлениями и т. п.» [5, с. 157–159]. При этом условия правомерности такой защиты не всегда определяются объемом грозящего вреда. Он отмечает, что в соответствии со ст. 210 Устава гарнизонной, комендантской и караульной служб Вооруженных сил Российской Федерации⁶ часовой обязан применить оружие без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый им объект. Статья 211 Устава позволяет применять оружие даже по обращенному в бегство нарушителю. На этой же позиции стоит и Верховный Суд Российской Федерации, который в своих поста-

³ Уголовный кодекс Испании / под ред. и предисл.: Н. Ф. Кузнецова, Ф. М. Решетников ; пер. с исп. В. П. Зырянова, Л. Г. Шнайдер. М., 1998. С. 44.

⁴ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Рос. газета. 2012. 3 окт.

⁵ Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы полиции») : приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 22.01.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новлениях от 27 сентября 2012 г. № 19⁷ и от 16 октября 2009 г. № 19⁸ провозгласил определять правомерность действий должностных лиц, которым разрешено применение оружия, специальных средств и физической силы, в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения.

Удивляет В. И. Михайлов относительно того, что он не говорит ни слова об упречности данных положений. Более того, он искусственно сужает рамки действующей законодательной формулировки необходимой обороны: «...государство в ст. 37 УК определяет признаки ситуации, при возникновении которой лица, действующие в *частном* (курсив наш. — С. М., А. Н.) качестве, вправе в целях защиты охраняемых уголовным законом интересов причинять вред лицу, посягающему на эти интересы, а также устанавливает пределы допустимого при этом вреда» [5, с. 160].

Следуя его логике, ч. 3 ст. 37 УК РФ не распространяется на военнослужащих, полицейских и сотрудников других правоохранительных и государственных органов⁹. Полагаем, данный подход может служить оправданием для уже сложившейся печальной тенденции — пассивности полицейских ко всякого рода противоправным проявлениям.

Говоря о провокации, отметим позицию Европейского суда по правам человека. Отграничивая провокацию от допустимого поведения, Европейский суд дал ее определение: «Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неясным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело...» [15, с. 34].

Профессор П. С. Яни, ссылаясь на п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г., пришел к парадоксальному выводу, что Пленум «совместно с ЕСПЧ ввел в российское уголовное законодательство отсутствующую в Уголовном кодексе норму о соответствующем обстоятельстве, исключающем преступность деяния...» [16, с. 1127].

При этом он говорит не о «правомерной провокации», а, напротив, утверждает, что «провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ, обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась» [16, с. 1126]. Примечателен и еще один аналогичный вывод: «... если должностное лицо получает, по его представлению, незаконное вознаграждение за действия (бездействие) по службе, но принятие им такого вознаграждения происходит в процессе проводимых в отношении его ОРМ не по инициативе должностного лица либо хотя формально и по его предложению, но в условиях, искусственно созданных, смоделированных сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, когда ничего не предполагало, что деяние было бы совершено без их вмешательства, указанные действия сотрудников правоохранительных органов являются согласно единой позиции Европейского суда по правам человека, Верховного Суда Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации провокационными по сути, юридически — подстрекательскими, а потому исключают уголовную ответственность спровоцированного, склоненного к совершению соответствующего деяния должностного лица за получение взятки» [16, с. 1126].

Считаем, ученый неправ, поскольку ни Верховный Суд России, ни тем более ангажированный русофобскими силами Европейский суд по правам человека (под которым западные оппоненты понимают почему-то исключительно права осужденных) не вправе вводить в наше уголовное законодательство какие-либо новые нормы. Это будет грубым нарушением известного со времен барона Шарля де Монтескье общепризнанного принципа разделения властей. К тому же отечественное уголовное законодательство, по мнению его творцов, целиком сосредоточено в самом Уголовном кодексе (ч. 1 ст. 1 УК РФ).

Но дело не только в этом. Критикуемый подход к провокации преступления подрывает институт соучастия, в частности, значение подстрекательской деятельности. Получается, что таковая должна исключать ответственность исполнителя и в других случаях — при подстрекательстве к хищению, убийству, изнасилованию и другим преступным посягательствам. Конечно, сотрудники правоохранитель-

⁷ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Рос. газета. 2012. 3 окт.

⁸ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Там же. 2009. 30 окт.

⁹ Критику указанной позиции см. в наших публикациях [12, с. 312–313; 13, с. 26–32; 14, с. 56–60].

ных органов нередко пренебрегают требованиями закона, в том числе и уголовного, склоняя криминально неустойчивых лиц к активизации своего поведения. Но это никак не должно препятствовать привлечению последних к уголовной ответственности в соответствии с положениями ст. ст. 33–34 УК РФ¹⁰.

Ставшие уже легендарными «стопхамовцы» успешно используют провокацию в своих целях, хотя некоторые провоцируемые ими водители ведут себя своеобразно: «В ходе очередного рейда активистов „СтопХама“ в Петербурге против любителей езды по тротуару нашлись нарушители, которые сами упрашивали активистов наклеить им знаменитый круг с надписью „Мне плевать на всех“. В ролике, выложенном в YouTube 9 октября, два таких автомобиля. Водитель „Мерседеса“ несколько раз требует „клеить“. Улыбчивая девушка на бордовом „Лексусе“ тоже вроде бы не против — и получает свое»¹¹.

На наш взгляд, только правомерная провокация сможет послужить действенным средством для противодействия «телефонному терроризму». В начале октября 2017 г. серия телефонных атак возобновилась в Петербурге. Вечером в субботу 7 октября с 19:09 до 20:05 семью звонками с номера IP-телефонии были эвакуированы «Галерея», «МЕГА Парнас» и «МЕГА Дыбенко», «Гранд Каньон», «Жемчужная плаза», «Лето», «Охта Молл» — 29 тысяч человек и более двух тысяч автомобилей. 8-го числа к привычным ТРК были добавлены отели «Мариотт» на Грибоедова, «Авенти» рядом с Московским вокзалом, «Соната» на Гороховой, «Невский берег» на Невском, «Мойка, 5» на одноименной набережной. По итогам 7–9 октября общая численность эвакуированных превысила 50 тысяч человек. На нештатных мероприятиях задействованы сотни полицейских.

Смольный, где располагается администрация Санкт-Петербурга, стал жертвой тех же преступников, что терроризировали торговые центры. Атака на власть совпала с массовой эвакуацией образовательных учреждений. Утром 9 октября анонимы сорвали учебный процесс в пятнадцати школах. В этот день телефонные террористы 114 раз за сутки угрожали взрывами.

Преступники звонили непосредственно по телефонам объектов или в дежурные службы районов. Они использовали номер с префиксом США и Канады, но IP-технологии позволяют пользователю произвольно выбирать привязку, она может и не совпадать с фактической локацией.

По словам директора ФСБ России А. Бортникова, волна минирований принесла не только моральный урон, но и экономический ущерб в 300 млн рублей¹². К середине ноября 2017 г. число людей, эвакуированных по стране, достигло 2 млн. В это же время начальник ГУ МВД России по Москве О. Баранов заявил, что звонки лжетеррористов поступают из США, Японии, Украины и Турции. Судя по всему, это считается непреодолимым барьером для пресечения деятельности правонарушителей. Теоретическим обоснованием подобного пессимизма служит утверждение В. И. Михайлова, что «пространственные границы ситуаций, в пределах которых возможно причинять вред по правилам норм главы 8 УК, ограничены пределами Российской Федерации» [5, с. 81].

На самом деле толкование чч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ дает нормативное основание для правомерного причинения вреда укrywшимся за пределами России ее гражданам, апатридам и даже иностранцам за счет необходимой обороны и (или) насильственного препровождения их в органы власти (прежде всего в полицию). Подобная практика широко реализуется за рубежами своих границ как государствами-«изгоями» (типа КНДР), так и вполне уважаемыми США и Израилем.

Речь идет не о физическом устранении звонивших (что, впрочем, тоже нельзя исключать, если «телефонисты» состоят в рядах ИГИЛ и других официально запрещенных террористических организаций), а о выводе из строя или изъятии у них средств связи, другого оборудования, используемого для вещания на Россию (или блокирование средств их связи).

Возвращаясь к традиционной и привычной нам практике, отметим, что ловля на живца уже давно применяется как наиболее успешное средство сотрудниками 9 отдела оперативно-разыскной части № 2 Петербургского полицейского главка¹³. Нередко только провокация позволяет задержать с поличным (или, как говорят оперативники, «на кармане») искусного вора-карманника, разрезающего остро заточенной монетой сумки и вытаскивающего кошелек добропорядочных жителей и гостей Северной столицы. В преддверии чемпионата мира по футболу 2018 г. избавить болельщиков от преступной напасти — наиболее приоритетная задача правоохранительных органов, равно как и противодействие террористической угрозе.

Давно назрела необходимость введения нормы о «правомерной провокации» в Уголовный кодекс Рос-

¹⁰ На это справедливо указывается в научной печати [17, с. 12, 101, 122, 124–125, 127, 129, 174].

¹¹ «Стопхамовцы» повстречали нарушителей, которые сами выпрашивали наклейку. URL: <http://spbvoditel.ru/2017/10/09/030/> (дата обращения: 15.10.2017).

¹² URL: <http://www.fontanka.ru/2017/10/09/049/> (дата обращения: 12.11.2017).

¹³ Полоцкий С. Держи карман... уже // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 9 нояб.

сийской Федерации [18, с. 209; 19, с. 60–67; 20, с. 5–15; 21, с. 87–92; 22, с. 174–179]. В ней следует четко закрепить полномочия должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие, в том числе на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы в целях их последующего задержания и изобличения в содеянном.

Свою лепту в разрешение указанных противоречий внес Конституционный Суд Российской Федерации, защитив суверенитет России в рассматриваемой и других сферах¹⁴.

По нашему мнению, только активные, в том числе и «провокационные», действия правоохранителей способны переломить существующую ситуацию. Потому предложенная нами норма о «правомерной» провокации [23, с. 51–55; 24, с. 121–129; 25, с. 45–53] может быть успешно использована и для активных действий должностных лиц правоохранительных органов путем социально полезной провокации необходимой обороны.

На основании изложенного предлагаем дополнить статью 37 УК РФ частью 2² в следующей редакции: «Провокация посягательства не порождает состояния необходимой обороны за исключением случаев, когда она выразилась в правомерных действиях, в том числе предусмотренных статьей 39¹ настоящего Кодекса».

В заключение приводим текст ранее разработанной нами ст. 39¹ УК РФ:

«Статья 39¹. Правомерная провокация

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в ре-

зультате правомерной провокации для изобличения виновного в совершении преступления и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, если иными средствами изобличить такое лицо (лиц) в данной ситуации не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и степени общественной опасности совершенного им деяния и личности виновного.

2. При оценке правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, личность, способы уклонения от ответственности, разумная необходимость в причинении вреда для достижения целей провокации и иные обстоятельства, связанные с фактом осуществления провокационных действий.

3. Превышением пределов правомерной провокации признается причинение вреда, явно несоответствующего характеру и степени угрожающей опасности совершенного (совершаемого) провоцируемым лицом деяния. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

4. Положения частей 1–3 настоящей статьи в полной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки или служебного (должностного) положения. В случае противоречия содержания норм других законодательных или подзаконных нормативных актов применяются положения настоящей статьи».

Список литературы

1. Милюков С. Ф. Денационализация борьбы с преступностью в России (на примере капитуляции перед хулиганством) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2.
2. Милюков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4.
3. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004.
4. Смирнова Л. Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005.
5. Михайлов В. И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: основной уголовно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. X : Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2016. С. 66–260.

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П // Рос. газета. 2015. 27 июля.

6. *Звечаровский И. Э.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. 1 : Преступление и наказание. СПб., 2008.
7. *Толкаченко А. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2012.
8. *Пионтковский А. А.* Необходимая оборона // Уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1938.
9. *Кадников Н. Г., Дмитренко А. П., Рускевич Е. А.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015.
10. *Хуайчжи Чу.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009.
11. *Побегайло Э. Ф.* Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. Т. 7. СПб., 2014.
12. *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Новейшие походы к изучению проблем правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3(15). С. 312–313.
13. *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Применение огнестрельного оружия при охране объектов животного мира и среды их обитания // Уголовное право. 2011. № 1. С. 26–32.
14. *Никуленко А. В.* Соотношение отдельных положений Федерального закона «О полиции» и норм главы VIII Уголовного кодекса РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3(59). С. 56–60.
15. *Трубникова Т. В.* Право на защиту: правовые позиции ЕСПЧ и их отражение в постановлении Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2015. № 8. С. 34–45.
16. *Яни П. С.* Провокационно-подстрекательская деятельность как обстоятельство, исключающее ответственность за взяточничество // Энциклопедия уголовного права. Т. 27 : Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. СПб., 2017.
17. *Дударенко В. В.* Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
18. *Петровский А. В.* Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне. М.–Ставрополь, 2007. С. 209–216.
19. *Исиченко А. П.* Новеллы в оперативно-розыском и милицейском законодательстве // Научный портал МВД России. 2009. № 4(8).
20. *Астафьев Ю. В.* Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Трухачев. Вып. 5. Воронеж, 2009.
21. *Крапива И. И.* Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 87–92.
22. *Шкабин Г. С.* Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2015.
23. *Никуленко А. В.* Возможности УК России в противодействии взяточничеству и иным коррупционным преступлениям // Уголовное право России: состояние и перспективы (коррупционные преступления) : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Г. В. Штадлера. СПб., 2016.
24. *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Неиспользованные возможности Уголовного кодекса России в противодействии коррупции // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : мат-лы межведомственного круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016.
25. *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4(40).

УДК 343 © Ганмягмар Болор-Эрдэнэ, 2018

Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России

Ганмягмар Болор-Эрдэнэ, Министерство юстиции и внутренних дел Монголии (г. Ховд, Республика Монголия).
E-mail: bolor_spy@yahoo.com

Анализируются система, структура и содержание правовых актов в сфере профилактики преступности России и Монголии, показаны сходство и различия в принципах борьбы с преступностью, средствах и полномочиях субъектов предупреждения преступлений. Отмечается, что для предупреждения посягательств, представляющих наибольшую опасность, законодатели идут по пути принятия отдельных законов, которые детализируют деятельность по предупреждению преступлений. Отмечена актуальность проблемы межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения криминологической безопасности.

Ключевые слова: антикриминальное законодательство Монголии и России; субъекты профилактики; система профилактики преступлений; противодействие преступлениям повышенной опасности.

Comparative Analysis of Legislation with regard to Crime Prevention in Mongolia and Russia

Ganmyagmar Bolor-Erdene, Ministry of Justice and Home Affairs of Mongolia (Mongolia, Khovd). E-mail: bolor_spy@yahoo.com

The system, structure and content of legal acts concerning crime prevention in Russia and Mongolia are under consideration. The article focuses on common features and differences in principles of fighting crime, means and powers of subjects of crime prevention. It is noted that to prevent the most dangerous encroachments legislators prefer to adopt the laws which detail crime prevention activities. The relevance of the problem of interdepartmental cooperation in the sphere of providing criminological safety is emphasized.

Keywords: anti-criminal legislation of Mongolia and Russia; subjects of prevention; system of crime prevention; counteracting crimes of increased danger.

Современный подход к обеспечению внутренней безопасности стран, регионов, городов, отдельных объектов и граждан требует эффективных стратегий [1]. В сфере борьбы с преступностью в качестве таковой можно считать деятельность, направленную на предупреждение преступности [2, с. 24]. Предупреждение, будучи одним из элементов противодействия и борьбы с преступностью, охватывает сферу органов государственной и исполнительной власти, судов, должностных лиц, институтов гражданского общества, а также действия физических лиц, направленные на устранение причин и условий совершения преступлений, пресечение совершаемых уголовно-противоправных посягательств, включая влияние на лиц, готовящихся совершить преступление, а также потенциальных потерпевших. Деятельность уполномоченных субъектов предупреждения (об-

ладающих не только правами, но и обязанностями) может считаться профилактикой. Такой подход позволяет очертить круг тех, кто должен организовать соответствующую работу, отвечать за достижение требуемых результатов, располагать, распределять и использовать соответствующие ресурсы, взаимодействуя с иными субъектами (юридическими и физическими лицами), заинтересованными в обеспечении криминологической безопасности.

Очевидно, что достижение большинства целей, на которые ориентирована правоохранительная сфера, может осуществляться в рамках действующего законодательства, что позволяет гарантировать соблюдение прав как потерпевших, так и преступников. Предупреждение преступлений не может осуществляться в «незаполненном» правовом пространстве. Это не значит, что каждый нормативный

правовой акт следует рассматривать как источник, например, предупредительного законодательства. Полагаем, к таковым можно отнести лишь те, которые непосредственно регламентируют отношения, связанные с предотвращением и пресечением уголовно-противоправных посягательств, с устранением их причин и условий, включая воздействие на лиц, готовящихся совершить преступление, а также на потенциальных потерпевших.

Нормативные правовые акты Монголии, регламентирующие профилактику преступлений, представляют собой многоуровневую систему, включающую ряд базовых элементов:

— международные правовые акты, которые ратифицированы Монголией как субъектом международного права;

— Конституцию страны и другие законы;

— ведомственные нормативные правовые акты республиканских правоохранительных органов;

— программные (плановые) документы в сфере борьбы с преступностью, принимаемые правительством страны;

— правовые акты, имеющие прецедентный статус (решения высших судебных органов страны);

— региональные и локальные нормативные акты, включая должностные регламенты, позволяющие персонализировать полномочия отдельных должностных лиц.

Говоря о *международных правовых актах* в сфере профилактики преступлений, отметим, что Монголия традиционно ратифицирует соответствующие конвенции, принятые Организацией Объединенных Наций, с незначительным количеством оговорок. В этой части ее правовое пространство почти идентично российскому. Различия связаны с территориальными особенностями Монголии — она является азиатской страной, поэтому здесь не действуют европейские конвенции, хотя многие их положения можно найти в национальных законах, что позволяет более полно урегулировать широкий спектр отношений в рассматриваемой сфере.

Давая оценку *республиканскому законодательству* Монголии, укажем, что основную нагрузку по урегулированию соответствующей деятельности несут законы страны, в первую очередь, ее Конституция¹. Являясь базовым документом, которым должен руководствоваться каждый из субъектов профилактики на территории Республики Монголия, она содержит ряд важнейших положений, устанавливающих границы соответствующей деятельности:

— согласно ст. 11 Конституции Монголии обеспечение национальной безопасности, общественного порядка является обязанностью государствен-

ной власти. Невыполнение соответствующих обязательств может повлечь различные виды ответственности — от дисциплинарной до уголовной;

— значительную часть своих прав и свобод граждане Монголии реализуют в процессе общественной деятельности при взаимодействии с другими людьми, поэтому важное значение для определения ориентиров правоохранительной деятельности имеют положения Конституции Монголии о недопустимости каких-либо форм дискриминации (ч. 2 ст. 14), а также о гарантированных гражданам правах и свободах (ст. 16);

— согласно ст. 17 Конституции Монголии каждый гражданин обязан почтительно относиться и соблюдать Конституцию, другие законы государства, уважать честь, достоинство, права, законные интересы других лиц, а в соответствии со ст. 19 государство несет перед своими гражданами обязательства по защите прав и свобод человека, по обеспечению экономических, социальных и юридических гарантий, ведет борьбу с нарушениями прав и свобод человека;

— при использовании прав и свобод никто не имеет права наносить урон национальной безопасности, ущемлять права и свободы других людей, нарушать общественный порядок;

— Конституцией определены полномочия Президента и Правительства страны в части обеспечения криминологической безопасности (Президент в пределах своих полномочий издает указы, согласующиеся с законами, а Правительство Монголии в соответствии со ст. 38 Конституции контролирует исполнение Конституции и других законов по всей стране, обеспечивает национальную безопасность, принимает меры по защите прав и свобод человека, обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью).

Перечисленные положения Конституции Монголии во многом совпадают с конституционными нормами России, что создает благоприятные условия для международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обмена правоохранительным опытом, не ущемляя национальные интересы каждой из стран, а также права и свободы граждан.

К числу иных *законов* страны, которые обеспечивают правовой режим профилактики преступлений, следует отнести нормативные правовые акты, позволяющие идентифицировать формы противоправного поведения и содержащие различного рода санкции за нарушения требований антикриминального законодательства. Это как кодифицированные, так и некодифицированные акты. Отметим, что в 2017 г. в Монголии вступили в действие новые

¹ URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/50> (дата обращения: 06.06.2017).

кодексы, в том числе Уголовный кодекс. По ряду позиций Уголовный кодекс Монголии можно признать более прогрессивным по сравнению с Уголовным кодексом Российской Федерации, так как он лучше детализирует права граждан на защиту от преступных посягательств, стимулирует отказ от преступного поведения и пр.

Важнейшим общим законодательным актом, обеспечивающим профилактику преступлений на территории Монголии, следует считать Закон о предупреждении преступлений, согласно ст. 5 которого основными направлениями предупреждения преступлений являются:

— сбор информации о преступности, исследование и анализ, определение причин и условий;

— устранение причин преступности, разработка мер социального, экономического и правового характера;

— осуществление административного контроля в соответствии с законом;

— привлечение к работе по предупреждению преступности физических и юридических лиц;

— информирование граждан, их стимулирование и обучение².

В законе раскрыты содержание предупреждения преступлений, принципы данной деятельности, основные направления предупреждения преступлений. Все меры предупреждения преступлений (согласно ст. 6) подразделяются на три вида: общие, специальные и индивидуальные меры. В законе определены полномочия всех субъектов предупреждения преступлений (юстиции, прокуратуры, полиции, судов, органов исполнительной власти на всех уровнях и т. д.). Важным является положение ст. 7, устанавливающее необходимость ежегодного отражения в бюджетах затрат на предупреждение преступлений.

По времени принятия названного закона Монголия на десять лет опередила Россию, где аналогичный закон появился лишь в июне 2016 г. (Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Будет ли российский закон более эффективным по сравнению с монгольским, покажет время, но создание в России системы мониторинга реализации указанного закона (это предусмотрено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2016 г. № 1564) вселяет надежду на выполнение соответствующими субъектами требований законодателя к работе в сфере предупреждения преступлений в полном объеме. Общим для законов о предупреждении преступле-

ний двух стран является то, что ответственность за профилактику преступлений возложена на местные органы власти и управления. В Монголии эта идея отражена в ст. 30.1 Закона о местной власти от 15 декабря 2006 г., в соответствии с которой местная власть должна обеспечить безопасность населения на основе его резолюции, а главы аймаков и столицы — обеспечить защиту своей территории, регулировать охрану общественного порядка, национальную безопасность и координировать деятельность правоохранительных органов.

Важную роль призваны играть акты, посвященные профилактике отдельных форм преступного поведения, они есть как в Монголии, так и в России. Их списочное сравнение потребует несколько страниц, поскольку насчитывает несколько десятков. В Монголии подобных документов, принятых на республиканском уровне, гораздо меньше. Близкие по названию законы во многом совпадают и по целевому назначению, структуре и базовым положениям. Характерно, что в каждой из стран практика принятия таких законов одинакова: дополнительному (специальному) регулированию подвергается, с одной стороны, профилактика наиболее опасных видов преступных проявлений (терроризм, экстремизм, коррупция, отмывание доходов, полученных преступным путем), с другой стороны, преступлений, совершаемых определенными категориями граждан: несовершеннолетними, лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и др.

Трудно переоценить значимость *документов, определяющих правовые основы функционирования отдельных субъектов правоохранительной деятельности*. В Монголии — законы о государственной службе, о местной власти, о судах, прокуратуре, полиции. В России такого рода законов гораздо больше, их наличие в каждой из стран объяснимо: профилактика преступлений требует консолидации усилий множества субъектов как по «вертикали», так и по «горизонтали». Соответствующие документы различаются по структуре, содержанию, полномочиям, которыми обладают субъекты правоохранительной деятельности, при этом основные направления их работы почти полностью совпадают.

Основную нагрузку в сфере профилактики преступлений в Монголии несет полиция. Закон о полиции Монголии³ обязывает полицейских:

— прибывать незамедлительно на место совершения преступления, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать обстоятельства совершения преступления, обеспечи-

² URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/225> (дата обращения: 06.06.2017).

³ URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/12469> (дата обращения: 06.06.2017).

вать сохранность следов преступления, административного правонарушения, происшествия (п. 9.2.1);

— обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках и других общественных местах (п. 9.2.3);

— осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения собственной безопасности (п. 9.2.4);

— участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и обеспечению правового режима контртеррористической операции, а также по обеспечению защиты от террористических посягательств мест массового пребывания граждан, в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов (п. 11.1.3);

— осуществлять государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц (п. 11.1.5);

— пресекать массовые беспорядки, обеспечивая правовой режим общественного порядка (п. 11.1.6);

— взаимодействовать в сферах деятельности полиции с соответствующими органами других государств и международными организациями, основываясь на международных договорах, а также на учредительных актах и правилах международных организаций (п. 13.4.5).

В России на полицейских возложен еще больший спектр задач, который определен Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴. Результаты их работы освещаются в научной литературе, в средствах массовой информации, Интернете, а также на официальном сайте МВД России.

Координатором профилактической деятельности по большинству направлений в России выступает прокуратура. В соответствии с п. 18.1.7 Закона о прокуратуре Монголии от 4 июля 2007 г. на органы прокуратуры возложены только надзорные функции: надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за исполнением законов судебными приставами; защита общественной безопасности; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и за-

ключенных под стражу. В России ответственность за большинство упущений в организации профилактической деятельности, например на территориальном и муниципальном уровнях, должны нести соответствующие прокуроры, в Монголии лица, замещающие аналогичные должности, такой ответственности подвергаться не могут. Если оценивать масштабы наказания российских прокуроров за низкий уровень профилактической работы, можно предположить, что деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере успешна.

Самостоятельную группу нормативных правовых актов в России и Монголии образуют *документы, изданные различными республиканскими министерствами (ведомствами)*. Они создают ориентиры для профилактики преступлений в Монголии: порядок приема заявлений и сообщений, порядок учета преступлений, критерии эффективности деятельности полиции в сфере профилактики преступлений. Их анализ может стать предметом специального исследования.

Среди *организационно-управленческих документов*, которые позволяют обеспечить предупреждение преступлений в общественных местах в городах Монголии, важнейшим является Национальная программа предупреждения преступности. Предыдущая программа действовала в период с 2014 г. по 2016 г. Она была нацелена на распространение информации, адаптированной для разных категорий населения, обучение граждан и пропаганду правомерного поведения, повышение осведомленности общественности на основе широкого использования современных информационных технологий, а также на координацию работы образовательных организаций, общественных и неправительственных организаций, физических и юридических лиц. Программа предполагала комплексное финансирование, для ее реализации привлекались средства национального и местных бюджетов, которые целевым образом выделены для реализации Закона о предупреждении преступлений, а также средства граждан, юридических лиц и пожертвования. В настоящее время разрабатывается очередная национальная программа.

Еще один документ, который позволяет скоординировать усилия правоохранительных органов, — это программа «Общественно-полицейское сотрудничество», утвержденная указанием Правительства Монголии от 22 марта 2015 г.⁵ (ранее действовала программа 2011 г.). Причина принятия программы — недостаточное информирование населения о деятельности полиции, недопонимание значимости деятельности полиции, а также недостаточное сотрудничество

⁴ Рос. газета. 2011. 8 февр.

⁵ URL: <http://www.legalinfo.mn/annex/details/6816?lawid=11150> (дата обращения: 06.06.2017).

граждан с полицией. Кроме того, необходимость принятия программы была обусловлена потребностями в повышении эффективности предупреждения преступности, функционирования правоохранительных органов, в укреплении сообщества полиции, развитии сотрудничества полиции с гражданами, в усилении борьбы с преступностью.

Программа была направлена на расширение участия общественности в предупреждении преступности и правонарушений, повышение уровня правовых знаний граждан, на создание условий для снижения уровня преступности и предотвращения злоупотребления со стороны полицейских. В рамках достижения этих целей были получены конкретные результаты:

- снизился уровень преступности и количество конфликтов между полицией и гражданами;
- возросла правовая активность граждан, в том числе инициатива в охране общественного порядка;
- вырос уровень доверия к полиции;
- сотрудничество с многими гражданами стало постоянным;
- граждане стали участвовать в обсуждении вопросов совершенствования деятельности полиции;
- полицейские прошли повышение квалификации по программам работы с населением;
- инициативные группы граждан при сотрудничестве с местной полицией улучшили показатели по предупреждению преступлений в городах.

Главным результатом реализации программы стала открытость в работе полицейских подразделений, лучшая информированность граждан о результатах служебной деятельности, готовность поддерживать работу полицейских и оказать им помощь.

В России также действует ряд федеральных, региональных и муниципальных программ, которые прямо или косвенно связаны с профилактикой преступлений. Среди федеральных программ можно выделить «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», «Создание системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру „112“». Реализация этих программ осуществляется с учетом положений Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который обязывает разрабатывать любого рода программы на основе предварительного анализа и составления необходимых прогнозов развития страны и регионов.

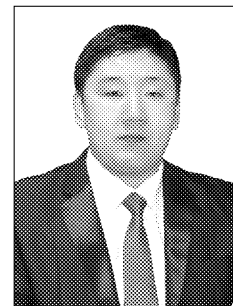
Таким образом, в Монголии и России сложилась и развивается разветвленная многоуровневая система правового регулирования профилактики преступлений. Она включает международные нормативные правовые акты и документы, принятые органами власти и управления различных уровней. Россия опережает Монголию по числу принятых нормативных правовых актов как на федеральном уровне, так и на ведомственном. Различны в странах и полномочия основных субъектов профилактической деятельности. Прежде всего это касается прокуратуры, на которую в России возложены надзорные функции, ей же отведена роль координатора соответствующей работы. В России действует также больше программ, обеспечивающих практическую реализацию принятых законов.

Список литературы

1. Латин А. А. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализация органами внутренних дел : монография / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2012.
2. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография / под общ. ред. Р. В. Журбина. М., 2016.

УДК 343.2 © А. А. Турышев, Б. Чулуунбаатар, 2018

Условно-досрочное освобождение по законодательству России и Монголии

А. А. Турышев, Омская академия МВД России. E-mail: lawtech15@mail.ru

Б. Чулуунбаатар, Омская академия МВД России. E-mail: bok_mvd@mail.ru

Уголовное законодательство России и Монголии имеют единый источник происхождения — советское уголовное право. Тем ценнее различия, происшедшие с законодательством в результате самостоятельного развития. Монгольское уголовное законодательство обладает более практичным характером, российское имеет глубокую теоретическую проработку и детальность регламентации. При наблюдаемых различиях в регламентации условно-досрочного освобождения в законодательстве обоих государств можно проследить универсальную модель, требующую нормализации. Так, проектирование института условно-досрочного освобождения должно проводиться соразмерно целям с учетом мотивации осужденного. По результатам сравнительного анализа предложены меры по повышению качества законодательной регламентации условно-досрочного освобождения в России и в Монголии.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; возмещение ущерба; исправление осужденного; практика условно-досрочного освобождения; теория условно-досрочного освобождения; сравнительное исследование.

Parole Release under the Russian and Mongolian Legislation

A. A. Turyshev, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia). E-mail: lawtech15@mail.ru

B. Chuluunbaatar, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia). E-mail: bok_mvd@mail.ru

Criminal legislations of Russia and Mongolia are based on one single source, that is Soviet criminal law. So much more important are the differences in the legislation resulting from independent development. The Mongolian criminal legislation is of more practical character, the Russian one relies on the profound theoretical elaboration and detailed regulation. Despite the obvious differences in regulation of parole release by legislation of both countries it is possible to trace back the universal model requiring normalization. Thus, developing an institution of parole release must be appropriate to the purposes and with the convict's motivation accounted for. According to the results of the comparative analysis the authors suggest some measures to increase efficiency of legal regulation of parole release in Russia and Mongolia.

Keywords: parole release; damages; correction of the convict; parole release practice; theory of parole release; comparative study.

Условно-досрочное освобождение является одним из наиболее распространенных видов освобождения от наказания. В связи с этим актуальны поиски оптимального представления данного института, которые можно осуществлять различными методами, но результативным, на наш взгляд, является сравнительно-правовое исследование. При рассмотрении условно-досрочного освобождения в российском и монгольском уголовном законодательстве важно учитывать следующие исходные положения:

1) современные российское и монгольское уголовное законодательство имеют общую исходную

точку — уголовное законодательство советского периода;

2) условно-досрочное освобождение в каждой из стран претерпело трансформацию, исходя из национальных особенностей и ценностных установок.

Для нашего исследования важны изменения, происшедшие с регламентацией условно-досрочного освобождения в действующем уголовном законодательстве России и Монголии, причины формирования различий и идей, положенных в основу этих изменений. С 1 июля 2017 г. действует новый Уголовный кодекс Монголии, который отразил идеологиче-

ский вектор развития монгольского уголовного законодательства, поэтому в статье будет встречаться обращение как к действующему, так и к предыдущему уголовному законодательству.

Процедурные моменты условно-досрочного освобождения в уголовном законодательстве России и Монголии при некоторых специфичных моментах во многом совпадают. Так, основанием освобождения является уверенность государства в лице органов, исполняющих наказание, в должной мере исправления осужденного, формально выраженной в отбытии последним определенной части наказания. В соответствии со ст. 6.12 УК Монголии условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным не менее половины срока при назначенном наказании до пяти лет лишения свободы; не менее двух третей срока при назначенном наказании от пяти до двенадцати лет лишения свободы; не менее трех четвертей срока при назначенном наказании от двенадцати до двадцати лет лишения свободы. Ранее в Уголовном кодексе Монголии 2002 г. было установлено ограничение для применения условно-досрочного освобождения к рецидивистам, а также помилованным от применения смертной казни (ст. 74 ч. 4). В ныне действующем УК Монголии таких запретов нет, любой осужденный, отбывший указанную в законе часть срока, может подать ходатайство об условно-досрочном освобождении. Полагаем, что одинаковая возможность для применения условно-досрочного освобождения для осужденных, впервые совершивших преступление и совершивших повторно, будет восприниматься последними как способ избежать наказания. Кроме того, монгольский законодатель устанавливает одинаковые условия в применении условно-досрочного освобождения как в отношении несовершеннолетних осужденных, так и в отношении взрослых, что в корне неверно, учитывая их различные возрастные и психологические характеристики. В этом отношении регламентация условно-досрочного освобождения в России построена более детально и последовательно с учетом гуманистических особенностей.

Формальные основания условно-досрочного освобождения в Уголовном кодексе РФ учитывают тяжесть совершенного преступления, факт отмены предыдущего условно-досрочного освобождения, отбытие наказания за отдельные категории преступлений, например, против половой неприкосновенности несовершеннолетних (в том числе не достигших четырнадцатилетнего возраста), тяжких и особо

тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, преступлений террористического характера. Таким образом, основания условно-досрочного освобождения лучше отражены в уголовном законодательстве России, чем в Монголии. Отметим пробел в регламентации условно-досрочного освобождения в российском уголовном законодательстве в отношении простого, опасного и особо опасного рецидива. С точки зрения применения уголовного закона виды рецидива равнозначны и не влияют на степень общественной опасности, несмотря на тот факт, что уровень рецидива среди лиц, освободившихся от наказания из мест лишения свободы условно-досрочно, выше, чем у тех, которыми срок наказания был отбыт полностью [1, с. 11]. В настоящее время в отношении различных видов рецидива применяются общие основания условно-досрочного освобождения, что фактически приводит к игнорированию на законодательном и правоприменительном уровнях направленности и мотивации поведения преступника.

В качестве необходимых условий применения условно-досрочного освобождения УК Монголии указывает следующие:

- 1) осужденный возместил ущерб, причиненный преступлением;
- 2) осужденный доказал исправление перед обществом своим поведением;
- 3) осужденный не допустил нарушений в период отбывания наказания (ст. 6.12).

В российском уголовном законодательстве мы наблюдаем подобное:

- 1) для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (т. е. учитываются поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию);
- 2) лицом возмещен полностью или частично вред, причиненный преступлением.

Появление в 2014 г. изменений в порядке применения условно-досрочного освобождения, предусматривающих положение, что осужденный возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда¹, значительно повлияло на применение данного института. Как показала практика, некоторые суды стали воспринимать это требование буквально: не возмещен ущерб либо есть взыскание — отказ в условно-досрочном освобождении².

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52, ч. I, ст. 6997.

² Число выходящих на свободу по УДО в России за последние 5 лет сократилось вдвое. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2445379> (дата обращения: 10.11.2017).

Это сказалось на показателях условно-досрочного освобождения и на количестве подаваемых ходатайств. Если в 2007 г. в России на свободу по условно-досрочному освобождению вышли 132 тыс. человек, то в 2016 г. — лишь 55 тыс. Наблюдается и сокращение числа подаваемых ходатайств — с 207 тыс. обращений в суды в 2010 г. до 122 тыс. в 2016 г. Уменьшилось и число удовлетворенных судами ходатайств об условно-досрочном освобождении: в 2004–2005 гг. удовлетворялось до 80–90% ходатайств, в 2007 г. — 68%, в 2008 г. — 64, в 2009 г. — 59, в 2010 г. — 57, в 2011 г. — 56, в 2012 г. — 51, в 2013 г. — 46%. В последующие два года происходит стабилизация показателей: в 2014 г. — 41%, 2015 г. — 40%, а в дальнейшем возобновляется рост: в 2016 г. — 45%, в 2017 г. (1-е полугодие) — 47%³. Изменение критериев влияет на оценку достижимости условно-досрочного освобождения, что отражается на уровне подаваемых ходатайств.

Полагаем, при применении условно-досрочного освобождения следует руководствоваться достижимостью целей наказания, что связано с рядом объективных критериев. В поведении осужденного они проявляются через два момента:

- 1) возмещение вреда, причиненного преступлением;
- 2) возвращение к нормальной жизни в обществе (обучение, трудоустройство, позитивное поведение, планы на будущее и т. д.).

Исправление осужденного и восстановление социальной справедливости достигается как в связи с полным возмещением ущерба от преступления, так и при частичном, если действия в будущем приведут к выплатам до полного погашения долга. Стремление к возмещению вреда возможно в трех ситуациях:

- 1) полное возмещение;
- 2) частичное возмещение с демонстрацией намерения возместить;
- 3) без возмещения (если не было объективной возможности) с демонстрацией намерения возместить и принять обязательства по возмещению. Например, в местах лишения свободы лицо может заработать незначительную сумму или там может совсем отсутствовать возможность трудиться, однако стремление возместить вред может выразиться в обучении новой профессии и в принятии обязанности устроиться на работу в период условно-досрочного освобождения.

Таким образом, принятие осужденным мер к возмещению причиненного преступлением вреда (даже в силу объективных причин в незначи-

тельном размере) не может быть основанием для отказа в условно-досрочном освобождении. Полагаем, что разработка мер по стимулированию возмещения вреда, учитывая мотивацию осужденного, должна иметь положительный эффект. Кроме того, для корыстных преступлений, совершаемых в рамках преступной деятельности, следует применять условно-досрочное освобождение только при полном возмещении ущерба, а для остальных случаев — в зависимости от усилий осужденного при наличии фактической возможности.

Основной целью является побуждение осужденного к тому, чтобы принятое решение об исправлении было самостоятельным и осознанным. Ключевыми показателями, демонстрирующими намерение исправиться, являются трудоустройство в местах лишения свободы (если такая возможность есть), обучение востребованной профессии, принятие обязанности устроиться на работу во время условно-досрочного освобождения, получить государственный заем на возмещение вреда от преступления, принять обязательство по производству выплат согласно графику. Выплаты должны осуществляться в течение оставшейся неотбытой части наказания. Злобность уклонения от выплаты позволяет отменить условно-досрочное освобождение, что является стимулом для выполнения обязанности.

Повышению эффективности возмещения ущерба будет способствовать принятие государством функции посредничества и гаранта выполнения выплат, например, при согласии осужденного возмещать потерпевшему часть ущерба с последующим взысканием (условно-досрочная ипотека). М. А. Савкина предлагает, не учитывая мнение осужденного, компенсировать потерпевшим ущерб за счет бюджетных средств, а в последующем взыскивать их с осужденного [2, с. 50], что неверно с точки зрения мотивации и осознанности принятия решения. Если осужденный не собирается возмещать причиненный преступлением ущерб, то нельзя вести речь об условно-досрочном освобождении, поскольку осужденный не исправился, следовательно, он должен отбывать наказание в полном объеме.

Для отслеживания эффективности условно-досрочного освобождения важны развернутые статистические данные, получение которых возможно только при изменении работы уголовно-исправительной системы. К сожалению, в настоящее время статистические возможности ограничены, их содержание позволяет получить лишь общие представления о тенденциях применения института условно-досрочного освобождения. Так, соотно-

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции 2007–2017 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.11.2017).

шение осужденных, освобожденных на конец года, к осужденным, освобожденным условно-досрочно или в связи с заменой лишения на более мягкое наказание, выглядит следующим образом: 2006 г. — 233 657/121 369 (52%), 2007 г. — 255 869/125 904 (49%), 2008 г. — 261 653/117 144 (45%), 2009 г. — 273 708/117 297 (43%), 2010 г. — 270 153/105 950 (39%), 2011 г. — 270 802/103 485 (38%), 2012 г. — 249 922/88 365 (35%), 2013 г. — 230 668/68 879 (28%), 2014 г. — 222 203/57 772 (25%), 2015 г. — 230 253/50 960 (22%), 2016 г. — 210 801/53 865 (26%)⁴. Согласно статистическим данным, наблюдается снижение уровня условно-досрочного освобождения с 50%, что является естественным процессом проводимой политики. А. А. Нечепуренко считает близкой к оптимальной долю всех условно осужденных в общем числе осужденных в пределах от 30 до 35% [3, с. 190]. Постепенная смена формальных показателей на реально отражающие достижимость целей выступила причиной такого изменения. Считаем, что оптимальные показатели применения условно-досрочного освобождения должны составлять 20–25%, что подтверждается последними статистическими данными и соответствует правилу 80/20⁵. Повышение процента условно-досрочного освобождения возможно лишь при разработке и внедрении системы мотивации и стимулирования в уголовно-исправительную систему.

Согласно статистическим данным применения условно-досрочного освобождения в Монголии, соотношение осужденных, освобожденных на конец года, к осужденным, освобожденным условно-досрочно, представлено следующим образом: 2010 г. — 2019/741 (37%), 2011 г. — 2222/834 (38%), 2012 г. — 2794/1312 (47%), 2013 г. — 2965/1560 (53%), 2014 г. — 2858/1585 (56%), 2015 г. — 4197/1167 (28%) — снижение показателей условно-досрочного освобождения в 2015 г. связано с проведением амнистии⁶, 2016 г. — 1657/997 (60%)⁷. С 1 июля 2017 г. в новом УК Монголии требование полного возмещения ущерба (как обязательное условие условно-досрочного освобождения) отсутствует, что может спровоцировать увеличение числа условно-досрочного освобождения с 2017 г.

Сравнение ранее действующего и принятого УК Монголии позволяет выявить тенденцию к гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Монголии, что коснулось и институ-

та условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Уголовное законодательство России направлено в сторону практичности, о чем свидетельствует внесение изменений в УК РФ, выдвигающих требование о возмещении причиненного ущерба как условие условно-досрочного освобождения. Сравнение российского и монгольского уголовного законодательства приводит к мысли о правильном выставлении баланса практичности и гуманизма, интересов потерпевшего и осужденного. Полагаем, для обоих государств полезно перенять сильные черты законодательства друг друга, адаптировать их к национальным особенностям.

Таким образом, предложение по совершенствованию условно-досрочного освобождения в Монголии может заключаться во введении оснований для отбытия срока лишения свободы при рецидиве, при пожизненном лишении свободы, при помиловании от смертной казни. Кроме того, следует сохранить практическую направленность уголовного законодательства, позволяющую достигать целей наказания. В целях развития гуманности и учета уровня развития психики несовершеннолетних предлагаем включить в УК Монголии в раздел VIII «Уголовная ответственность несовершеннолетних» следующую норму:

«Статья 8.7. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в несовершеннолетнем возрасте»

1. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденным к лишению свободы, после фактического отбытия:

а) не менее половины срока наказания, назначенного за преступления, наказуемые до трех лет лишения свободы;

б) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления, наказуемые от трех до шести лет лишения свободы;

в) не менее трех пятых срока наказания, назначенного за преступления, наказуемые от шести до десяти лет лишения свободы».

Для совершенствования института условно-досрочного освобождения в России необходимо внести изменения в основания применения условно-досрочного освобождения, дополнив пунктами, предусматривающими минимальные границы отбы-

⁴ Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых (статистическая информация). URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsy%20v%20IK/> (дата обращения: 13.11.2017).

⁵ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Парето (дата обращения: 13.11.2017).

⁶ Об амнистии в связи с 25-летним юбилеем первых демократических выборов в действующий парламент : закон Монголии от 11 августа 2015 г. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/11278> (дата обращения: 13.11.2017).

⁷ URL: <http://cd.gov.mn> (дата обращения 10.11.2017).

тия наказания при простом, опасном и особо опасном рецидиве.

Для совершенствования универсального механизма применения условно-досрочного освобождения необходимо исходить из следующих практических моментов:

1. Ввести законодательную и организационную мотивацию осужденного на восстановление социальной справедливости (возмещение ущерба от преступления) в денежной форме, через труд в местах лишения свободы, через использование заемных

средств, а также в принятии на себя обязательств по трудоустройству.

2. С согласия осужденного предусмотреть возможность возмещения государством потерпевшему ущерба от преступления с последующим поэтапным взысканием с осужденного.

3. Внедрить в уголовно-исправительную систему объективные критерии исправления осужденного. На основе данных статистики выработать критерии эффективности применения условно-досрочного освобождения и систему мер поощрений и ограничений.

Список литературы

1. *Городнянская В. В.* Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
2. *Савкина М. А.* Ответственность государства перед потерпевшими от преступления и механизм компенсации ущерба // *Российская юстиция.* 2014. № 5.
3. *Нечепуренко А. А.* Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования : монография. Омск, 2008.

Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности

И. Ю. Мурашкин, Управление губернатора Омской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений. E-mail: igormurashkin@mail.ru

Возложение бремени доказывания невиновности на сторону обвинения предусмотрено российским законодательством, что не подвергается сомнению в современной научной литературе. Органы предварительного расследования заинтересованы в реализации этого положения не только в силу закона, но и в связи с необходимостью предания суду лица, чья причастность к совершению преступления несомненно доказана. Однако на практике эта позиция не всегда реализуется в полной мере по ряду причин. Добиться исполнения данной составляющей принципа презумпции невиновности и исключения обвинительного уклона при расследовании уголовных дел возможно путем закрепления в УПК РФ жестких требований по сбору доказательств невиновности обвиняемого и изложению их в обвинительном заключении (акте), а также отказа от дисциплинарной репрессии за следственную ошибку при усилении ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Ключевые слова: доказывание; презумпция невиновности; обвинительный уклон; сторона обвинения; следователь; дознаватель.

Prosecution as the Subject of Proving Innocence

I. Yu. Murashkin, Omsk region Governor's Department of Preventing Corruption and other offences (Omsk, Russia). E-mail: igormurashkin@mail.ru

The Russian legislation provides that the burden of proving innocence is vested in the prosecution; neither is it doubted in contemporary scientific literature. Preliminary investigation agencies are interested in implementation of this provision not only due to the law but also due to the necessity of bringing to justice those whose involvement in crime commission has been proved without any reasonable doubt. However, in practice this position is not always implemented to a full degree due to a number of reasons. To fulfill this component of the principle of the presumption of innocence and exclude prosecuting tendency in criminal investigation is feasible by consolidation in the Russian Crime Procedural Code of strict requirements concerning collection of evidence of the defendant's innocence and its presentation in an indictment and by refusal from disciplinary repression for mistakes in investigation under strengthened departmental control and prosecutor's supervision.

Keywords: proving, presumption of innocence, prosecuting tendency, prosecuting party, investigator, interrogator.

В одной из своих работ А. Я. Вышинский указал, что в противовес обязанности обвинителя доказывать виновность гражданина в совершении преступления, обвиняемый или подсудимый должны реализовать свою функцию по доказыванию невиновности [1, с. 242, 244]. Эта позиция подверглась критике со стороны ряда ученых [2, с. 122–127; 3, с. 368]. Точку в этих дебатах поставило принятие в 2001 г. ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), где в ч. 2 ст. 14 определено правило: подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Очевидность этой формулы не вызывает сомнения. Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, как правило, не всегда имеет юридическое образование, навыки сбора и оценки доказательств. Даже если эти обстоятельства присутствуют, обвиняемые (подозреваемые) лишены возможности реализовать их в полной мере. Нередко они ограничены в возможности передвижения. Если следствие и суд не сочли необходимым исключить свободное перемещение гражданина, любая встреча последнего с потерпевшими, свидетелями, иными участниками уголовного процесса может

быть истолкована как желание оказать на них психологическое или физическое воздействие. Это может повлечь негативные последствия для обвиняемого (подозреваемого) в виде применения более жестких мер пресечения. По указанным причинам лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, несмотря на предусмотренное ч. 2 ст. 86 УПК РФ право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, ограничено в реализации данного положения.

Возложение на лицо обязанности доказывать свою невиновность, при условии исключения этой обязанности у других участников уголовного процесса, ставит обвиняемого или подозреваемого в заведомо невыгодные условия.

Следовательно, названные функции должны быть вменены иным лицам, обладающим необходимыми полномочиями и навыками. Согласно ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в сборе, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Сбор доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

При этом ст. 73 УПК РФ установлено, что к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, относятся и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5), смягчающие и отягчающие наказание (п. 6), а также обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7). Кроме того, в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»¹ указано, что при постановлении приговора должны получить оценку доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. В пункте 6 названного постановления предписывается судьям оценить в приговоре все доказательства: как уличающие, так и оправдывающие подсудимого. Пунктом 17 этого же документа определено, что при постановлении оправдательного приговора в его описательно-мотивировочной части анализируются доказательства, обосновывающие вывод суда о невиновности подсудимого.

Таким образом, в уголовном деле могут и должны находиться доказательства, опровергающие позицию органов предварительного расследования о виновности обвиняемого. Более того, эти материалы должны быть не только приобщены представителями стороны защиты, но и получены этими же

должностными лицами. Данная позиция основана на том, что одним из назначений правосудия является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Следовательно, возникает вопрос: какие основания могут стать поводом для приобщения стороной обвинения к материалам уголовного дела доказательств, оправдывающих обвиняемого?

Сбор доказательств невиновности следователем или дознавателем определен их правоохранительной деятельностью. Даже в этом случае названные лица не перестают быть представителями стороны обвинения. Принятие мер к отысканию сведений, реабилитирующих обвиняемого, ориентировано не на оправдание виновного, а на объективное расследование уголовного дела. В данной ситуации действует принцип «опровергая, доказывай».

Критический подход к имеющимся доказательствам виновности обусловлен требованиями ст. 85 УПК РФ о том, что доказывание, кроме прочего, состоит и в проверке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Следователь и дознаватель в ходе расследования уголовного дела должны ставить под сомнение полученные сведения, принимать меры к получению достаточных материалов, которые объективно будут подтверждать (либо опровергать) первоначальные доказательства. Даже при допросе подозреваемого, заявившего о своей причастности к преступлению, следователь убеждается в отсутствии самооговора [4]. Данная деятельность направлена на установление истины по уголовному делу.

Следующим направлением этой работы является проверка алиби обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, что, выстраивая концепцию своей защиты, участники уголовного процесса могут сообщить сведения о том, что во время совершения преступления они находились в другом месте, что исключает возможность исполнения объективной стороны конкретного уголовно наказуемого деяния. Сторона защиты (не только обвиняемые и подозреваемые) часто представляет доказательства или сведения, которые могут стать доказательствами, подтверждающими алиби. В этой ситуации деятельность следственного аппарата по проверке полученной информации может быть ориентирована как на изобличение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в представлении ложной информации, так и на подтверждение эти сведений. Нередко, особенно на первоначальном этапе проверки алиби, невозможно достоверно предвидеть результаты дан-

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (с изм. и доп., внесенными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ной работы. Как указывает Р. Г. Зорин, истинность либо ложность алиби зависит от процесса формирования не только самих доказательств, но и их источников (при соблюдении требований относимости и допустимости) [5, с. 45]. Такие доказательства могут быть оправдывающими обвиняемого или подозреваемого.

Еще одной причиной, по которой следователь или дознаватель должны принимать меры к получению материалов, реабилитирующих подследственного, — заявление последним или его защитником ходатайства о получении названных доказательств. Необоснованное отклонение такого ходатайства является нарушением прав граждан на защиту². В последующем, при проверке этих доказательств, могут быть получены материалы, их опровергающие. Однако, непосредственно исполняя ходатайство, следователь (дознаватель) нередко получает именно доказательства невиновности обвиняемого (подозреваемого).

Кроме того, следователь или дознаватель по собственной инициативе должны собирать доказательства, оправдывающие обвиняемого, преследуя цель объективного расследования уголовного дела. Выдвижение и проверка нескольких версий по уголовному делу предполагает, что виновными в совершении преступления могут быть разные лица. В этом случае органы предварительного расследования вынуждены предполагать невиновность каждого лица, заподозренного в совершении преступления, и принимать меры к отысканию доказательств, реабилитирующих его.

Сложно, на наш взгляд, согласиться с мнением С. В. Левчука, что «невиновность как предположение преодолевается лишь доказательством вины со стороны следствия, которое по определению не может доказывать невиновность лица... Правоохранительные органы призваны подозревать виновность, а следствие — собрать фактические доказательства вины, что объективно предполагает наличие правового противовеса со стороны защиты, которая руководствуется исключительно поиском оправданий или формы смягчения ответственности» [6, с. 15]. Такая позиция неминуемо приведет к обвинительному уклону при расследовании уголовных дел. Органы предварительного следствия и дознания не должны отказываться от обнаружения доказательств, реабилитирующих обвиняемого. Отметим, что только представители этих органов процессуально оформляют и приобщают к материалам уголовного дела сведения, полученные в ходе предварительного рас-

следования, в том числе представленные стороной защиты.

В связи с этим считаем верной позицию Ю. Н. Шеховцовой: нормы уголовно-процессуального законодательства ориентируют сторону обвинения как на получение уличающих доказательств, так и на проверку доказательств, лицо оправдывающих (достаточно упомянуть ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства») [7, с. 30].

Во всех этих ситуациях органы предварительного следствия и дознания решают задачу изобличения виновного в совершении преступления, а не его оправдания любым способом.

Прокурор фактически лишен такой возможности, несмотря на то что указан в ч. 1 ст. 86 УПК РФ в числе лиц, осуществляющих сбор доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий. Это процессуальное лицо, осуществляя надзорные функции в отношении органов предварительного расследования, полномочно в пределах своей компетенции лишь требовать от них получения определенных доказательств в целях установления истины по уголовному делу (пп. 3 и 15 ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Будучи представителем стороны обвинения, даже в случае требования получения доказательств, оправдывающих обвиняемого (подозреваемого), прокурор преследует цель безоговорочного изобличения гражданина, представшего перед судом, в совершении инкриминируемого ему деяния.

На практике требование доказывания невиновности выполняется не всегда, что приводит к обвинительному уклону в расследовании уголовных дел, который, как отмечает А. Д. Назаров, заключается в игнорировании следователями, прокурорами и судьями доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, в нежелании проверять и учитывать доводы защиты [8, с. 150]. Причин всегда несколько.

Первая и самая распространенная — очевидность вины конкретного лица при условии его признательных показаний и наличии хотя бы одного объективного доказательства, например, в виде изъятия похищенного имущества у обвиняемого или в его жилище. В этом случае органы предварительного расследования не утруждают себя необходимостью подвергать сомнению основанную версию причастности конкретного лица к совершению преступления. К тому же число таких версий может быть сведено к минимуму, а иногда — к одной (когда деяние могло совершить конкретное лицо и никто другой). Пожалуй, это самая безобидная причина неисполнения правила доказывания невиновности.

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (п. 17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

Вторая группа причин связана с необходимостью доказать виновность конкретного лица при возможном наличии сомнений. Такая необходимость может быть продиктована рядом обстоятельств:

1. Убежденность должностного лица в виновности гражданина, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В данной ситуации, когда должностное лицо, действующее на начальной стадии предварительного расследования на интуитивном уровне, как правило, завершая производство по уголовному делу, может либо убедиться в истинности своих суждений, либо признать, что доказательств для направления уголовного дела в суд недостаточно. Ошибка, связанная с преданием суду невиновного, в этом случае сведена к минимуму, а ее негативными последствиями чаще всего выступают длительные сроки расследования или утрата доказательств, позволяющих изобличить лицо, совершившее преступление.

2. Необходимость сохранения высоких показателей следственной работы, к которым относится число раскрытых уголовно наказуемых деяний, а также обеспечение положительного общественного мнения, связанного с установлением лица, совершившего резонансное преступление. Так, И. Г. Смирнова указывает, что анализ судебной статистики наглядно демонстрирует актуальность, востребованность и исключительность уголовного преследования, завершающегося постановлением итогового процессуального решения как единственного и безальтернативного способа реагирования государства на совершение гражданами общественно опасных уголовно наказуемых деяний [9, с. 1190].

3. Осведомленность представителей органов расследования о невиновности обвиняемого (подозреваемого). При этом продолжается уголовное преследование лица из личной заинтересованности либо в интересах других лиц (т. е. явно криминальный аспект обстоятельств).

4. Выполнение процессуальных действий в отношении обвиняемого (подозреваемого), которые при реабилитации могут повлечь негативные последствия для должностного лица, их применившего. В этом случае представители следственных органов и прокуратуры попадают в своеобразные «ножницы»: с одной стороны, они могут быть подвергнуты дисциплинарной (а иногда и уголовной) репрессии при реабилитации лица, в отношении

которого незаконно применены меры процессуального принуждения и пресечения, если лицо необоснованно было привлечено к уголовной ответственности, с другой — после вынесения оправдательного приговора суда. Высказывание А. М. Трошева о том, что «оправдание и прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям (особенно по делам публичного обвинения) считались провалом работы правоохранительных органов, что автоматически влекло наказание следователя (дознателя) и прокурора» [10, с. 28], актуально для правоохранительной системы не только Республики Казахстан, но и Российской Федерации. Жесткие меры в отношении работников органов предварительного расследования и прокуратуры, допустивших такие просчеты, — требование ведомственных правовых актов³.

В первых трех случаях исполнения обязанностей, предусмотренных пп. 5–7 ст. 73 УПК РФ, возможно добиться надлежащими мерами ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора. В четвертом случае для достижения цели доказывания невиновности органами предварительного расследования необходимо изменить подходы к оценке деятельности следователей и дознавателей, в том числе путем внесения изменений в правовые акты, регламентирующие работу по организации следствия, дознания и прокурорского надзора. Кроме того, целесообразно в ст. 220 УПК РФ включить положение об отражении в обвинительном заключении (акте) сведений о доказательствах, полученных в целях проверки версии о невиновности обвиняемого.

Таким образом, обязанность сбора доказательств невиновности лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, представителями стороны обвинения по уголовным делам — это объективная необходимость, целью которой является достижение такого назначения уголовного судопроизводства, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Исключение обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования возможно добиться не только мерами ведомственного контроля, но и путем внесения в ведомственные правовые акты изменений, касающихся снижения уровня карательных мер в отношении следователей и дознавателей в случае реабилитации лиц, необо-

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 (абз. 3 п. 1.5). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 (абз. 2 п. 37). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ председателя Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 (абз. 3 п. 1.16). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705020035> (дата обращения: 19.06.2017).

снованно привлеченных к уголовной ответственности, а также применения к ним мер процессуального принуждения. Следует исключить абз. 3 п. 1.5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», которым в настоящее время установлено требование при производстве предварительного следствия реагировать на случаи необоснованного и незаконного применения мер процессуального принуждения и обеспечения прокурорского реагирования на такие факты, абз. 2 п. 37 приказа Генерального прокурора РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», который нацеливает прокуроров на при-

нятие репрессивных мер к дознавателям в случаях незаконного и необоснованного задержания, ареста лица, в отношении которого на стадии предварительного расследования либо судом принято решение о прекращении дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, а также постановлен оправдательный приговор.

При этом итоги работы по сбору доказательств невиновности должны отражаться в обвинительном заключении (акте) по уголовному делу. Соответственно, ч. 1 ст. 220 УПК РФ должна быть дополнена пунктом 5¹ о том, что в обвинительном заключении следователь указывает перечень доказательств, опровергающих обвинение, и кратко излагает их содержание. Аналогичное положение должно найти отражение в п. 6¹ ч. 1 ст. 225 УПК РФ.

Список литературы

1. *Вышинский А. Я.* Теория доказательств в советском праве. М., 1950.
2. *Ларин А. М.* О недопустимости переложения обязанности доказывания на обвиняемого // Советское государство и право. 1965. № 3.
3. *Эсаулов С. В.* К вопросу об обязанности доказывания невиновности в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(94).
4. *Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В.* Криминалистика : учебник. М., 2005. 503 с.
5. *Зорин Р. Г.* Определение понятия, сущности и содержания алиби в уголовном судопроизводстве на современном этапе // Юстиция Беларуси. 2002. № 7.
6. *Левчук С. В.* Политико-правовая природа принципа «презумпция невиновности» // История государства и права. 2015. № 16.
7. *Шеховцова Ю. Н.* Быть ли в России следственным судьям? // Прокурор. 2015. № 3.
8. *Назаров А. Д.* Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9.
9. *Смирнова И. Г.* К вопросу об обвинительном уклоне в российском уголовном судопроизводстве: через призму общественного мнения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.
10. *Трошев А. М.* Обвинение, примирение и оправдание в Казахстане // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М., 2015.

УДК 343.9 © О. Ю. Антонов, 2018

Криминалистические основы противодействия распространению порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях

О. Ю. Антонов, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. E-mail: antonov@udm.ru

Рассмотрен правовой порядок противодействия распространению порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях. Выделены направления воспроизводства корыстно-профессиональной и корыстно-организованной преступной деятельности, связанной с изготовлением и распространением порнографических материалов с использованием сети Интернет, а также ее дальнейшее развитие в виде «цепной реакции», т. е. распространение порнографических материалов новыми лицами, не имеющими отношения к субъектам первоначальных преступлений. Определены основные элементы (признаки) рассматриваемого вида преступной деятельности: порнографический материал, включающий изображенных на нем лиц, использованные для его изготовления место и оборудование, а также информационный ресурс (сайт, страница), на котором он размещен. Проанализированы статистические данные о состоянии преступности, связанной с изготовлением и распространением порнографии. Обоснована необходимость введения экспертно-криминалистического учета порнографических материалов в целях их возможной идентификации.

Ключевые слова: порнография; порнографические материалы; интернет; преступная деятельность; расследование преступлений; криминалистические учеты.

Criminalistics Fundamentals of Counteracting Circulation of Pornography in Information Telecommunication Networks

O. Yu. Antonov, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia).
E-mail: antonov@udm.ru

The legal regulation of counteracting circulation of pornography in telecommunication networks is under consideration. The author specifies the fields of reproducing mercenary-professional and mercenary-organized criminal activity connected with production and circulation of pornography via Internet as well as its "chain reaction" development, that is circulation of pornography by new people not related to the subjects of original crimes. The paper establishes the main elements of the type of crime under study: pornography materials including the persons depicted, employed place and equipment and information resource (website, webpage) where it is located. Statistics concerning the crime situation in the field of production and circulation of pornography is analyzed. The author proves it necessary to introduce forensic records of pornography materials with identification purposes.

Keywords: pornography; pornography materials; Internet; criminal activity; criminal investigation; forensic records.

Как указано в Доктрине информационной безопасности России, расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, порождает новые информационные угрозы. Возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения криминальных

и иных противоправных целей. В число национальных интересов в информационной сфере входят обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, а также их применение в интересах сохранения духовно-нравственных ценностей¹.

¹ Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Государственными органами организован контроль за некоторыми видами информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе для защиты ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию², — материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В целях осуществления данного контроля в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесены изменения, согласно которым Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций формирует Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее — реестр). В случае включения доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети Интернет в реестр владелец сайта в сети Интернет и (или) провайдер хостинга должны принять меры по удалению запрещенной информации и (или) ограничению доступа к сайту в сети Интернет, содержащему запрещенную информацию³.

За осуществление незаконного изготовления и оборота порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, предусмотрена как уголовная ответственность физических лиц (п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ), так и административная ответственность граждан, должностных и юридических лиц (ст. 6.20, ч. 2 ст. 6.21 КоАП РФ). Дополнительная административная ответственность установлена за неприменение лицом, организующим доступ к распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) информации (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме) в местах, доступных для детей, административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (ч. 2 ст. 6.17 КоАП РФ).

Рассматривая вопросы борьбы с распространением детской порнографии, отметим, что, во-первых, изготовление и оборот с использованием сети Интернет порнографических материалов с изображени-

ем взрослых незначительно отличается от таких же деяний, использующих изображения несовершеннолетних. Во-вторых, может осуществляться в рамках подготовки к совершению более тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В-третьих, данные деяния могут осуществляться как самостоятельно, так и одновременно или параллельно одним либо разными лицами, состоят из двух и более этапов в виде «цепной реакции».

Криминалистические рекомендации, на наш взгляд, должны разрабатываться в целях выявления, расследования и предупреждения всей совокупности преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографии.

Ранее нами было обосновано, что более емким и подробным средством изучения преступлений, совершаемых систематически профессиональными преступниками (организованная и экономическая преступность, наркобизнес и т. д.), является криминалистическая модель преступной деятельности [1, с. 114–115], и была разработана криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Нами выделено четыре основных типа криминалистических моделей: корыстно-профессиональная, корыстно-организованная, сексуально-индивидуальная, сексуально-преступная. Описаны четыре стадии каждого типа преступной деятельности: информационно-поисковая, подготовительная, реализации преступного замысла и воспроизводства [2, с. 73–79].

Наибольший интерес для определения направлений борьбы с изготовлением и распространением в сети Интернет порнографических материалов, в первую очередь с изображениями несовершеннолетних, имеет изучение последней фазы преступной деятельности — воспроизводства, которая является переходным этапом к замыслению, подготовке и совершению нового факта изготовления или оборота (распространения) порнографического материала.

Так, воспроизводство первого типа — корыстно-профессиональной модели, совершаемой одним лицом либо небольшой группой лиц по предварительному сговору путем копирования порнографических материалов, размещенных на различных информационных ресурсах, и непосредственного распространения клиентам за определенную плату, осуществляется по двум направлениям: скачивание

² Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 28.11.2015 № 358-ФЗ) (ст. 14). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 № 374-ФЗ) (ст. 15.1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и копирование новых порнографических материалов для их рассылки первоначальным клиентам, а также расширение клиентской базы.

Воспроизводство второго типа преступной деятельности — корыстно-организованной (организованные преступные группы, занимающиеся изготовлением порнографических материалов с привлечением большого круга лиц (в том числе несовершеннолетних моделей), в целях последующего распространения на платных интернет-ресурсах либо путем рассылки конкретным клиентам) — может осуществляться параллельно или последовательно по двум основным направлениям: в части изготовления порнографических материалов — использование одного и того же лица (лиц) или нового лица (лиц), проведение фото-, видеосъемки либо применение компьютерной графики (обработки изображений), а также использование одного или разных мест (в студии, на природе и т. п.); в части оборота (распространения) порнографического материала — отправка новому клиенту или размещение на новом информационном ресурсе. Дополнительно возможна трансформация указанной преступной деятельности еще в двух направлениях: после изготовления и распространения порнографических материалов с изображениями взрослых использование изображений несовершеннолетних, изменение сюжетной линии, например, с «мягкого» на «жесткое» порно. Кроме того, возможна новая компьютерная обработка, дополнение либо комментирование (в блоге, группе социальной сети или на странице), а также рекламирование в информационно-телекоммуникационной сети ранее размещенного материала (материалов) или информационного ресурса. В ходе дальнейшего развития рассматриваемой преступной деятельности в качестве дополнительных направлений ее воспроизводства возможно использование нового оборудования для изготовления порнографических материалов и ее осуществление в другом населенном пункте либо регионе России.

Таким образом, в качестве основных элементов рассматриваемого вида преступной деятельности выступают порнографический материал, включающий изображенных на нем лиц, использованные для его изготовления место и оборудование, а также информационный ресурс (сайт, страница), на котором он размещен. Именно эти элементы, на наш взгляд, определяют направления борьбы с распространением порнографии.

Первые два вида преступной деятельности могут привести к дальнейшему распространению порнографических материалов новыми лицами, не имеющими отношения к субъектам первоначальных преступлений.

На втором этапе данного вида преступной деятельности — конкретное лицо, нашедшее конкретный порнографический материал, размещенный на определенном информационном ресурсе (сайте, странице), или несколько таких материалов, которое принимает решение о дальнейшем распространении порнографии на своей или специально созданной странице на вымышленное имя в социальной сети.

По нашему мнению, данный этап, как правило, осуществляется в рамках первого либо третьего типа преступной деятельности — сексуально-индивидуальной, к которой относятся поиск, скачивание, распространение и получение путем обмена по электронной почте порнографических материалов лицом, у которого отсутствует или уже сформировалось психическое расстройство и которое удовлетворяет свои индивидуальные сексуальные потребности путем просмотра порнографических изображений, в том числе с участием несовершеннолетних.

Цепная реакция по дальнейшему распространению порнографических материалов может развиваться только среди интернет-пользователей узкой социальной группы, которые осуществляют оборот данных материалов между собой. В этом ее принципиальное отличие от рассмотренной нами ранее сходной преступной деятельности — распространения в сети Интернет экстремистских материалов, которые направлены на неопределенный круг лиц [3, с. 195–202].

Третий тип данного вида преступной деятельности может впоследствии трансформироваться в четвертый — сексуально-преступный, который осуществляется одиночками, страдающими психическими расстройствами на сексуальной почве и использующими порнографические материалы не только как средство удовлетворения своих сексуальных потребностей, но и как способ развращения иных лиц с последующим совершением в отношении них преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Хотя особенности ее воспроизводства выходят за рамки внесенных ниже предложений, но подчеркивают важность своевременного выявления и пресечения третьего вида преступной деятельности.

Например, сотрудникам МВД России удалось выявить интернет-форум, который использовался педофилами для обмена фотографиями и видео. Помимо общедоступной части, существовала и закрытая секция, предназначенная для общения изготовителей детской порнографии. Чтобы вступить в «закрытый клуб», требовалось регулярно предоставлять собственноручно снятые порноматериалы с участием несовершеннолетних. Сообщество

Таблица 1. Сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 242 УК РФ

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Зарегистрировано	913	882	780	594	502	618
Расследовано	727	706	648	429	311	381
Приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ	120	149	129	168	148	206

Таблица 2. Сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 242¹ УК РФ

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Зарегистрировано	554	1603	996	1131	455	542
Расследовано	305	1421	613	896	270	441
Приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ	158	161	237	233	147	39

составляло 20 педофилов со всей страны, каждый из них изнасиловал как минимум одного ребенка⁴.

В рассмотренных типах преступной деятельности можно выделить несколько типичных схем распространения порнопродукции посредством сети Интернет:

1) порноматериалы размещаются в сети Интернет на сайтах, зарегистрированных под истинным именем их владельца;

2) порнопродукция размещается на сайтах российской доменной зоны, зарегистрированных на подставных лиц;

3) порноресурс размещается в зарубежной доменной зоне и ориентирован на зарубежных потребителей, но его администрирование производится из России [4, с. 34–36].

Проведенный нами анализ научной литературы и практики свидетельствует об отсутствии системной борьбы с порнографией, что обусловлено не только недостаточной правовой базой и невысоким профессиональным уровнем сотрудников правоохранительных органов, но и отсутствием ее организационных основ — фактически правоохранительными органами выявляются и раскрываются единичные преступления, совершаемые по вышеуказанной схеме 1. В ходе расследования уголовных дел при установлении (либо неустановлении) источника, из которого был взят конкретный материал и размещен на конкретной странице социальной сети, определенном сайте, не всегда решается вопрос о возбуждении (выделении) уголовного дела (вынесении частного определения или постановления суда) в отношении неустановленных лиц, первоначально

разместивших порнографический материал и распространяющих его по схемам 2 и 3.

Считаем необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (либо в межведомственном нормативном правовом акте) обязать органы предварительного расследования и суда при расследовании и рассмотрении уголовных дел, а также в рамках административного судопроизводства в случае неустановления лица (лиц), изготовившего либо разместившего на конкретном информационном ресурсе материал, признанный порнографическим, решать вопрос о выделении (возбуждении) уголовного дела в целях дальнейшего установления виновных в рамках расследования нового уголовного дела.

Такая практика уже начинает складываться. Например, по уголовному делу № 06/82-2016, направленному в суд по обвинению гр. П. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, по фактам размещения им в сети Интернет на социальном сайте «ВКонтакте» на своей странице пользователя под виртуальным вымышленным именем двух материалов с порнографическим аудиовизуальным изображением (в том числе одной несовершеннолетней девушки), материалы по изготовлению указанных порнографических изображений были выделены в отдельные производства, по которым возбуждены уголовные дела № 06/109-2016 по п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ и № 05/1817-2016 по ч. 1 ст. 242 УК РФ⁵.

О ее распространении свидетельствуют и статистические данные, формируемые ГИАЦ МВД России (табл. 1 и 2)⁶.

⁴ В России ликвидировано сообщество изготовителей детского порно. URL: <http://gosindex.ru/news/novosti/detskoe-porno> (дата обращения: 08.12.2016).

⁵ Контрольное производство по уголовному делу № 06/82-2016 следственного отдела по Устиновскому району г. Ижевска следственного управления СК России по Удмуртской Республике.

⁶ Статистический отчет «Единый отчет о преступности» № 1-ЕГС по форме № 491 за 2012–2017 годы предоставлен отделом статистики ГОИУ СК России.

Из таблиц видно, что за последних 6 лет почти 1900 преступлений, совершенных путем изготовления и оборота порнографических материалов, в том числе с изображениями несовершеннолетних (по ст. ст. 242 и 242¹ УК РФ), остались нераскрытыми. Возможно, что некоторые порнографические материалы полностью идентичны друг другу либо изготовлены или распространены одним лицом (группой лиц).

Отметим, что в данной статистике нераскрытых преступлений не учитываются выделенные уголовные дела, по которым устанавливается факт нахождения интернет-ресурса, с которого был скачен порнографический материал по первоначальному уголовному делу, на территории иного государства, поскольку по ним принимается решение об их прекращении согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ в связи с отсутствием события преступления.

Например, в ходе расследования уголовного дела по факту распространения гр. С. порнографических видеофайлов «Little Caprice-Group Sex», «EXTAZI#128» (осужден 20 мая 2016 г. по п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ) выявлен факт распространения неустановленным лицом указанных материалов порнографического содержания, по которому возбуждено новое уголовное дело. При дальнейшем проведении оперативно-розыскных мероприятий, мониторинге сети Интернет было установлено, что видеофайлы «Little Caprice-Group Sex», «EXTAZI#128» были распространены и выложены на сайтах, хостинги (адресное пространство для регистрации сайтов в сети Интернет) и ip-локация которых расположены на территории государств США и Сейшелы. Данные государства не входят в список стран-участниц международной конвенции 1923 г. «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими», соответственно, распространение порнографических материалов на территории указанных государств не является уголовно наказуемым деянием, а потому уголовное дело было прекращено 19 августа 2016 г. по п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ⁷.

В этих случаях в рамках формирования системы международной информационной безопасности и противодействия использованию информационных технологий в преступных целях о фактах размещения порнографии на информационных ресурсах за рубежом необходимо информировать правоохранительные органы государств, на территории которых они зарегистрированы, особенно в целях последующего выявления лиц, администрирующих данные сайты с территории России.

Так, по информации начальника БСТМ МВД России А. Н. Мошкова, в ходе проведения в 2012–2015 гг. оперативно-профилактической операции «Сорняк», направленной на выявление лиц, занимающихся распространением материалов порнографического содержания с участием несовершеннолетних в пиринговых сетях Интернета, в российском сегменте сети Интернет была выявлена противоправная активность 4260 иностранных пользователей из 79 государств, о чем были уведомлены правоохранительные органы данных стран⁸.

Имеются и примеры выявления правоохранительными органами иных государств фактов совершения преступлений на территории Российской Федерации. Например, в Екатеринбурге был задержан распространитель порнофильмов, к съемкам которых привлекали детей в возрасте от 7 до 14 лет. Обнаружить преступника местным правоохранительным органам помогло подразделение британской полиции, специализирующееся на расследовании компьютерных преступлений: они выявили сайт с рекламой детской порнографии. Было установлено, что провайдер сайта находится в Казахстане. Через Интерпол английские полицейские обратились за помощью в правоохранительные органы Казахстана, которые установили, что сайт создан на территории России с компьютера, находящегося в одной из квартир Екатеринбурга [5, с. 111].

В целях определения единого источника изготовления (происхождения) порнографических материалов считаем необходимым введение криминалистического учета данных материалов с указанием их частных признаков. В рамках такого учета, по нашему мнению, возможна идентификация как материала в целом (видеоролик), так и его отдельных элементов (например, изображений) либо участвующих лиц (по признакам внешности или голосу), равно как и способа его изготовления или создания информационного ресурса в сети Интернет, на котором он был размещен, либо оборудования, использовавшегося для его создания или размещения, либо автора использованного в нем печатного текста достаточного объема. На основании этого можно решать вопрос о соединении уголовных дел по фактам изготовления и распространения порнографических материалов, совершенных одним лицом либо преступной группой, что позволит как пресечь их преступную деятельность, так и снять с учета факты распространения одними лицами однородных порнографических материалов.

Полагаем, что ведение данного учета должно осуществляться на основе анализа, проведенного

⁷ Уголовное дело № 05/1112-2016 следственного отдела по Устиновскому району г. Ижевска следственного управления СК России по Удмуртской Республике.

⁸ Мошков А. Н. Атаки становятся все изощреннее // Щит и меч. 2016. № 5. С. 3.

различными экспертными учреждениями либо экспертами, заключений судебных экспертиз и электронных копий порнографических материалов, представляемых органами следствия и суда, федеральным государственным экспертным органом — ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр МВД России». Для ведения учета порнографических материалов, по нашему мнению, необходимы специальные знания не столько в области производства искусствоведческих экспертиз (поскольку такие экспертизы назначаются органами предварительного расследования для решения вопроса, являются ли материалы порнографическими), а в области портретной, видеофоноскопической, компьютерной и, возможно, иных судебных экспертиз, необходимых для идентификации материалов, признанных порнографическими, по различным уголовным делам. Формирование данного учета экспертным учреждением МВД, а не Минюста России, на наш взгляд, более оправдано необходимостью организации тесного взаимодействия с подразделениями «К» Бюро специальных технических мероприятий МВД России, которые в настоящее время являются основным органом, выявляющим преступления в сфере информационных технологий.

В целях дальнейшего обоснования необходимости введения данного учета можно рекомендовать Управлению «К» БСТМ МВД России провести анализ общих признаков порнографических материалов, размещенных в сети Интернет, по приостановленным по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ уголовным делам за несколько последних лет. Указанные материалы в электронном виде могут быть представлены территориальными отделами «К», поскольку именно по их материалам оперативно-розыскной деятельности, как правило, возбуждаются все преступления рассматриваемой категории.

В дальнейшем необходимо организовать механизм использования результатов проверки порнографических материалов по данному экспертно-криминалистическому учету в целях организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению и пресечению деятельности лиц и преступных групп, изготовивших и разместивших названные порнографические материалы.

Основания и порядок формирования и использования криминалистического учета порнографических материалов по способу их изготовления могут определяться межведомственным приказом правоохранительных органов либо предлагаемым в научной литературе федеральным законом, который будет содержать конкретный регламент оборота продукции сексуального характера и, соответственно, меры государственного контроля за его осуществлением [6, с. 55].

Поскольку разработка и принятие любого федерального закона требует значительного времени, то на первоначальном этапе в целях выявления фактов изготовления нескольких порнографических материалов одним лицом или одной группой лиц, а также в целях выявления иных однородных киберпреступлений (и последующего соединения уголовных дел в одно производство с возможным снятием с учета преступлений) можно внести дополнения в учетный документ функционирующего в настоящее время криминалистического учета преступлений и лиц, их совершивших, по способу их совершения⁹, добавив в реферат «46» информационно-поисковой карты данного учета «совершено с использованием Интернет».

Поскольку оперативным сопровождением предварительного расследования уголовных дел, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, занимаются подразделения «К» БСТМ МВД России, то именно на них, на наш взгляд, можно и возложить обязанность по формированию предлагаемого учета (естественно, после возбуждения уголовного дела и получения заключения эксперта о признании материала порнографическим).

Таким образом, для введения экспертно-криминалистического учета порнографических материалов достаточно принятия приказа МВД России.

Полагаем, указанные предложения и рекомендации в случае их реализации позволят активнее реализовать государственную политику и международное взаимодействие по борьбе с распространением порнографии в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в целях предотвращения негативного воздействия на молодое поколение и совершения сексуальных преступлений.

⁹ Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России, Минюста России, МЧС России, Минфина России, Минобороны России, ФСБ России, ФСКН России, ФСО России, СВР России, ФТС России, ФМС России, ГФС России, СК России, Генпрокуратуры России от 12 февраля 2014 г. № 89дсп/19дсп/73дсп/1адсп/113дсп/108дсп/75дсп/93дсп/19дсп/324дсп/133дсп/63дсп/14/95дсп.

Список литературы

1. Антонов О. Ю. К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2-2.
2. Антонов О. Ю. Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27, № 1.
3. Антонов О. Ю. Криминалистическая модель экстремистской преступной деятельности в сети «Интернет» и ее использование в борьбе с экстремизмом // Библиотека криминалиста. 2016. № 6.
4. Панфилов И. А. Порнография в сети Интернет и ее криминогенное значение // Российский следователь. 2013. № 23.
5. Шмыков Д. В. Обстоятельства общего характера, а также обстоятельства, непосредственно способствующие совершению преступлений, связанных с распространением порнографических материалов или предметов // Юридическая наука. 2013. № 3.
6. Гусарова М. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1.

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN POLICE

УДК 351.74 © М. А. Кожевина, 2018

Профессиональное образование в истории российской полиции (1718 — начало 2000-х годов)

М. А. Кожевина, Омская академия МВД России. E-mail: kozhevina1@rambler.ru

История российской полиции неразрывно связана с процессом формирования ее как профессионального сообщества. Организационные и структурные преобразования полиции (милиции) незамедлительно сказывались на содержании и методах профессиональной подготовки. Полицейская (милицейская) школа в полной мере реализовала себя как отрасль государственной образовательной системы, призванная на различных этапах истории решать важные задачи социального и культурного развития общества. Полицейское (милицейское) образование следует рассматривать в ретроспективе — как поступательный процесс поэтапного формирования системы профессиональной подготовки, профессионального обучения и профессионального образования, нацеленного на обучение и воспитание специалиста для органов полиции, представляющего систему специализированных образовательных организаций, осуществляющих соответствующую образовательную деятельность. Одновременно полицейское образование следует понимать как критерий образованности конкретного человека, его интеллектуальных, личностных, поведенческих качеств, знаний и умений, позволяющих профессионально действовать в рамках служебных обязанностей.

Ключевые слова: полиция; милиция; история полиции; история милиции; профессиональное образование; профессиональное обучение; профессиональная подготовка.

Professional Education in the History of the Russian Police (1718 — early 2000s)

M. A. Kozhevina, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia). E-mail: kozhevina1@rambler.ru

The history of the Russian police is closely connected with its formation as a professional community. Organizational and structural reforms in the police (militia) immediately influenced the content and methods of professional training. The mission of police (militia) school as a branch of the public educational system designated at different historical stages to solve important tasks of social and cultural development of society has been entirely accomplished. Police (militia) education should be considered in retrospect as a gradual formation of the system of professional training, professional learning and professional education aimed to train and cultivate a police specialist, training being the system of specialized educational organizations which perform appropriate educational activity. At the same time police education should be viewed as the criterion of a certain person education, his intellectual, personal, behavioural characteristics, knowledge and skills enabling him to professionally perform his duties.

Keywords: police; militia; police history; militia history; professional education; professional learning; professional training.

Российской полиции 300 лет. Начало ее истории принято связывать с Указом Петра I от 25 мая 1718 г. об учреждении в Санкт-Петербурге высшего должностного чина генерал-полицмейстера и с соответствующим утверждением инструкции «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» [1, с. 22]. Новому должностному лицу подчинялась созданная Полицмейстерская канцелярия, на которую возлагались обязанности управленческого и правоохранительного свойства. В последующие годы полиция создается повсеместно как орган государственной власти, управомоченный решать внутривластные задачи, поэтому в XIX в. с введением министерского управления она была подчинена Министерству внутренних дел, в системе которого и в настоящее время занимает ведущее место.

Полиция в России определяется как составная часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Основное ее предназначение заключается в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, в противодействии преступности, в охране общественного порядка, в обеспечении общественной безопасности (ст. 4 Федерального закона «О полиции»¹).

Эффективность полиции зависит от многих факторов, среди которых важнейшим является профессионализм, качество, способствующее систематически, стабильно и надежно осуществлять сложную деятельность в различных условиях. Уровень профессионализма полицейского определяется его личностными качествами и устремлениями. Профессионализм полиции в первую очередь связан с теми требованиями, которые предъявляются социумом к соответствующему профессиональному сообществу. Он соотносится с целями и функциями государства, находящимися в динамике, имеющими историческую проекцию и согласующимися с запросами времени. Если профессионализм сотрудника формируется на протяжении его службы в полиции, то профессионализм полиции — это определенный исторический опыт, аккумулирующий все многообразие многомерной деятельности полиции, оправдывающей ее социальное предназначение. Первичной ступенью в этом неоднозначном и сложном процессе является профессиональное образование.

Становление и развитие ведомственной полицейской (милицейской) школы, ориентированной на подготовку специалистов «полицейской» на-

правленности, взаимосвязан с историей самой полиции. Формирование системы профессионального образования складывается на фоне масштабных общественно-политических, экономических и социальных преобразований. Взаимоотношения народных масс и политических лидеров, выбор того или иного политического курса, противостояние интересов различных социальных групп и борьба политических сил за власть — все эти аспекты имели непосредственное отношение к функциям и обязанностям полиции (милиции). Способность к выполнению этих функций зависела от качественного состояния ее кадрового корпуса. С 1718 г. (и на протяжении многих десятилетий) осуществлялся поиск путей, форм и методов обучения и воспитания профессиональных кадров, совершенствования и расширения порядка подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Действующая система образовательных учреждений МВД России существенно отличается от гражданских юридических и аналогичных учебных заведений других силовых структур. Она не существует автономно, не находится в замкнутом пространстве: вся образовательная деятельность ведомственных учреждений осуществляется в рамках государственных образовательных стандартов, согласуется с основными принципами государственной образовательной политики.

В современном понимании образование — это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»²).

Учитывая изложенное, считаем, что правомерно будет ввести в научный оборот понятие «полицейское (милицейское) образование» (однопорядковое понятиям педагогического, медицинского, инженерного, военного и т. п. образования), определяющее форму профессионального образования, нацеленного на обучение и воспитание специалиста для органов полиции (милиции), обозначающего систему специализированных образовательных учреждений, осуществляющих эту деятельность [2, с. 20].

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газета. 2011. 8 февр.

² Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данный подход позволяет выделить в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (наравне с полицией) в самостоятельное звено систему профессиональной подготовки, обучения и образования кадров полиции (милиции). Она же представляет совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство, включает преемственные образовательные программы и государственные образовательные стандарты; сеть реализующих их образовательных учреждений вне зависимости от организационно-правовых форм, типов и видов, а также органы управления образованием и подведомственными им учреждениями и организациями. Система полицейского (милицейского) образования одновременно является и отраслью государственного профессионального образования. Она развивалась, ориентируясь на основные требования государства в области общего и профессионального образования, образовательная деятельность координировалась и была подконтрольна соответствующим государственным институтам. Функционируя автономно, она впитывала позитивный опыт всей государственной системы образования.

Понятие «полицейское (милицейское) образование» можно охарактеризовать и как критерий образованности конкретного человека, в данном случае — сотрудника полиции, раскрывая сущность его интеллектуальных, личностных, поведенческих качеств, знаний и умений, позволяющих ему адекватно действовать в рамках служебных обязанностей.

Следует различать понятия профессиональной подготовки, профессионального обучения и профессионального образования, совокупность которых позволяет увидеть последовательность наполнения понятия профессионализма определенным содержанием, что соотносится с общеисторическими тенденциями развития Российского государства. Это позволяет выделить приоритетные направления в формировании профессиональной состоятельности сотрудника полиции в разные периоды. Профессиональная подготовка не зависит от образовательного уровня человека, она нацелена на укрепление профессиональных умений и навыков; обучение — целенаправленный последовательный процесс по овладению знаниями, умениями, навыками, по развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в профессиональной деятельности, а образование — синтезирующее понятие, включающее и подготовку, и обучение, и воспитание профессионала. В свое время А. В. Луначарский в Воззвании «О народном просвещении» определил образование как творческий процесс.

«Всю жизнь „образуется“ личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется, и обучение является тут важным, но не решающим элементом»³.

Профессиональное образование — это организованный с определенной целью процесс обучения и воспитания человека, а также самообразования и самовоспитания. В основе высокопрофессиональной деятельности лежат глубокие знания профессии, а также умения и навыки применять их на практике, т. е. профессиональная образованность сотрудников полиции. Осознание значимости профессионального образования в решении общегосударственных правоохранительных задач пришло не сразу, а формировалось по мере усложнения этих задач и модернизации полицейской деятельности.

Вся трехсотлетняя история российской полиции условно может быть разделена на три периода: имперский (или дореволюционный), советский и постсоветский (или современный). В каждом полиция (милиция), являясь институтом государственной власти, соотносит свою функцию с основными целями и задачами государства в сфере правоохранительной деятельности и в системе внутренних дел. В течение всей истории название этого органа власти менялось (полиция Российской империи — милиция Временного правительства — советская милиция — российская полиция), однако преемственность в ее деятельности, политическом и социальном предназначении бесспорна, поэтому и рассматривается в единстве.

История профессионального образования полиции (милиции) как системы, учитывая специфику ее развития, имеет свою периодизацию. Первые двести лет (1718–1918 гг.) мы бы определили как этап зарождения предпосылок генезиса и становления системы профессионального образования сотрудников полиции. В последнее столетие можно выделить два периода:

1) 1918–2011 гг. — формирование системы ведомственного (милицейского) образования и ее интеграция в государственную систему юридического образования;

2) 2011 г. — трансформация милиции в полицию и переход к Болонской модели образования.

Появление российской полиции и ее деятельность в начале исторического пути тесно связаны с преобразованиями Петра I в первой четверти XVIII столетия. Идеалом самодержца и его сподвижников являлось «регулярное государство», в котором создавался постоянно действующий на возмездной основе государственный механизм, в нем выделялись или создавались новые приоритетные струк-

³ Воззвание «О народном просвещении» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1, ст. 16.

туры, им отводилась ведущая роль в модернизации общественной жизни.

В Регламенте главного магистрата, созданного в 1721 г., в X главе «О полицейских делах» юридически закрепляется предназначение полиции как государственного органа: «...она споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой...», а также указывается на ее социальную значимость как системообразующего компонента: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности»⁴.

При широком спектре обязанностей полиции во внутренних делах государства возникала потребность в соответствующем многочисленном кадровом составе, внутри которого изначально сложилась должностная иерархия. Полицейская служба не была престижной по ряду обстоятельств, поэтому на протяжении полутора столетий состав высших и средних чинов формировался в принудительном порядке из числа государственных и военных служащих, низшие чины состояли из бывших унтер-офицеров и рядовых, непригодных к военной службе. Профессиональные знания, умения и навыки полицейского они получали в практической деятельности, однако профессионализм складывался не на пустом месте. Ввиду серьезных задач модернизации государства, поставленных еще Петром Великим, требовались государственные служащие с новым мышлением и соответствующим образованием, поэтому девиз «аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» определил содержание образовательной политики Российского государства на все последующие годы. Каждый из полицейских высших и средних чинов имел соответствующее военное или светское образование, полученное как в отечественных, так и в зарубежных учебных заведениях.

На первоначальном этапе в основу этого образования были положены знания «этики и политики», позволяющие грамотно выполнять служебные обязанности. Организацию практического обучения законоведению связывали с учреждением коллегии юнкеров. Данный аспект находит юридическое закрепление в Генеральном регламенте в главе 36, герольдмейстерской инструкции от 5 февраля 1722 г. и в Табели о рангах [3, с. 35].

Так, герольдмейстерской инструкцией предписывалось учредить «кратную школу для изучения гражданских и экономических дел». Табель о рангах определяла, «что коллежским правлениям надлежит»: «что касается до правого суда, также торгам внешним и внутренним к прибыли Империи и экономии, в чем надлежит их свидетельствовать. Которые обучатца вышеписанным наукам, тех из колегеи посылать в чужие края по несколку, для практики той науки. А которые знатные услуги покажут, те могут за свои труды производитца ранги выше, как-то чинитца и в воинской службе, кто покажет свою какую выслугу. Но сие чинить в Сенате толко, и то с подписанием нашим». Табель о рангах определила и число юнкеров: «по 6 и 7 человек или меньше, а ежели более надобно, то с доклада». Обучение основывалось на «прилежном списывании дел» и практическом их производстве «под управлением секретаря».

Полиция XVIII в. носила военизированный характер, поэтому к полицейской канцелярии приписывались воинские подразделения. Например, в Санкт-Петербурге в середине века в распоряжении полиции постоянно находились две драгунские роты с полной амуницией и лошадьми [1, с. 27]. Поскольку средний и рядовой состав полиции представляли бывшие военные, то профессиональную подготовку они проходили в армейских и флотских школах, школах унтер-офицеров и в практической армии. Лишь в 1800 г., когда полиция была признана гражданским ведомством, произошло разделение функций армии и полиции. Этот факт незамедлительно сказался на организации профессиональной подготовки и обучения всех уровней полицейской иерархии.

XIX век внес в деятельность полиции значительные качественные организационные изменения. В первой четверти столетия формируется новая система управления, в 1802 г. создается Министерство внутренних дел, в 1811 г. — Министерство полиции (существует до 1819 г.). В круг их обязанностей вовлекаются все направления внутренней политики государства. В этом ряду полицейская деятельность выделяется как приоритетное направление. Эффективная работа полиции ставилась в зависимость от профессиональной подготовки и образования полицейских служащих.

Основным источником формирования кадрового корпуса среднего и низшего звеньев полиции по-прежнему являлась армия. Военное образование можно было получить в кадетских корпусах, юнкерских школах, специальных военных училищах (артиллерийском, инженерном, топографическом, юридическом и т. п.). К середине XIX в. система воен-

⁴ Реформы Петра I: сб. документов / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. С. 195.

ного образования имела три типа образовательных учреждений:

- 1) семиклассные военные гимназии и четырехклассные прогимназии;
- 2) средние специальные военные и юнкерские училища;
- 3) военные академии [4, с. 127–130].

Чиновники высшего и некоторая часть среднего звеньев получали образование в гражданских учебных заведениях. До XIX в. процедура назначения на государственные должности не предполагала обязательного специального образования. По некоторым данным, в России в начале XIX в. около 33% чиновников имели «домашнее образование», 22,2% — «низшее и среднее образование», около 13% — высшее образование, была значительная часть малограмотных служащих [5, с. 275].

Начавшаяся в начале XIX в. управленческая реформа, в основу которой легла идея создания в Российском государстве просвещенной бюрократии, спровоцировала поиск методов повышения профессионального образовательного уровня чиновников всех управленческих структур, полиция не была исключением. По инициативе М. М. Сперанского в 1809 г. был введен «экзамена на государственный чин». Александр I подписал два указа от 3 апреля 1809 г. «О неприсвоении званиям камердинеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначального чина» и от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указы фактически ломали сложившуюся практику получения гражданских чинов за счет выслуги без учета минимальной общей и профессиональной подготовки государственных служащих.

Указы имели три принципиально важных положения. Во-первых, наличие при поступлении на службу гимназического образования с прохождением курса законоведения. Во-вторых, высшее университетское образование или сдача «экзамена на чин», подтверждающего уровень профессиональной подготовки, дающее право на чин VIII класса. В-третьих, образование являлось основанием более быстрого производства по XIV–VI рангам. Одновременно с указами были изданы «Правила» о профессиональных экзаменах для чиновников. В качестве обязательных определялись: «I. Науки словесные... II. Правоведение. Основательное познание права естественно-

го, права римского и права частного гражданского, с приложением сего последнего к российскому законодательству. Сведения о некоторых нужных частях права общего, как-то: экономии государственной и законов уголовных. III. Науки исторические... IV. Науки математические и физические...» [5, с. 278].

Указ 1809 г. действовал до 28 ноября 1834 г. и по мере становления системы профессионального образования терял актуальность. Однако весь комплекс государственных мер приобщения чиновников к наукам имел некоторый успех, с 1810 г. по 1840-е гг. удалось повысить число государственных служащих с высшим образованием (с 13 до 41,4%). Такой результат был возможен и в связи расширением университетской системы образования. В середине XIX столетия действовало 7 университетов, к началу XX в. их было уже 11 (в них обучалось более 40% студентов на юридических факультетах), они и стали основной базой профессионального образования чиновников высшего ранга [5, с. 296].

Вторая половина XIX в. связана с новыми реформами в полиции. В 1873 г. военное ведомство утрачивает обязанность направлять нестроевых военных в полицию. Полиция приобретает право, осуществляя деятельность на постоянной профессиональной основе (циркуляр Министерства внутренних дел от 14 марта 1868 г.), самостоятельно формировать кадровый состав⁵. Повышались требования к общему и профессиональному образованию сотрудников полиции всех уровней, но в большей степени это касалось низших чинов, находящихся ближе к населению, поэтому постепенно складывается система профессиональной подготовки именно этого звена полицейских кадров.

В конце 1860-х гг. в крупных губернских городах появляются для подготовки околоточных надзирателей сверхштатные полицейские команды (резервы), в 1870-е гг. вводится экзамен для младших армейских офицеров, поступающих на службу в полицию, после чего они направлялись на специальные 4–6-месячные курсы при штабе корпуса жандармов, в 1880-е гг. открываются курсы (школы) для урядников, в начале XX в. вводятся кратковременные курсы подготовки к службе полицейских стражников, специальные курсы сотрудников сыскных отделений [6, с. 43–44]. В 1890 г. в Санкт-Петербурге было открыто антропометрическое бюро, а в декабре 1907 г. — дактилоскопическое. Как правило, к работе привлекались лица, получившие соответствующее университетское образование, что еще больше укрепило тенденцию к постепенному сближению высшего профессионального гражданского и полицейского образования⁶.

⁵ Министерство внутренних дел России: 1802–2002 : исторический очерк : в 2 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 163.

⁶ МВД России. Энциклопедия. М., 2002. С. 160.

Однако структурированная сеть учебных заведений, готовивших кадры для полиции, в силу объективных причин в дореволюционный период не сложилась. Полноценная система профессионального образования, включившая как профессиональную подготовку, так и профессиональное обучение кадров для министерства внутренних дел, сформировалась лишь в советский период. Все началось с введения милиционной политики и создания милиции на добровольной основе, с 1918 г. постепенно замененной кадровой милицией, которую необходимо было обучать.

Первые советские милицейские курсы и школы появились во второй половине 1918 г. в Москве, Петрограде, Владимире и других городах. По организации процесса обучения и срокам (в среднем 2 недели — 2 месяца) они напоминали дореволюционные, которые по формальным признакам можно отнести к разряду профессиональных учебных заведений.

На первоначальном этапе вместе с курсами и школами формировались и резервы для желающих работать в милиции. Все они фактически осуществляли первоначальное профессиональное обучение, претендовать на более высокий уровень профессиональной подготовки не могли в силу того, что значительная часть обучающихся была неграмотной или малограмотной. В некоторых губерниях количество неграмотных милиционеров доходило до 25% от личного состава, число малограмотных достигало 30–35%, поэтому в программы милицейских курсов и школ был включен раздел по общеобразовательным предметам. Имея соответствующие учебные программы и методику преподавания, они одновременно выполняли функцию ликвидации общей и профессиональной неграмотности и малограмотности среди сотрудников милиции [7, с. 20].

Начало массовому профессиональному обучению кадров милиции положил приказ № 69 Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. К концу 1922 г. школьно-курсовая сеть включала несколько уровней обучения:

- 1) первоначальная подготовка милиционеров и вновь прибывших в органы милиции на 6–8-недельных курсах в резервах при губернских управлениях милиции;
- 2) губернские милицейские школы для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения 8 месяцев;
- 3) школы среднего командного состава для подготовки начальников милиции городского и губернского масштаба со сроком обучения 2 года.

Учебные заведения НКВД РСФСР являлись частью образовательной системы РСФСР. Милицейские школы и курсы не входили в сеть учреждений Народного комиссариата по просвещению

(она определялась Декретом СНК РСФСР от 20 августа 1923 г.), но их деятельность контролировалась Наркомпросом РСФСР, принципы взаимоотношений были определены Положением о Наркомате по просвещению (Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г.). Этот орган руководил научной, ученой, учебной, политико-просветительской, художественной деятельностью как общего, так и профессионального характера; управлял всем делом профессионального образования; осуществлял учебно-программное и методическое руководство учебными и просветительскими учреждениями всех наркоматов РСФСР, определяя направления интеграции милицейской школы в государственную систему профессионального образования.

Серьезные коррективы в профессиональную подготовку кадров милиции внес Декрет ВЦИК и СНК от 28 сентября 1925 г. «О введении в действие Положения о службе в Рабоче-Крестьянской милиции». Данный документ определял критерии отбора лиц, желающих служить в милиции. Впервые закреплялось требование к кандидатам — иметь образование не ниже школы 1-й ступени. Преимущество отдавалось выходцам из рабочих и крестьян. Но «батрацкая» биография не всегда была гарантией поступления в школы милиции. Абитуриент должен был сдать экзамены по политграмоте, русскому языку, арифметике, знать азы советского права, уметь бегло и толково читать, написать диктант, осуществлять четыре математических действия, знать проценты и меры измерения, кроме того, хорошо владеть военным делом, разбираться в устройстве оружия.

С 1928 г. в школах милиции начали обучать женщин. Они составляли до 10% от всего личного состава. Многие начальники административных отделов считали, что «женщины более надежны, чем мужчины», особенно «в борьбе с хулиганами», с их помощью пытались решить и проблему текучести кадров (среди мужчин она составляла более 30%) [7, с. 74–75]. Приказом начальника милиции Республики от 23 марта 1929 г. утверждались нагрудные знаки и знаки различия для выпускников школ НКВД, которые были обязательны для ношения на форменной одежде и указывали на то, что работник имеет специальное милицейское образование, дающее преимущество в продвижении по службе.

В этот же период зарождается традиция осуществлять профессиональную подготовку непосредственно в практических органах. Обучающиеся делились на три категории: «знающие», «малознающие», «незнающие». Каждая обучалась по особой программе. В конце учебного года все сдавали экзамены комиссии, специально созданной административным отделом. Заключение комиссии определяло

дальнейшую судьбу работника: при успешной сдаче экзамена он мог продвигаться по службе, при неудовлетворительной — увольнялся по несоответствию или пересдавал экзамен, в случае успешной сдачи он продолжал служить. Итоги прохождения испытаний в обязательном порядке предъявлялись при поступлении в школы НКВД.

К концу 1920-х гг. в НКВД РСФСР сложилась централизованная система профессионального обучения кадров. Первой ступенью подготовки являлись месячные курсы для вновь пришедших в милицию, продолжением становились повторно-инструкторские курсы по 4 часа в неделю или 3-месячные краткосрочные курсы для младшего начсостава по типу переподготовки низовых советских работников. После одного года службы в милиции можно было поступить в школу младшего начсостава, отучившись год и проработав еще год, продолжить учебу в школе среднего начсостава, а после двухлетнего обучения — получить соответствующую должность. Исключение составлял старший и высший начсостав, обучение которого в специальных учебных заведениях на этом этапе не велось.

15 июня 1952 г. постановлением Совета Министров СССР «О реорганизации учебных заведений Министерства государственной безопасности СССР» было положено начало формированию высшего и среднего специального образования в системе подготовки кадров милиции на базе законченного среднего образования. Высшая школа милиции, созданная в 1930 г., преобразовывалась в высшее юридическое учебное заведение, а шесть школ милиции (Саратовская, Ташкентская, Одесская, Хабаровская, Горьковская и Ленинградская) — в средние специальные учебные заведения типа юридических школ с задачами подготовки начальствующего состава для органов милиции.

Интеграция милицейской школы в государственную систему юридического образования создавала условия для формирования нового взгляда на подготовку кадров милиции. Решение Совета Министров СССР указывало на острую необходимость в высокообразованном и высококвалифицированном милицейском кадровом корпусе. Это решение положило начало системе милицейского образования в качестве отрасли государственной системы профессионального образования. Устанавливался один из важных критериев развития — базовое общее образование. Происходил переход от принципа обучения профессии милиционера к принципу профессионального образования сотрудника милиции. Система становилась менее замкнутой, более открытой и доступной для внедрения новых образовательных технологий и многолетнего опыта гражданской системы подготовки специалистов.

В мае 1955 г. еще семь школ милиции были преобразованы в средние специальные школы милиции с двухгодичным сроком обучения. Тогда же впервые были утверждены Устав средней специальной школы милиции и Положение о школе милиции.

В школы принимались лица со средним образованием. По окончании выпускники получали диплом о среднем юридическом образовании, им присваивалось звание «лейтенант милиции». Последнее положение было новым и очень важным для дальнейшего развития системы подготовки кадров милиции. Статус курсанта повышался, закреплялся приоритет лиц, имеющих юридическое образование. Появлялся стимул для получения образования — офицерское звание позволяло выпускнику школы милиции быстрее продвигаться по служебной лестнице и успешнее планировать карьеру. Шанс повысить уровень профессионального образования для сотрудников милиции значительно возрос с расширением сети заочного обучения. В ноябре 1955 г. в средних специальных школах милиции открывались заочные отделения со сроком обучения три года.

Одновременно развивалась сеть школ милиции для подготовки младшего и переподготовки среднего начсостава. В них принимали участковых уполномоченных, работников наружной службы, уголовного розыска, аппарата БХСС, работников следствия, нуждавшихся в повышении теоретических и специальных знаний, положительно зарекомендовавших себя на службе. Фактором, указывающим на повышение уровня подготовки этой категории сотрудников милиции, явилось требование ко всем обучающимся иметь образование не ниже 7 классов. Обучение в школах осуществлялось в течение 11 месяцев.

В 1950-е гг. Высшая школа МВД СССР была единственным учебным заведением в системе МВД СССР, где выпускникам выдавался диплом с присвоением высшей квалификации юриста. В марте 1957 г. при Высшей школе была открыта адъюнктура по специальностям: административное право, исправительно-трудовое право, уголовный процесс и криминалистика. Так было положено начало развитию «милицейской» науки.

В последующие десятилетия сеть высших учебных заведений значительно расширилась. 2 июня 1965 г. постановлением Совета Министров СССР была создана Омская высшая школа милиции, а 8 января 1966 г. Совет Министров СССР принял решение об организации высшей следственной школы при Министерстве охраны общественного порядка (МООП) РСФСР. Открытие Высшей следственной школы можно считать началом углубленной специализации учебных заведений в подготовке кадров для милиции. К концу советского периода определились основные источники пополнения ор-

ганов внутренних дел СССР узкими специалистами. Подготовку руководящих кадров ОВД осуществляла Высшая школа, преобразованная в Академию МВД СССР. Специалистов для уголовного розыска готовили Омская высшая, Елабужская и Львовская средние специальные школы милиции. В пяти высших и 21 средней специальной школах были созданы отделения по подготовке кадров для уголовного розыска. Работников для аппаратов БХСС готовили Горьковская высшая школа МВД СССР и Новосибирская средняя специальная школа милиции, в двух высших и в 21 средней специальной школах милиции были созданы отделения по данной специальности. Кадры для следственных аппаратов, кроме Высшей следственной школы, готовили в четырех высших и одной средней школах милиции, по межведомственному плану — следователей и криминалистов в четырех юридических институтах и на 39 юридических факультетах университетов. Для органов ГАИ подготовку осуществляли три средние школы милиции на специальных отделениях и по межведомственному договору — Московский автодорожный институт, для транспортной милиции — в двух вузах МВД и одной средней специальной школе милиции со специализацией на последнем курсе обучения. Таким образом была создана многопрофильная система переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава [7, с. 177–178].

С реорганизацией школ милиции в средние и высшие юридические учебные заведения система милицейского образования становилась полноценной частью государственной системы профессионального образования. Милицейская школа вбирала ее черты, формы организации учебного процесса. Происходила универсализация образовательной деятельности, принципы функционирования ведомственных учебных заведений соизмерялись с требованиями, предъявляемыми к государственной профессиональной школе. Введение специализации учебных заведений МВД СССР происходило с учетом постановления Госкомитета Совета Министров СССР о науке и технике от 28 июля 1972 г., утвердившего квалификацию юриста, включающую 18 специальностей, объединенных в 10 групп (шифры 120001–120010).

Рассматриваемый этап в истории милицейской школы можно считать качественно новой ступенью в ее развитии. Условия, в которых существовала система органов внутренних дел, сформировали потребность иметь юридически образованный кадровый корпус. В связи с этим изменился статус ведущего звена системы профессиональной подготовки кадров милиции — школ милиции, была создана сеть средних специальных и высших учебных заве-

дений юридического профиля, что предопределило судьбу профессиональной школы Министерства внутренних дел — она становится полноценной частью государственной системы профессионального образования. Правотворческая деятельность внутри ведомства стала определяться принципами правового регулирования государственного среднего специального и высшего образования. Унификация образовательной деятельности школ милиции ускорила интеграционные процессы самого милицейского образования в государственную систему, одновременно позволила выделиться ему в самостоятельную отрасль профессионального образования, включающую ведущие компоненты, характеризующие образовательную систему. Заняв свою нишу в государственном юридическом образовании, милицейская школа сумела противостоять внутриведомственным структурным и организационным переменам, смогла сохранить относительную стабильность и развитие в постсоветский период.

Современная система профессионального образования полиции во многом переняла сложившиеся ранее структурные компоненты, фактически являясь преемницей советской системы милицейского образования. Это одна из крупных и многопрофильных среди аналогичных систем федеральных органов исполнительной власти, она включает раннюю профессиональную ориентацию молодежи на службу в органах внутренних дел (суворовские военные училища МВД России, лицеи, колледжи, классы с углубленной правовой и физической подготовкой); специальное первоначальное обучение впервые принятых на службу сотрудников органов внутренних дел; подготовку специалистов с высшим и средним специальным профессиональным образованием; дополнительное профессиональное образование и послевузовское профессиональное образование (адъюнктуры и докторантуры вузов и ВНИИ МВД России, а также гражданских вузов и академических институтов); служебно-боевую подготовку (непосредственно в органах и подразделениях внутренних дел).

В настоящее время указанная система профессиональной подготовки и образования — самостоятельная структура внутри ведомства и одновременно подсистема государственной системы профессионального образования. Как образовательная система она имеет свою архитектуру и принципы функционирования, связана с другими социальными институтами, занимает свою нишу в общественных отношениях и выполняет определенную роль в общественном развитии. Она не только реализует историческую функцию передачи имеющегося социального опыта, опыта обучения и воспитания профессионала, но и сама находится в развитии, берет на

себя миссию порождения нового знания, активного формирования идеалов, духовных ценностей и нравственных норм.

Благодаря сложившейся правовой политике в области профессионального образования (согласно Закону «Об образовании» эта область является при-

оритетной) ведомственная профессиональная школа в современных условиях в рамках государственной системы образования выполняет свою основную функцию — подготовку высококвалифицированных юридических и специальных кадров для органов внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы

1. *Андреева И. А.* Очерки истории органов внутренних дел России : учеб. пособие. Омск, 2000.
2. *Кожевина М. А.* Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
3. *Кожевина М. А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX веках : монография. Омск, 2013.
4. *Военно-учебные заведения России* // Русский военно-исторический словарь / В. Г. Краснов, В. О. Дайнес. М., 2001.
5. *Кодан С. В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850 гг. : монография. Екатеринбург, 2005.
6. *Борисов А. В., Колодкин Л. М.* Юридическое образование в дореволюционной России. М., 1994.
7. *Кожевина М. А.* История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.) : монография. Омск, 2004.

Деятельность полиции г. Омска в конце XIX — начале XX века

А. В. Быков, Омская академия МВД России. E-mail: aleksandr091070@rambler.ru

Рассматриваются значимые вопросы деятельности полиции г. Омска в конце XIX — начале XX вв.: методы организации охраны общественного порядка, проблемы финансирования, способы стимулирования чинов полиции к добросовестному исполнению обязанностей, противодействие коррупционным правонарушениям. Характерной чертой периода XVIII–XIX вв. выступала большая зависимость от местных условий, которые определяли особенности развития полиции в различных городах. Период конца XIX — начала XX вв. отмечен образованием развитых форм и методов полицейской службы, упорядочением взаимоотношений с местными органами выборного управления, что позволяет говорить о постепенном формировании в практике полиции Омска набора тактических приемов, методов охраны общественного порядка, профилактики и пресечения преступлений, в том числе коррупционного характера. При проведении исследования использовались документы фонда Омского полицейского управления из собрания Исторического архива Омской области.

Ключевые слова: Омск; полиция; управление полиции; городской; пристав; полицмейстер; полицейская будка; городская Управа.

Police Activity in Omsk in the late 19th — early 20th century

A. V. Bykov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia). E-mail: aleksandr091070@rambler.ru

The article dwells on the crucial issues of police activity in Omsk in the late 19th — early 20th century: organizational methods of public order security, problems of financing, means of encouraging police ranks to perform their duties with integrity, counteracting corruption. The period of 18th — 19th centuries was characterized by major dependence on local conditions which determined the peculiarities of police development in different cities. Late 19th — early 20th century is marked by formation of the developed forms and methods of police service, streamlining of relations with local elected government, that gives evidence of gradual formation in police practice in Omsk of tactical means, methods of public order maintenance, prevention of crimes, including corruption. The attempted research was conducted with the use of the documents from the Fund of Omsk Police Headquarters from the collection of Omsk region Historical archive.

Keywords: Omsk; police; police headquarters; policeman in the Russian Empire; bailiff; chief of city police; police watch-house; city headquarters.

В 2018 г. отмечается 300-летний юбилей российской полиции, эта дата стимулирует интерес к истории отечественных органов охраны правопорядка. На первый взгляд, имеется значительное количество научных работ, учебной литературы по данной теме, изучены вопросы нормативной правовой основы создания и деятельности полиции, общие принципы комплектования, учреждения штатов, обязанности полиции и т. д. Характерной чертой периода XVIII–XIX вв. являлась большая зависимость от местных условий, которые определяли особенности развития полиции в различных городах. Эта специфика дает

возможность решить одну из главных задач исторического познания — выявить положительный и негативный опыт, предостеречь от ошибок и применить забытые, но полезные новации предков. Актуальным является и изучение региональных аспектов деятельности полиции. Конец XIX — начало XX вв. обусловлен формированием развитых форм и методов полицейской службы, упорядочением взаимоотношений с местными органами выборного управления. При проведении исследования использовались документы фонда Омского полицейского управления из собрания Исторического архива Омской области

(ГИАОО). При цитировании архивных документов сохранены особенности стиля и орфографии оригинала, что позволяет лучше прочувствовать дух времени. Ряд приводимых источников вводится в научный оборот впервые.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность полиции в Российской империи, являлись Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний¹, утвержденные Высочайшим указом 25 декабря 1862 г. Полиция Российской империи имела двойственную природу. Профессор Н. С. Нижник пишет: «С одной стороны, полиция выступала как средство поддержания повседневного порядка, регулирования общественной жизни в общих интересах безопасности и благополучия, с другой — как орудие противодействия явному или неявному неподчинению власти, как субъект, способный применить негативные санкции в случаях неповиновения воле органов государственной власти» [1, с. 303]. Отметим, что в Омске, как и во многих удаленных от центра власти городах, политическо-охранительная деятельность общей полиции носила незначительный характер. Основной заботой полиции являлись поддержание общественного порядка, обеспечение исполнения распоряжений центральной и местной властей.

Полицией города руководил полицмейстер, возглавлявший Городское полицейское управление, созданное в Омске в 1832 г. [2, с. 103]. В полицейском отношении город делился на несколько секторов во главе с частным приставом, их количество и обслуживаемая ими территория зависели от численности жителей и размеров городской застройки. Если в середине XIX в. в Омске действовали две части, то в 1916 г. их было уже 5 [2, с. 105]. Каждый сектор делился на участки (ранее — околотки). Околоточные надзиратели являлись помощниками частных приставов и непосредственно руководили работой старших и младших городских.

Значительная часть средств на содержание полиции выделялась из городского бюджета, что сохраняло зависимость штатной численности и оснащения полиции от размера доходов конкретного города. Городская управа ежемесячно перечисляла деньги на жалование и «квартирные» нижним чинам, на наем квартир чинам Управления полиции и повивальным бабкам, входившим в штат управления. За счет Управы приобретались обмундирование, снаряжение, дрова и т. д. Например, на жалование нижним

чинам Омской полицейской команды за июль 1889 г. старшим городовым было выделено по 11 руб. 8 коп. (в списке 10 чел.), младшим городовым — по 9 руб. 66 коп. (в списке 55 чел.)².

При ухудшении криминогенной обстановки в городе штаты полиции могли быть увеличены. Так, в феврале 1896 г. в условиях роста числа грабежей и краж городская Дума дополнительно выделила средства на наем пяти конных стражников, которые привлекались частными приставами для ночных объездов³.

Дополнительные городовые могли наниматься и за счет частных лиц, например, содержателей домов терпимости для несения постовой службы возле их заведений⁴. На основании закона об учреждении полиции на частные средства, начавшего действовать в Сибири с 1900 г., городовые получали жалование за счет частных лиц, но служили на общих основаниях, равно как и другие члены полицейской команды [3, с. 161].

С 1868 г. на основании циркуляра Министерства внутренних дел от 14 марта комплектование штатов полиции производится посредством вольного найма [4, с. 72], прежняя система направления на службу военнотружущих из гарнизонов прекращается. Это повысило требовательность личного состава к денежному довольствию, наполнять штаты стало сложнее, поскольку желающих служить за низкую плату было немного, что влекло некомплект личного состава и перегруженность чинов полиции. Так, в ночь на 29 марта 1913 г. омский полицмейстер при проверке 3-й части обнаружил, что дежурные (околоточный надзиратель и городовые) крепко спали. Однако наказания не последовало. В изданном приказе по данному случаю было сказано: «Принимая во внимание, что дежурным полицейских частей, за недостаточностью штата полиции, приходится на другой день нести службу, разрешаю отдыхать после 23 час. до 6 час. утра дежурным в частях околоточным надзирателям и городовым только по очереди и не снимая оружия»⁵. Такое решение свидетельствует о регулярной проблеме переработки чинов полиции.

В конце XIX в. все большее внимание уделяется стимулированию чинов полиции к усердной службе и повышению их профессионального уровня. В качестве мер поощрения применялись повышение окладов за выслугу лет, премирование за заслуги. Например, в ноябре 1908 г. околоточному надзирателю 4-й части была выдана денежная награда в 50 руб.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVII. Отделение 2. СПб., 1865. № 39087. С. 588.

² ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 936. Л. 33.

³ Там же. Д. 1003. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 1196. Л. 109.

⁵ Там же. Д. 223. Л. 9.

за энергичный розыск и задержание лиц, подозреваемых в совершении грабежа⁶.

Управление полиции формировало фонд для премирования отличившихся чинов из средств, выделенных на содержание полиции, но не использованных в связи с некомплектom личного состава. Иногда это приводило к спорам с городской Управой, которая считала, что деньги (выделенные, но не истраченные) должны быть возвращены⁷.

Нижние чины полиции, прослужившие не менее 5 лет при «беспорочном поведении», могли награждаться серебряной медалью «За беспорочную службу» на Анненской ленте для ношения на груди. Правда, чтобы иметь право сохранить медаль после увольнения, необходимо было прослужить в целом не менее 10 лет. В 1897 г. (точная дата в документе отсутствует) в полицейское управление от Военного губернатора были присланы три медали для награждения городских, прослуживших 5 лет: Перфильева, Сартакова и Дурнова. Одна медаль была возвращена, поскольку Сартаков к тому времени уволился со службы⁸.

К допускаявшим нарушения по службе применялись меры взыскания, в том числе денежные штрафы, арест, назначение на пост вне очереди. Так, приказом Омского полицмейстера на 19 и 20 февраля 1912 г. № 39 исполняющий обязанности околоточного надзирателя 4-й части за неисполнение поручения частного пристава о проверке постоянных дворов был подвергнут аресту на одни сутки⁹. Городовые, отсутствовавшие в ночь на 22 января 1912 г. на своих постах, лишались части жалования: приказом полицмейстера их оштрафовали на 3 руб. каждого¹⁰.

Непосредственную деятельность по охране общественного порядка, борьбе с преступностью, санитарному надзору, исполнению иных многочисленных обязанностей, возлагавшихся на полицию, осуществляли околоточные надзиратели и городовые. Именно они тесно соприкасались с населением, по ним общество судило о полиции.

Служба околоточных надзирателей нередко рассматривается как прообраз участковых уполномоченных. В общем виде обязанности околоточных надзирателей можно разделить на три группы:

1) надзор за соблюдением порядка в общественных местах, пресечение и раскрытие преступлений и правонарушений;

2) надзор за населением за исполнением распоряжений центральных и местных властей, правил

торговли, соблюдением санитарных и противопожарных норм;

3) суточное дежурство в участковом управлении. Во время дежурства надзиратели должны были помогать приставу и заменять его в случае отсутствия.

Околоточные обязаны были хорошо знать обстановку на своем участке и живущих там людей, на них возлагалась обязанность производить дознание по уголовным преступлениям, задерживать подозреваемых в совершении преступлений. Должность околоточного надзирателя являлась офицерской.

Околоточные надзиратели непосредственно руководили городовыми. Основная форма несения службы последних — постовая служба с элементами патрулирования. Городовые выставлялись на посты на площадях, возле мостов, на рынках и в других местах, где необходимо было соблюдать общественный порядок. При несении службы они периодически обходили прилегающую к посту территорию. Городовые должны были оказывать населению помощь, поэтому им запрещалось при исполнении служебных обязанностей заходить во дворы, торговые и питейные или увеселительные заведения (если это не было продиктовано необходимостью пресекать нарушения порядка). Так, запрет на посещение заведений содержался в приказе Омского полицмейстера от 20 апреля 1913 г. № 84: «До моего сведения дошло, что подведомственные мне чины полиции позволяют в свободное время от службы заходить в трактирные заведения, распивать пиво и спиртные напитки и играть на билльярдах. Посещение чинами полиции пивных и иных трактирных заведений с целью угощения или игры нахожу недопустимыми и совершенно воспрещаю. Заходить в такие заведения чины полиции могут только по делам службы»¹¹.

В первой половине XIX в. в городах появляются полицейские будки — небольшие строения, предназначенные для размещения полицейских служителей, стационарные полицейские посты. Такие будки размещались на площадях, возле перекрестков крупных улиц, возле мостов и переправ, в иных ключевых точках города. Одновременно эти помещения должны были служить наблюдательными пунктами, опорными пунктами несения службы городовыми, местами для первичного доставления задержанных. Предусматривалось, что будки одновременно должны служить жильем для нижних чинов полиции, что позволяло организовать постоянное полицейское

⁶ Там же. Д. 1195. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 936. Л. 39–39 об.

⁸ Там же. Д. 1015. Л. 6, 7.

⁹ Там же. Д. 1168. Л. 26.

¹⁰ Там же. Д. 1168. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 223. Л. 22.

наблюдение, доступность городских для населения. Строительство и содержание будок осуществлялось из городских доходов, в некоторых случаях полностью или частично строительство и ремонт оплачивались частными лицами. В архивном фонде Омского городского полицейского управления содержатся документы о проведенной в 1888 г. ревизии будок. Как выяснилось, многие из них были непригодны не только для проживания, но и для несения службы, требовали ремонта. Часть из них была отремонтирована на средства городской Управы и занята под жилье городскими¹².

Важным направлением деятельности полиции являлось проведение профилактических мероприятий, преимущественно накануне и во время праздников. В праздничные дни полиция несла службу в усиленном варианте — увеличивалось количество постов, чины полиции должны быть готовы в любое время прибыть на службу в неурочные часы, запрещалось отлучаться с обслуживаемых территорий.

Одной из мер противодействия совершению правонарушений являлось размещение полицейских в форме или в гражданской одежде в местах наиболее вероятного совершения преступлений: на рынках, возле питейных и увеселительных заведений, у театра, публичных домов и т. п. Усиливался надзор за продажей спиртного, устраивались облавы в целях изъятия нелегального алкоголя. Так, в приказе Омского полицмейстера с 6 на 7 января 1910 г. отмечалось, что поддержанию общественного порядка во время Рождественских праздников во многом способствовало изъятие накануне «более 60 ведер пива и значительное количество вина из разных притонов»¹³.

В период празднования Масленицы особенно актуальным являлось недопущение чрезмерно быстрой езды во время традиционных катаний¹⁴.

Усиленное полицейское наблюдение применялось не только в праздничные дни. Например, в приказе по Омской городской полиции № 51 на 1 марта 1908 г. содержалось следующее распоряжение: «В виду получения завтрашнего числа разными лицами пенсий предлагаю Г.г. Приставам 3 и 4 частей выставить от вверенных мне частей по два городских в переодетом виде около аптеки Розенплентера, по Александровской улице около Кафедрального Собора и Казначейства, но так, чтобы городские не стояли на одном месте во избежание подозрения со стороны злоумышленников»¹⁵. Такая тактика позво-

ляла своевременно пресечь преступления, поскольку криминальным элементам были хорошо известны определенные учреждения, где люди получали деньги. Выставление городских в гражданской одежде основывалось на имевшемся опыте. Преступники, видя чина полиции в форме, могли ориентироваться в ситуации и совершать грабежи в другом месте, где не видели явного присутствия сил полиции.

Зимой (особенно в праздничные дни) важна была такая работа полицейских, как доставление лежащих на улице пьяных в участок. Таким образом были спасены здоровье и жизнь многих людей.

Архивные документы свидетельствуют об эффективности принимаемых мер. В ряде приказов полицмейстера отмечается сохранение порядка и недопущение роста преступлений (или вовсе их отсутствие) в праздники¹⁶.

В начале XX в. на основании закона «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. в Омске образовано сыскное отделение третьего разряда, в штат входило всего восемь человек: начальник отделения, два надзирателя и пять городских [5, с. 23]. Но даже при такой небольшой численности раскрываемость преступлений в Омском сыском отделении в 1913 г. составляла: убийств — 50%; грабежей — 56; краж — 37; конокрадства и скотокрадства — 39%. Для Сибири это были неплохие показатели [6, с. 23].

На полицию возлагались и иные обязанности, связанные с интересами жителей города. Служащие полиции должны были следить за чистотой улиц и площадей, их пригодностью для движения пешеходов и транспорта, принуждать владельцев домов очищать снег, лед, посыпать улицы песком или золой в зимнее время, а летом очищать тротуары и водосливные канавы. В этом отношении показательно распоряжение в приказе Омского полицмейстера от 5 ноября 1904 г.: «Обязываю Чинов вверенной мне полиции строго следить, чтобы тротуары каждое утро к 7-ми часам были очищены от снега и посыпаны песком или золой, а где таковых нет, то, чтобы снег для прохода пешеходов очищали на три аршина от домов и усадеб; за не исполнение сего виновные мною будут подвергаемы взысканию»¹⁷.

Решала полиция и отдельные проблемы, возникающие в жизни города. Примером может служить ситуация, случившаяся в октябре 1896 г. На рынках города значительно повысились цены на продовольствие, что вызвало недовольство жителей. Виновниками дороговизны были перекупщики, скупавшие

¹² Там же. Д. 895. Л. 5, 5 об., 7, 8, 10, 12, 16, 16 об.

¹³ Там же. Д. 1235. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 1196. Л. 81.

¹⁵ Там же. Д. 1196. Л. 86.

¹⁶ Там же. Д. 1235. Л. 4, 81; Д. 1196. Л. 81.

¹⁷ Там же. Д. 1151. Л. 6 об.

оптом продукты у крестьян ранее разрешенного времени начала торговли. Полицмейстером было отдано распоряжение: «Немедленно установить строжайший надзор на улицах города и за городом, по которым главным образом замечен приезд крестьян на базар с продуктами, за тем, чтобы покупка переторговцами продуктов вне базара и не в установленное время отнюдь не было допускаемо, а при обнаружении сего, без снисхождения привлекать виновных к законной ответственности за нарушение обязательных постановлений Омской Городской Думы»¹⁸. В данном случае полиция выступает одновременно как блюститель интересов государства и городского населения. Дороговизна продуктов вызывала недовольство населения, а любое недовольство рассматривалось как потенциальная угроза государству. Кроме того, полиция обязана была надзирать за исполнением предписаний местных органов управления, в данном случае — Городской Думы. Полиция содержится за счет городских доходов, в том числе и самих горожан, а потому обязана заботиться об их благополучии.

Извечной проблемой являлась коррупция среди чинов полиции. Борьбе со взяточничеством уделялось значительное внимание. Исходя из установленных правил, чиновник при получении взятки был обязан задержать дававшего взятку, доложить о случившемся начальству и сдать полученные деньги. Руководство переправляло полученные деньги по иерархической лестнице наверх вплоть до губернатора. Уличенные в получении взятки увольнялись со службы и могли быть привлечены к уголовной ответственности.

Использовались и меры поощрения. Полицейским, доложившим о даче взятки, доставившим начальству взяткодателя и сдавшим полученные в ка-

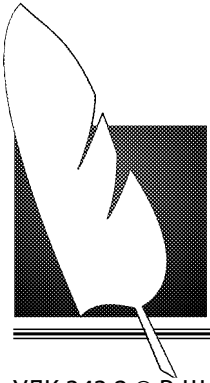
честве взятки деньги или иные ценности, объявляли благодарность. Использовали и такую форму, как премирование чинов полиции за представление начальству сведений о получении взятки и передачу этой суммы. Премия могла приравняться и даже превышать сумму денежных средств, данных в качестве взятки, особенно если ранее эти чины полиции уже демонстрировали таким образом честность и неподкупность. Например, городовому 3-й части г. Омска Дементьеву за представление начальству полученной взятки в сумме 1 руб. 50 коп. Акмолинский губернатор распорядился выдать из средств Омского полицейского управления награду в сумме 2 руб. Городовой 1-й части г. Омска Иван Колыгаев получил премию в размере 3 руб. за передачу начальству 50 коп., данных ему извозчиками в виде взятки. Можно предположить, что таким образом формировалась мотивация к антикоррупционному поведению и «отучению» населения от стремления решить проблемы с полицией через взятки [7, с. 249].

Изучение архивных источников позволяет говорить о сформированности в практике полиции Омска набора тактических приемов, методов охраны общественного порядка, профилактики и пресечения преступлений. Некоторые применяемые меры актуальны и в настоящее время: например, премирование чинов полиции за задержание взяткодателя, полицейский контроль мест наиболее вероятного совершения преступлений (в месте перехода по льду между левым и правым берегом реки Омь) и др. Наилучшие результаты в деле охраны общественного порядка и борьбы с преступностью достигаются при условии внимания к делам, добросовестности, инициативности как руководства, так и рядового состава полиции.

Список литературы

1. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в России в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX — начала XXI века : мат-лы междунар. науч. конф. Витебск, 2017.
2. Храпова Н. С. Омское городское полицмейстерское управление // Омский краевед. 2017. № 7.
3. Альмухаметова М. Ш. Основные этапы реорганизации полиции во второй половине XIX — начале XX века (на примере Западной Сибири) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12.
4. Андреева И. А., Зайцева Е. С. История органов внутренних дел России : учебное пособие. Омск, 2017.
5. Коновалов И. А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в первой половине XIX века // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 4.
6. Петров А. В. К вопросу о функциях полиции Урала и Западной Сибири в начале XX века: историко-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2012. № 7.
7. Быков А. В., Быкова А. Г. Приказы Омского полицмейстера как источник по истории борьбы с коррупцией в полиции в начале XX века // Вестник архивиста. 2014. № 2.

¹⁸ Там же. Д. 1003. Л. 131.

Трактовка общественной опасности в советском уголовном праве довоенного периода

Р. Ш. Хамтаху, Краснодарский университет МВД России. E-mail: russtti@mail.ru

Рассматриваются особенности доктринального понимания общественной опасности и ее отражения в советском уголовном законодательстве довоенного периода. Анализируются соответствующие нормы УК РСФСР 1922 г. и 1926 г., дается оценка теоретическим взглядам ряда советских криминалистов. Отмечается, что ряд позиций советских уголовных кодексов заслуживает внимания современного российского законодателя.

Ключевые слова: общественная опасность; уголовный кодекс; преступление; наказание; меры социальной защиты.

Social Threat in Soviet Criminal Law of Pre-war Times

R. Sh. Khamtakh, the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnodar, Russia). E-mail: russtti@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of doctrinal vision of social threat and its manifestation in the Soviet criminal legislation of pre-war times. Corresponding norms of the 1922 and 1926 Criminal Code of the RSFSR are under study. The estimate is made as to the theoretical views of soviet criminalists. It is noted that a number of positions of the soviet criminal codes can bear special interest for the contemporary Russian legislator.

Keywords: social threat; criminal code; crime; punishment; measures of social protection.

После Октябрьской революции 1917 г. наука уголовного права в Советском государстве продолжала активно развиваться, но уже с учетом классовой идеологии, которая директивно была установлена в стране [1, с. 169]. Общая направленность развития уголовно-правовой мысли сводилась к отвержению эксплуататорской, буржуазной концепции формального подхода в уголовном праве и к формированию нового, социалистического подхода, связанного с социологическим учением о наказании. Так, первоначально предлагались радикальные меры, суть которых заключалась в отказе от Особенной части уголовного закона и акценте на регулировании степени не обще-

ственной опасности деяния, а социальной опасности субъекта деяния, что, во-первых, противопоставлялось вине и, во-вторых, позволяло бы применять уголовные наказания за те деяния, за которые суд сочтет нужным их применить в данной конкретной ситуации [2, с. 86]. На основе этой идеи Институтом советского строительства и права Коммунистической академии был разработан проект Уголовного кодекса, в его нормах не было ни диспозиций, ни санкций, а развернутые составы преступлений ограничивались их перечнем в кратких формулировках [3, с. 57], что отражало крайнее крыло доминировавшей тогда социологической теории уголовного права.

Однако столь радикальные меры не нашли поддержки у научно-правовой общественности РСФСР, было решено не отходить от признанных позиций по структуре уголовного права [4, с. 17–18], однако по «буржуазному» подходу в части формального определения преступления никакого компромисса не было. Так, советский криминалист М. А. Чельцов-Бебутов писал о том, что, в отличие от прежнего, дореволюционного уголовного права, которое определяло преступление формально, советский законодатель определяет преступление материально, т. е. по существу, исходя из его вредности и опасности для революционного правопорядка [5, с. 84–85].

Отметим, что к тому времени уже действовал УК РСФСР 1922 г., где в ст. 6 преступление определялось как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»¹. Преступление рассматривалось как опасное для государства рабочих и крестьян действие (бездействие), как нарушение установленного порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом, опасное для советской системы общественных отношений, вызывающее необходимость борьбы органов государственной власти с лицами, совершающими такие действия (бездействие). Данное понимание общественной опасности отражало специфику того времени [6]. В статье 5 УК РСФСР говорилось, что уголовный закон имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов, осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты.

На этом этапе теоретико-политическая трактовка понятия «преступление» (а вместе с ним и общественной опасности деяния) нашла законодательное закрепление. Указанный подход (преступление — «общественно опасное действие или бездействие...») наблюдался в советский период, таковым остается до сих пор. Данная формула, будучи политически нейтральной, в Советском государстве довоенного периода облекалась в активную политико-классовую составляющую и несколько изменялась. Отметим редакцию УК РСФСР 1926 г.², в результате которой произошел отказ от понятия «наказание» с заменой на «меры социальной защиты», что активно обосновывалось советскими криминалистами того времени. Здесь признак общественной опасности

определяется уже четко, если говорить об основании для привлечения виновного к уголовной ответственности [7, с. 35]. Об этом свидетельствует следующая формулировка ст. 6 УК РСФСР 1926 г.: «Общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отсутствует термин «преступление», хотя речь идет именно о преступлении, что подтверждается содержанием ст. 1 УК РСФСР, где применена конструкция «общественно опасные деяния (преступления)». Кроме того, в указанной законодательной трактовке нет формального признака преступления, что давало возможность привлекать к уголовной ответственности по упрощенной следственно-судебной процедуре.

Для статьи 6 УК РСФСР 1926 г. характерно еще и то, что в примечании к ней впервые на законодательном уровне закрепляется малозначительность деяния как основание непривлечения к уголовной ответственности: «Примечание. Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». В. Н. Колемасов справедливо указал, что введение данной уголовно-правовой нормы позволило на практике некоторым образом ослабить карательную политику по ряду составов преступлений (растрата, присвоение, хулиганство, кража и т. п.) [8, с. 107]. Сравнение с ч. 2 ст. 14 действующего УК РФ показывает, что формулировка УК РСФСР в редакции 1926 г. с незначительными коррективами сохранена. Нужно иметь в виду, что законодатель 1926 г. ведет речь не просто о малозначительности, а о «явной» малозначительности. Кроме того, условием применения данной нормы было «отсутствие вредных последствий».

Помимо института малозначительности, УК РСФСР 1926 г. содержал нормы, дифференцирующие меры социальной защиты (в зависимости от характеристики субъекта деяния): предусматривались *меры социальной защиты* следующих видов:

- а) судебно-исправительного характера;
- б) медицинского характера;
- в) медико-педагогического характера.

Первый вид мер социальной защиты применялся к «полноценным» преступникам, т. е. к лицам, которые: 1) действовали умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих

¹ *Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.*

² Там же. 1926. № 80, ст. 600.

действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление; 2) действовали неосторожно, не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия (ст. 10 УК РСФСР 1926 г.).

Второй вид мер социальной защиты применялся к невменяемым лицам, а третий — к несовершеннолетним до 14 лет: к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности. Последние не попадали под применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, к ним не применялось уголовное наказание.

Законодатель в ст. ст. 11 и 12 УК РСФСР по состоянию на 1926 г. регулировал этот аспект следующим образом:

— меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно и в отношении тех лиц, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. К этим лицам могут быть применяемы лишь меры социальной защиты медицинского характера;

— меры социальной защиты судебно-исправительного характера не подлежат применению к малолетним до четырнадцати лет, в отношении которых могут быть применяемы лишь меры социальной защиты медико-педагогического характера.

В этом контексте представляют интерес ст. ст. 24–26 УК РСФСР 1926 г., где к мерам социальной защиты медицинского характера относились принудительное лечение, а также помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией; к мерам социальной защиты медико-педагогического характера — отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников или иных лиц и учреждений, помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение. Законодатель подчеркивал, что меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера применяются судом, когда он признает применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера несоответствующим данному случаю, если меры социальной защиты медицинского и медико-педагогического характера не были применены соответствующими органами до начала судебного разбирательства. Названная мера в виде отдачи несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников или иных лиц и учреждений заслуживает внимания и современного законо-

дателя, поскольку в случае совершения общественно опасного деяния малолетним российское законодательство не указывает принятия такого рода мер. Хотя отдача малолетнего на попечение родителей (иных опекунов) является очевидной, полагаем, ее необходимо отразить в УК РФ.

Как следует из раздела 4 УК РСФСР 1926 г. («О мерах социальной защиты, применяемых по Уголовному кодексу в отношении лиц, совершивших преступление»), законодателем отражено, что невменяемые лица и лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, могут совершать «преступление». На наш взгляд, это ошибочный подход. Он объясняется тем, что законодатель в те годы еще не проводил различия между «преступлением» и «общественно опасным деянием». Однако в большей мере нас интересует другое обстоятельство: советский законодатель 1926 г. в УК РСФСР четко определяет «меры социальной защиты» в их родовом понятии ко всем без исключения лицам, совершившим общественно опасные деяния, т. е. «меры социальной защиты» применяются к «полноценным» преступникам и невменяемым лицам, а также к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности. Да, эти меры различны, но они есть, они необходимы для защиты общества от возможных новых общественно опасных деяний и для усиления защиты фундаментальных прав личности [9, с. 47].

Мы не случайно столько внимания уделяем редакции УК РСФСР 1926 г. В этом акте предпринята попытка соединения научных разработок отечественных криминалистов (дореволюционные ученые успешно трудились и при советской власти) о значимости признака общественной опасности в понятии преступления, представлений советской политико-идеологической доктрины о материалистическом характере мироздания и роли личности в общественном развитии, что позволило сформулировать в УК РСФСР соответствующие уголовно-правовые положения (преступление, общественная опасность деяния, малозначительность деяния, институт мер социальной защиты), которые введены и функционируют в действующем УК РФ.

Последующее развитие уголовного права не привнесло принципиальных изменений в рассматриваемую проблематику, если говорить об уголовном законе, но имело место более глубокое и основательное научно-теоретическое обоснование общественной опасности деяния. Категория общественной опасности все чаще находила свое развитие в научных трудах. Так, по мнению Г. И. Волкова, ведущим звеном в уголовно-правовых отношениях является социальная (общественная) опасность, которую следует понимать как «классовую опасность», соответственно, преступление надо определять как классово опасное

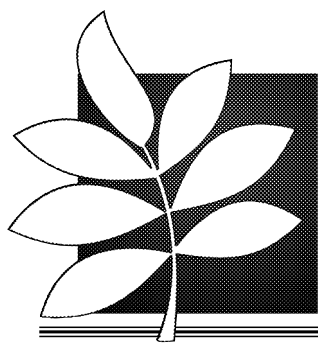
деяние [10, с. 205]. В изданном в 1938 г. учебнике по уголовному праву отмечается только один признак преступления — общественная опасность деяния³. В этом труде обосновывается тезис о том, что отсутствие психической связи между субъектом, с одной стороны, и преступлением, с другой стороны, означает и отсутствие в действиях субъекта состава преступления, т. е. уже проводится грань между

преступлением и общественно опасным деянием. В целом эти и другие теоретические положения наряду с опытом советского законодателя по регулированию признаков общественной опасности довоенного времени (УК РСФСР 1922 г. и 1926 г.) позволили придать данной категории присущую ей роль в уголовном праве последующего времени, включая современную Россию.

Список литературы

1. Упоров И. В. Институт уголовного наказания в Советском государстве начального периода // Журнал российского права. 2000. № 11.
2. Старосельский В. Я. Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2.
3. Фелелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. М., 1972.
4. Турицын И. В., Упоров И. В. Уголовное наказание в уголовных и теоретических конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2014. № 4.
5. Чельцов-Бebutov М. А. Преступление и наказание в истории и в советском уголовном праве. Харьков, 1925.
6. Грошев А. В., Упоров И. В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. Ростов н/Д, 2006.
7. Панкова А. П. Общая характеристика основных положений Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. // История государства и права. 2014. № 18.
8. Колемасов В. Н. Советская уголовно-правовая политика в период 1917–1928 гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1.
9. Упоров И. В., Схатум Б. А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / под ред. Л. П. Рассказова. Краснодар, 2000.
10. Волков Г. И. Классовая природа преступления и советское уголовное право. М., 1935.

³ Уголовное право. Общая часть. М., 1938. С. 26.

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 111.84 © А. В. Яркеев, 2018

Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия

А. В. Яркеев, Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Ижевск).
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Биополитическая форма государственного суверенитета, сложившаяся в результате этатизации биологической жизни и отождествления необходимости самосохранения государства с необходимостью биологического выживания населения, радикально трансформирует устоявшиеся смыслы фундаментальных представлений, лежащих в основании бытия общества, поскольку инициирует формирование и утверждение чрезвычайного положения в качестве всеобщей управленческой технологии и парадигмы правопорядка в современном глобальном пространстве. Данное обстоятельство связано с фактическим дезавуированием суверенитета национальных государств и игнорированием принципов международного права в рамках политики безопасности и войны с терроризмом. Чрезвычайное положение как состояние неразличимости между правом и бесправием учреждает существование общества в качестве пространства приостановки всех гражданских прав и законов, в рамках которого любой индивид сводится к бесправной фигуре *homo sacer*.

Ключевые слова: чрезвычайное положение; суверенитет; государство; право; общество; биополитика.

The State of Emergency as the Extreme State of Social Being

A. V. Yarkeev, Udmurtia branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia). E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Biopolitical form of the state sovereignty resulting from etatization of biological life and identification of the necessity of the state to protect itself with the necessity of the population to biologically survive radically transforms the established meanings of the fundamental concepts underlying the social being as it initiates the formation and establishment of emergency state as an overall management technology and paradigm of law and order in the modern global space. The mentioned condition is connected with actual disavowal of the national sovereignties and disregard of principles of international law within the security policy and war against terrorism. The state of emergency as the state of indistinguishability of law from lawlessness establishes existence of society as the space of suspending of all civil rights and laws wherein any individual becomes *homo sacer* — a person without rights.

Keywords: state of emergency; sovereignty; state; law; society; biopolity.

Современная мировая ситуация определяется через процессы глобализации, связанные с постепенным разрушением суверенитета национальных государств. Суверенитет принимает новую форму су-

ществования, переходя от национальных государств к неким наднациональным органам, образующим лишенный центра и привязки к определенной территории аппарат управления, который постепенно

включает все глобальное пространство в свои расширяющиеся границы [1, с. 12]. Традиционно государственный суверенитет определяется не только в категориях некоторой территории и ее отношения к внешнему пространству, но и через *jus belli* как право самостоятельно решать вопрос о «друзьях» и «врагах», а также бороться с «врагом». Технический прогресс в развитии вооружений приводит к тому, что остаются лишь немногочисленные государства, обладающие достаточной технологической и промышленной мощностью, позволяющей вести войну. Другие страны добровольно или вынужденно теряют право на войну, а вместе с этим правом и суверенитет.

Существование внутреннего и наднационального права в условиях кризиса суверенитета приобретает чрезвычайный характер. Как отмечает Дж. Агамбен, «осознанное использование вечного чрезвычайного положения (даже если оно и не было объявлено формально) стало одной из главных практик современных государств, включая и так называемые демократии» [2, с. 9]. Распад крупных государственных структур и чрезвычайное положение, ставшее нормой, актуализируют рассмотрение оснований общества через призму новых перспектив. Закрепление исключительности чрезвычайного положения в качестве основной управленческой парадигмы ставит под вопрос те условия, при которых собственно социальное бытие является возможным.

Понятие чрезвычайного положения связано с понятием суверенитета (или суверена). Суверенитет, согласно общепринятой трактовке, есть верховная власть, ни от чего не производная, суверенным является «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [3, с. 15]. Обладая монополией абсолютного решения, суверен создает и гарантирует ситуацию в ее тотальности. Если государство не обладает самостоятельной компетенцией объявлять чрезвычайное положение, оно не является государством.

Ключевое значение идея суверенитета обретает в контексте сущности и существования права. Это обусловлено тем, что «суверенитет как исключительная прерогатива создавать право сам не может быть гарантирован никаким правом» [4]. Иными словами, существуют лишь суверенные права, но нет никакого «права на суверенитет». Источником права на суверенитет является сам суверен, ведь суверену, «чтобы создать право, нет нужды иметь право» [3, с. 27]. Как полагает К. Шмитт, государственно-правовая модель, отождествляющая государство и правопорядок, «совершенно теряется перед лицом экстремального случая» [3, с. 24]. Говоря языком теоремы К. Гёделя, если концепция правового государства включает в себя понятие самостоятельного решения, она является полной, но противоречивой; если же она непротиворечива, то неполна, поскольку обходит стороной этот

вопрос. Случай крайней необходимости (*extremus necessitates casus*), связанный с состоянием угрозы государственной безопасности, либо отбрасывается как выходящий за пределы государственного права, либо включается в государственное право, но тогда возникает парадокс правовой приостановки действия права. Таким образом, понятие суверенитета является предельным понятием для концепции правового государства, а понятие чрезвычайного положения — для права. Суверен располагается одновременно внутри и за пределами правовой системы, маркируя ее границу. В момент проговаривания решения о чрезвычайном положении право одновременно утверждает и отменяется. Суверен оказывается на пределе существования права; он тот, кто удостоверяет существование права, отменяя его. Поэтому «суверенитет» является не только и не столько «инструментальным понятием, созданным для анализа политического процесса и решения возникающих в ходе этого анализа проблем», сколько «сам является философской проблемой» [4]. Государственный суверенитет состоит в определении того, в чем заключаются общественный порядок и безопасность, когда возникает им угроза и в чем она выражается. Следовательно, любой порядок основывается на некотором субъективном решении, даже правопорядок «покоится на решении, а не на норме» [3, с. 21]. С нормативной точки зрения, отмечает К. Шмитт, решение рождается из ничего, оно с необходимостью «диктуется» [5, с. 41].

Очевидно, что общественный порядок как таковой предъявляется именно в моменты беспорядка. Возникающий беспорядок со всей наглядностью показывает, что порядок, безусловно, наличествует. Другими словами, общество может существовать как в упорядоченном, так и в неупорядоченном состоянии. Общество и порядок перестают пониматься как взаимно имманентные сущности, происходит трансценденция порядка за пределы общества. Состояние общественного беспорядка — это социальная аномия (*anomos*), т. е. беззаконие, тогда порядок отождествляется с господством закона, является правопорядком. Согласно теории правового государства государственная власть выражает себя в законе, который понимается либо как состояние мира, навязываемого грубым силам, либо как результат борьбы или войны, выигранной наиболее сильным. В обоих случаях закон определяется через добровольный или вынужденный отказ от войны, противопоставляется беззаконию, негативно определяемому посредством исключения.

Ситуация социальной аномии — это состояние прерывания правопорядка, когда прежний правопорядок «уже не» действует, а новый правопорядок «еще не» установлен. В разрыве между двумя правопорядками обнаруживается существование государства как упорядочивающей инстанции порядка. «Если это со-

стояние наступило, то ясно, что государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план... Существование государства доказывает здесь на деле несомненное превосходство над действием правовой нормы» [3, с. 25]. Если существование порядка носит дискретный характер, то государство понимается как абсолютная и непрерывная власть. Право по определению отсылает нас к некоторой законодательной системе, в то время как порядок соотносится с системой государственного управления. «С этой точки зрения мы можем понять, почему антиномия права и порядка лежит в основе современной политической рациональности» [6, с. 381].

Субъективный момент решения создает условия, в которых могут действовать нормы права. Норма может быть применена только к нормальной ситуации, а потому любая всеобщая норма нуждается в предварительной *нормализации* жизни как ее фактической среды осуществления. Фактическая нормальность — условие возможности юридической нормы. Поскольку норма права не может осуществляться сама собой, а требует для каждого претворения в действительность придания этой действительности образа/формы, тогда государство — форма (порядок), которая придает народной жизни определенный образ: форма субъективного решения переводится в объективный порядок жизни. Объективность порядка задает его в терминах данности, т. е. порядок общественной жизни «дан» государством как абсолютным субъектом в точке вменения (или решения). «Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным» [3, с. 25].

Государство оказывается как бы внешним по отношению к обществу. Навязывая последнему закон, государство учреждает существование общества в структурах правопорядка. В точке вменения государство конституирует само себя в качестве абсолютного субъекта правопорядка. Такое представление обосновывает (легитимирует) необходимость безусловного подчинения государству и безусловного следования его законам. Государство как инстанция абсолютного решения субстанциализируется и автономизируется. Согласно теории Т. Гоббса государство как результат и состояние общественного договора кладет конец войне между людьми. Суть гоббсовского мифа в том, что человек по природе своей зол, следовательно, без государственной власти люди попросту начнут убивать друг друга. К. Шмитт пишет: «У Гоббса государство по своей конституции является диктатурой в том смысле, что оно, порожаемое войной всех против всех (*bellum omnium contra omnes*), имеет целью постоянно препятствовать этой войне, которая тотчас же разразилась бы с новой силой, если бы люди были избавлены от давления со

стороны государства» [5, с. 41]. Следовательно, без государства нет и общества, государство — всё, общество — ничто. Спасение государства превыше всего. Единственным объектом государства становится само государство, его единственной целью — самосохранение. «В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу, как принято говорить, права на самосохранение» [3, с. 25]. Необходимость самосохранения обуславливает то, что государство как абсолютная самоосновная сущность устанавливает такой порядок, который, во-первых, необходим для сохранения государства, во-вторых, необходим для того, чтобы обеспечить управляемость государством.

В XVII–XVIII вв. формируется представление о государственной рациональности как о некоей технике управления, целью которой является предохранение, расширение и благоденствие государства с помощью наиболее скорых и наиболее удобных средств. Управление является разумным, если оно принимает во внимание природу того, что выступает объектом управления, т. е. самого государства. Такое государственное управление не имеет отношения к каким-либо законам (божественным, природным или человеческим) и правам народа, а лишь к самому государству как объекту управления. Цель такого управления — усиление мощи страны с точки зрения того, что касается расширения ее границ и способности противостоять другим государствам. Нет никакой внешней, предшествующей и последующей цели государства, кроме самого государства. «Цель государственного интереса — это само государство, и если в нем имеется что-то вроде совершенства, счастья, благополучия, то это всегда будет совершенство, счастье, благополучие самого государства» [7, с. 338]. В этом аспекте природа государства рассматривается не в плане некоего равновесия, баланса, обеспеченного хорошим законом, между множеством составляющих, а как совокупность сил и возможностей, которые могут возрастать либо уменьшаться (в зависимости от того, какую политику проводит правительство). Важно увеличивать эти силы и возможности, так как каждое государство находится в состоянии постоянного соперничества с другими государствами и народами. Государственное управление (в отличие от правления как осуществления законного суверенитета над определенной территорией) имеет дело с людьми как с живыми существами, а не как с субъектами права. Ввиду этого обстоятельства правительство должно заниматься индивидами исключительно в той степени, в которой они могут быть средством для достижения цели усиления и развития сил государства. Существование индивида задается с точки зрения его полезности, способности вносить хоть какое-либо изменение в мощь государства. Совокупность живых

индивидов, проживающих на одной территории и относящихся к одному «виду», начинает пониматься как население (или популяция). Понятие «население» исторически возникает в тот момент, когда для обозначения людей стали применять словосочетание не «род человеческий», а «человеческий вид», демонстрируя изначальную принадлежность людей к биологическому пространству, общему для всех живых существ. Биовласть возникает как этатизация биологической жизни, ставящая под контроль человека как живое существо. В биополитическом модусе существования государства государственный интерес выстраивается таким образом, что необходимость самосохранения государства отождествляется с необходимостью удовлетворения биологических потребностей людей. Политическая необходимость сохранения государства становится тождественной биологической необходимости выживания населения.

Автономизация государства снимает проблему легитимности власти в плане обоснования ее существования и отправления. Право оказывается избыточным. Государственный интерес не имеет существенной связи с системой законности или легитимности, как раз наоборот: государственный интерес подразумевает нарушение любых законов, подчиняя эти законы нуждам государства. Чрезвычайное положение является выражением государственного интереса и существования государства в чистом виде: в силу своей природы и в своем основополагающем функционировании государственный интерес трансцендентен по отношению к законам и законности. Он опирается на законы ровно в той мере, в какой они выступают элементами и проводниками его действий, в той мере, в какой они оказываются необходимыми и полезными. Единственным законом, которому подчиняется государство, является его самосохранение любой ценой и любыми способами. Именно эта государственная необходимость как отношение государства с самим собой под знаком самосохранения продуцирует приостановку всех законов и открывает пространство быстрых и неотложных действий без всяких правил. «Чисто технической концепции государства остается недоступна безусловная, не зависящая от целесообразности собственная ценность права. Такая концепция интересуется не правом, а лишь тем, насколько целесообразно функционирует государство, т. е. только исполнительной властью, которой в правовом смысле может и не предшествовать никакая норма» [5, с. 30]. Здесь оценка имеет отношение только к правильности или неправильности мер, рассмотренных с ситуативно-технической точки зрения, с позиции их целесообразности. Политика утверждается в качестве того, что имеет дело с этой государственной необходимостью. Она складывается из рационализма, техницизма и приоритета

исполнительной власти, основывается на политико-социологическом императиве, возвышающемся над противоположностью права и бесправия, определяется только необходимостью удержания и расширения политической власти.

Тотализация государственной власти средствами политики была разработана К. Шмиттом в учении о диктатуре как чрезвычайном положении. Понятие о диктатуре утвердилось в последние века в качестве понятия общего учения о государстве и политике. Исторически диктатура возникла как специфичное для аристократической республики учреждение, представляющее собой внутривластное средство борьбы патрициев против плебеев. На правах всеобщего понятия «диктатура» проникает в политическую и государственно-правовую доктрину только в обстоятельствах Французской революции в качестве якобинской диктатуры, отмеченной упразднением присущего всякому конституционному порядку разделения власти на законодательную, судебную и исполнительную ветви. К. Шмитт выделил комиссарскую диктатуру и диктатуру суверенную. Первая осуществляется в пределах принятой конституционной нормы и уполномочивается конституционным образом. Вторая действует в условиях упразднения всего правового порядка, ее цель — произвести целиком новый порядок. Суверенная диктатура «может осуществлять государственную власть без правовых ограничений. Это в современном демократическом государстве самый частый случай суверенной диктатуры» [8]. Как отмечает Дж. Агамбен, в настоящее время чрезвычайное положение все чаще оказывается управленческой технологией, а не вынужденной чрезвычайной мерой, обнаруживает свою природу основополагающей парадигмы правового порядка [2, с. 16].

Отношения между современным биополитическим государством и населением строятся на основе «договора о безопасности», по которому государство гарантирует защиту от всевозможных рисков, случайностей, непредвиденных обстоятельств, порождающих ощущение неуверенности. В этой ситуации закон оказывается неприемлемым, поскольку необходимыми становятся различные способы вмешательства во все случаи, которые нарушают течение повседневной жизни и являются в силу этого исключительными обстоятельствами. Власть, ориентированная на чрезвычайные ситуации, поддерживает себя и общество в состоянии перманентного чрезвычайного положения. «Кризисная техника отнюдь не представляет собой средства смягчения или устранения кризисов общественной системы... Напротив, под ней подразумевается временное дифференцирование властного риска, осуществляемого посредством вовлечения кризисов в само властное плани-

рование. Формализованным образцом этого служат законы о чрезвычайном положении» [9, с. 136–137]. Чрезвычайные меры вмешательства государства, носящие произвольный, избыточный, исключительный и незаконный характер, предъявляются обществу под знаком заботы, которая обосновывается как готовность государства защищать население «любой ценой», т. е. всеми доступными средствами, включая игнорирование права. Со стороны населения это вызывает лояльность и покорность, так как государство обеспечивает его безопасность. В этом смысле терроризм — такое исключительное «событие», появляющееся как раз в той области, в которой государство гарантирует индивидам, что с ними ничего не произойдет. Терроризм возникает как собственный эффект функционирования системы, ориентированной на предотвращение рисков, угроз и опасностей. Любая дисфункция, нарушение циркуляции, любой дисбаланс и отклонение в функционировании социальной системы в рамках «политики безопасности», направленной на предотвращение угрозы, маркируется как терроризм. «Террор, таким образом, исподволь возведен в скрытый универсальный эквивалент всех социальных зол» [10].

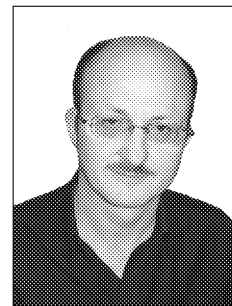
Классическое суверенное право на защиту, предполагающее право на смерть, включается в момент внешней или внутренней угрозы для существования государства. Однако терроризм не имеет государственного оформления, четкой территориальной локализации, он не выдвигает лозунгов с требованиями, не выходит на улицы, не предъявляет ультиматумы и т. п. Именно поэтому он невидим, он одновременно повсюду и нигде, одновременно снаружи и внутри. Поскольку угроза исходит отовсюду и в любой момент, то это вынуждает государство де-факто вводить перманентное чрезвычайное положение на своей территории и рассматривать внешнюю территорию других государств как зону

ведения боевых действий против террористической угрозы (исходя из права на защиту своего суверенитета). Война с терроризмом становится перманентной и повсеместной, стирая различие между войной и миром, между гражданским населением и армией, между правом, действующим в мирное время, и правом, действующим в военное время. Чрезвычайное положение (как состояние неразличимости между обычным и военным правом) индуцирует право волевой приостановки всех законов и прав гражданского общества. В этой перспективе концлагерь может быть представлен как «скрытая матрица» или «номос» политического пространства, в котором мы живем [2, с. 211]. Лагерь оказывается таким политико-юридическим пространством, в котором каждый индивид превращается в бесправного *homo sacer*, в отношении которого любое действие может быть безнаказанным. Зоны неопределенности и лакуны права возникают во множестве современных ситуаций, связанных с перемещенными лицами, беженцами, «гуманитарными лагерями» для мигрантов и т. п.

Таким образом, бытие общества в предельной ситуации чрезвычайного положения как формы глобального порядка проявляется в радикальной трансформации устоявшихся смыслов представлений, фундирующих понятия «человеческого», «государственного», «правового», онтологически участвующих в производстве и воспроизводстве социального бытия. Как мы полагаем, чрезвычайное положение возникает в результате тенденции к полной объективации социальной субъективности в рамках биополитических стратегий и тактик, продуцирующих «голую жизнь», законом не прикрытую. Существование общества на пределе открывает пространство неопределенности человеческого бытия, где возможным становится все, а человечность подвергается сомнению.

Список литературы

1. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
2. Агамбен Дж. Номо *sacer*. Чрезвычайное положение. М., 2011.
3. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
4. Ремизов М. Спор о суверенитете. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5995-spor-o-suverenitete.html (дата обращения: 04.09.2016).
5. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть : в 3 ч. Ч. 1. М., 2002.
7. Фуко М. Территория, безопасность, население. СПб., 2001.
8. Шмитт К. Диктатура. URL: <http://www.katehon.ru/html/top/politologia/idea/dictatura.htm> (дата обращения: 05.09.2016).
9. Луман Н. Власть. М., 2001.
10. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального! URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/zizek-welkome-8l.pdf> (дата обращения: 03.09.2016).

Административный восторг: психология чиновника и коррупционера — демаркация и «зоны ответственности»

В. И. Красиков, Центр научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции
Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва). E-mail: KrasVladlv@gmail.com

Объектом нашего рассмотрения является взаимодействие психологических качеств человека и социальных обстоятельств, в которых он осуществляет свою деятельность. Предмет исследования — трансформирующее влияние чиновничьей практики и коррупции на человеческую психику. Автор рассматривает такие аспекты темы, как сопряженность управленческой и распорядительной деятельности с человеческими качествами, которые ею востребованы для успешного существования; общие направления трансформации коррупцией изначально нейтрального баланса человеческой психики. Особое внимание в статье уделяется выявлению изменений общей психологии коррупционера. В качестве методологических средств мы используем типизацию, сравнение, анализ и конструирование, элементы философской рефлексии и социальной перцепции. Нами выявлено наличие корреляций между «требованиями места» в управленческо-распорядительных вертикалях власти и склонностями людей, которые отвечают этим требованиям. Автором предложены перечни подобных склонностей, которые оказываются дифференцированными в зависимости от уровней администрирования.

Ключевые слова: психология чиновников; коррупция; лояльность; иерархическое чувство; способность к самоконтролю; уверенность в себе; манипуляторные способности; способность к суггестии; административный восторг; корпоративизация чиновничества.

Administrative Excitement: Psychology of an Official and a Corruptionist — Demarcation and “Remits”

V. I. Krasikov, Science Research Centre, All-Russian State University of Justice of the Russian Ministry of Justice (Moscow, Russia).
E-mail: KrasVladlv@gmail.com

The object of the attempted research is interaction of personal psychological properties and social circumstances wherein he performs his activities. The subject-matter of the study is transforming influence of official's practice and corruption on human state of mind. The focus is made on such aspects of the issue as connection of the managerial and administrative activity with human properties required for successful management and administration, general tendencies of transformation by corruption of human originally neutral and balanced state of mind. Changes specified in the general psychology of a corruptionist are emphasized. The following methodological means are employed: typification, comparison, analysis and constructing, elements of philosophical reflection and social perception. The author reveals the correlations between “position requirements” in managerial-administrative vertical line of command and person's inclinations serving these requirements. The article contains the lists of such inclinations which turn to be differentiated due to the administration level.

Keywords: official's psychology; corruption; loyalty; hierarchical sense; self-command; self-confidence; manipulation skills; suggestive abilities; administrative excitement; officials' inclination to corporate.

Люди рождаются с неопределенной пластичной природой, их задатки и склонности, закодированные в некоем неповторимом генотипе, могут получить разную реализацию в зависимости от сложившихся социальных условий, которые востребуют те или

иные человеческие качества для жизни в разных сегментах общества. Определяет многое и время, когда доведется жить человеку: в стабильном обществе или в эпоху перемен (кризисов и войн). Многое зависит от обстоятельств рождения: в какой стране социума

выпало появиться на свет тому или иному человеку — в высшей, средней или низшей. Важна и индивидуальная судьба, жизнь может поставить под вопрос ранее перечисленные факторы, обесценив или переиначив их.

Указав на многозначность обстоятельств, определяющих наши социальные судьбы, на многогранность и открытость нашей психофизиологической природы, мы попытаемся предпринять некие обобщения, типизации, которые будут сужать полифонию посредством соотнесения психологии и социальных обстоятельств в заданном исследовательском векторе. Это вектор выявления формирующего влияния определенной профессии и коррупции на человеческую психику.

Полагаем, именно в таком ракурсе следует и ставить проблему. Ясно, что невозможно однозначно решить: умелые ли коррупционеры создают новые эффективные коррупционные практики или же существующие и развивающиеся объективно (в массовом порядке) коррупционные практики «портят» все новых и новых людей, создавая поколения коррупционеров? Понятно, что это слишком напоминает традиционную дилемму «курицы и яйца».

Однако очевидны следующие обстоятельства:

— исходное состояние психики относительно однородно у большинства людей, но оно и амбивалентно, т. е. может получить в биографической перспективе различные направления развития, оцениваемые доминирующей нормативной системой как «добро» (добродетели) либо «зло» (порок, преступление);

— «вычерпывание» тех или иных устремленностей из интенционального содержания нашей психики, затем они актуализируются и культивируются для своих нужд; социальные обстоятельства, складывающиеся в виде «формата», «этоса» — той или иной области, ниши, группы, где существует та или иная специфичная социальная деятельность.

Нам следует выяснить два момента:

1) в каких областях социальной деятельности возникает коррупция и каков их профиль — в отношении востребования ими (актуализации и культивирования) определенных человеческих качеств;

2) в каких общих направлениях трансформируется чиновничья практика, имманентным скрытым качеством которой является коррупция, при изначально нейтральном балансе человеческой психики.

Ответ на вопрос, где, в каких областях социальной деятельности возможна коррупция, прост: в тех областях, где от субъекта деятельности зависит скорость принятия решения и его модальность — по каким-то делам, затрагивающим интересы какого-то круга лиц. Это любая управленческо-

распорядительная деятельность, в которой субъект может направлять, перенаправлять, способствовать либо препятствовать движению ресурсов, каким-то образом влияя на других людей и социальные ситуации [1, с. 19–40].

Какие человеческие качества требуют тех социальных позиций, которые связаны с осуществлением управленческо-распорядительных функций? Специфичные, не столь широко распространенные, как, например, одно время предполагал В. И. Ленин (любую кухарку можно научить управлять государством). Управлять — это особое и непростое искусство. Ясно, что уровни управления разнятся: от небольших групп до больших империй. Поэтому необходимо ввести два существенных разъясняющих параметра. Во-первых, низшие и средние (массовые) позиции требуют меньшего спектра качеств, высшие административно-менеджерские позиции — большего. Во-вторых, чем выше позиция во властной вертикали, тем более изощренными должны быть качества, о которых речь пойдет далее [2, с. 407–414].

Вначале поговорим об элементарных качествах, необходимых даже на низовых управленческих позициях. Они присущи широкому кругу людей, просты, распространены, достаточны для того, чтобы удержаться на заветных «хлебных местечках», но без особых карьерных перспектив. Невозможно быть чиновником без:

— развитого чувства лояльности (благодарности, перманентной почтительности) покровителю (организации);

— развитого иерархического чувства: властности к нижестоящим и предупредительности к вышестоящим;

— слабой социализированности (так называемые общественные интересы третичны — по отношению к семье и службе);

— актерских данных, умения лицедействовать, лицемерить;

— известной гибкости в отношении господствующих моральных и юридических норм.

Чтобы пойти вверх по служебной лестнице и достигнуть «степеней известных», войти в управленческую элиту, необходимы дополнительные, признаваемые достойными, качества и способности, которые приведены нами в определенном искусственном различении, в реальности они частично пересекаются. Здесь они выстроены в градации их возрастающей редкости, эксклюзивности:

— способность к самоконтролю поведения (психическая устойчивость) — демонстрация эмоциональной сдержанности, спокойствия в реакциях на делящиеся стрессы, собранность в критических ситуациях;

— коммуникабельность (способность к организации коалиций) — умение слушать другого, показать, что вы поняли и разделяете его позицию, привлекать на свою сторону;

— уверенность в себе, высокая самооценка, проявляющиеся в демонстрации «радостного тона бытия»;

— находчивость или повышенная оперативность — быстрое мышление в значимых и конфликтных ситуациях, умение их разрешать (найти уместное слово, шутку, которые деформируют ситуацию и показывают шутника с выгодной стороны: легкого, приятного в общении и очень полезного человека);

— манипуляторные способности, предполагающие наличие тех или иных степеней рефлексии, аналитических способностей, подчиненных вполне конкретной цели достижения контроля над людьми;

— способность к суггестии, внушение доверия людям, умение достигать их охотного подчинения.

Само существование подобной двойственности в социальном «естественном отборе» в чиновничество рождает и соответствующую качественную двойственность «аппарата» (чиновной челяди) и «элиты» с разными типажам и жизненными стилями. Однако те и другие приходят к сходному финалу «тоннельного мышления», вектор которого направлен к коррупции как к реальному тайному привилегированному существованию «избранных» [3, с. 18–32].

Диалектика внутренней эволюции людей в тех или иных специализированных областях деятельности такова, что профильные психические качества при их длительном задействовании и культивировании в профессиональном употреблении имеют тенденции к нарушению меры своей представленности в остальном ансамбле душевной жизни. Эти качества начинают определять «корпоративный тип» человека, его видение мира («профессиональный кренизм»). Мы полагаем, что корпоративный тип чиновника без постоянного внешнего контроля со стороны не то чтобы государства, ибо оно само и есть объективный носитель чиновничьего этоса, но институтов гражданского общества, средств массовой информации и складывающейся под их воздействием системы нормативного предупреждения, стихийно и самородно порождает коррупцию.

Это происходит, потому что объективная трансформация исходных востребуемых качеств порождает душевный комплекс «тайной власти», который поддерживается имманентными, явными и неявными привилегиями, составляющими территории объективно сущей коррупции: «черной, серой, белой» [4]. Поясняем, употребляя слово «объективный», мы

имеем в виду, что процессы душевных трансформаций, в итоге которых возникает тип людей, полагающих себя хозяевами жизни (большими и маленькими), имеющих особую тайную мораль и власть, а также диапазон возможностей распоряжения властной позицией (явные и неявные привилегии), существуют независимо от людей, находящихся во власти и вне власти. Это следствие не «испорченных людей» или «неправильных порядков», не чьих-либо происков и планов, таково устройство любой власти и психической жизни любого homo, взаимодействие которых и порождают объективные процессы влияния «места и функций» на изначально плюралистичную, открытую и подвижную душевную формацию.

К чему ведут трансформации указанных выше, востребуемых властной вертикалью качеств, в результате их многолетнего культивирования?

На низшем и отчасти среднем уровнях чиновничества происходят следующие метаморфозы:

— лояльность покровителю (организации) перерастает в устойчивые патронатно-клиентельные отношения;

— иерархическое чувство настолько развито, что становится помыкательством в отношении нижестоящих и раболепством перед вышестоящими;

— слабая социализированность ослабевает до полной апатии (и тайной ненависти) к общественным запросам и индивидуальным носителям подобных запросов;

— лицедейство, лицемерие становятся второй природой;

— известная гибкость в отношении господствующих моральных и юридических норм перерастает в релятивизм как жизненное кредо (субъективизация «абсолютных» ценностей — в сторону собственного эго и потребления), а у иных вообще в цинизм.

В эволюции «высших чиновничьих качеств» изменения будут носить неоднозначный характер и могут иметь следующий вид:

— способность к самоконтролю поведения, эмоциональное сдерживание при долголетнем культивировании приводят к купированию душевного содержания большинства привязанностей, их чрезмерной рационализации, следовательно, к экзистенциальному (если не метафизическому) одиночеству, потере всяких психических возможностей для восстановления каких-либо форм понимающей коммуникации;

— коммуникабельность не тождественна истинной коммуникации, у экстравертов, к коим относимо большинство важных чиновников, это, скорее, способность к организации коалиций, которая доводится до виртуозности многими годами подкованной борьбы и интриганства, становясь высшим образцом лицемерия уже как искусства;

— уверенность в себе, высокая самооценка растут экспоненциально карьерному продвижению: чем более важное место занимает чиновник, тем быстрее растет его самомнение, достигая неприличных размеров нарциссизма;

— быстрое мышление вряд ли может существенно вырасти, потому что подобная способность имеет какие-то физиологические параметры и ограничения, сюда невозможно «вставить» более «быстрый процессор»; скорее, эта способность будет падать с возрастом и приобретет вид набора «заготовок» реагирования на все случаи жизни, которые быстро усвоит и запомнит окружение чиновника, а потому будет лишь усмехаться про себя при очередном воспроизведении «старой пластинки»;

— манипуляторные способности могут совершенствоваться до бесконечности, ограниченной лишь биологическим возрастом носителя, и могут, вероятно, разродиться на склоне лет философскими обобщениями в духе Шан Яна или Макиавелли;

— харизма с возрастом тоже не растет, как и быстрое мышление, скорее, она может изнашиваться или же «угасать» [5, с. 1116–1126].

Таким образом, различия в трансформациях психических качеств между низшим и высшим чиновничеством имеются, но они лабильны и относительны. В народных наблюдениях им даны меткие характеристики: «Мелкий чиновник — это вечно недовольная баба, общаться с которой нет никакого желания. Крупный чиновник — это самодовольный, самовлюбленный барин, он может помиловать, но этого не дождетесь» [6].

Конечно, подобные превращения наличествуют во многих профессиях, связанных с работой с людьми, особенно когда последних много, все требуют тепла, участия, особого отношения. Врачи, юристы и педагоги волей-неволей насыщаются (в качестве естественной психической самозащиты от массивного давления и претензий) известной долей цинизма, но в разной степени. Потому коррупция присуща и их кругам. Однако нигде и никому (кроме как административному чиновничеству) не дается столько власти, ресурсов и возможностей, что и обуславливает качественную разницу в коррупционных форматах.

Среди профильных самоощущений чиновника подмечено еще Ф. М. Достоевским особое эйфорическое состояние, в котором с детской непосредственностью обнажается его исподнее, основа его самоидентификации, квинтэссенция самооценки. Для его обозначения найдена удачная метафора: «*административный восторг*» — максимизация сущностных сил, пик актуализации профессионального самосознания чиновника, высший момент его экзистенциальной самореализации, радости его бытия,

когда он упоен своим предназначением (властью, могуществом, особой значительностью). Чем более рассудочно-рефлексивен человек, тем в меньшей мере он склонен обнаруживать перед другими это корневое чувство чиновника. Более умный оденет маску хладнокровного и рассудительного «слуги государева» и «радетеля отечества», но и в этой нарочитой скромности виден радостно-терпеливо сдерживаемый административный восторг, столь бесхитростно проявляемый низшими чинами, совсем недалекими людьми.

Можно ли как-то противодействовать этим объективным социальным процессам? Сословие управленцев объективно необходимо. Сама специфика их деятельности привлекает людей определенного психического склада. Как только они взаимодействуют длительное время, запускается механизм их «корпоративизации» и выработки сословного самосознания, который и приводит к складыванию условий для массовой и систематической коррупции.

Можно всех разогнать и набрать новых, но по прошествии некоторого времени все начнется снова. Угроза неотвратимости и жесткости наказания не срывает — либо чиновники-коррупционеры «недооценивают сумму тягот и лишений, которые несет в себе наказание», либо руководствуются «осознанной избирательно-криминогенной» установкой [7], т. е. здраво-рассудочно просчитывают все риски и осознанно выбирают наиболее хитрые, труднодоказуемые коррупционные варианты.

Как известно, «на всякого мудреца довольно простоты», история самой коррупции и борьбы с ней показала, что существуют вполне эффективные средства. Причем они срываются в обоих разновидностях коррупции: как в патриархальной, так и в бюрократической. Наиболее успешными в минимизации коррупции, когда происходит *ее сведение лишь к индивидуально-психологическому проявлению* (субъективный соблазн, «грехопадение»), являются усилия по недопущению внутреннего саморазвития чиновничества в направлении его корпоративизации: автономизации, неформального объединения через родственные и дружеские связи, выработки самосознания и тайного этоса. Наиболее удачными оказались противодействия чиновничьей коррупции со стороны китайских императоров и зрелого гражданского общества. Например, императоры Китая действовали макиавеллевскими методами, разработав ряд механизмов разобщения чиновников: постоянное перетасовывание и обновление аппарата; высокая требовательность к квалификации через систему экзаменов, которая унифицировала чиновничье мышление; искусное совмещение эгалитарных и иерархических отношений внутри правящего класса; тотальное шпионство и поощрение доноси-

тельства; строжайшая дисциплина и тщательно прописанные угрозы наказаний за малейшие нарушения и т. п.

Западные демократии не выпускают бюрократию из «административного загона» в самостоятельное социальное предприятие через два препятствия: внутреннее и внешнее. Трудно сказать, какое из них эффективнее. Первое — это сложившееся в течение двух веков реальное жесткое разделение властей, т. е. единая администрация разделена на три ревниво наблюдающие друг за другом подразделения, которые находятся под «колпаком» у средств массовой информации. Второе — настороженно наблюдающее за властью и чиновниками гражданское общество, множество активных граждан, разного рода самодеятельных общественных организаций, настроенных не патерналистски, а напротив, с презумпцией

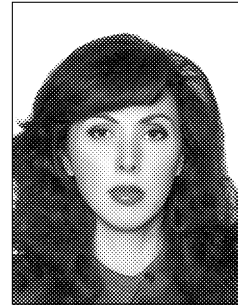
виновности «столичных бюрократов». Но у них были столетия школы демократии.

Мы выявили наличие корреляций между «требованиями места» в управленческо-распорядительных вертикалях власти и склонностями людей, которые отвечают этим требованиям, а потому и востребованы в качестве чиновников.

Нами предложены перечни подобных склонностей, которые оказываются дифференцированными в зависимости от уровней администрирования. Особым вкладом автора в исследование темы можно назвать развитие тезиса об объективно-имманентной связи коррупции и корпоративизации чиновничества. Новизна исследования заключается в установлении путей трансформации изначальных «органических» психологических качеств чиновничества в коррупциогенно-корпоративные.

Список литературы

1. Егорова И. В. Воля к власти // Психология и психотехника. 2013. № 7.
2. Рахмановская Е. А. Беспощадное властолюбие // Психология и Психотехника. 2016. № 5.
3. Иноземцева Н. Н. Эмпирическое исследование жизненного пути руководителя и ведущего специалиста // Психология и психотехника. 2013. № 6.
4. Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. Political Corruption: A Handbook. New Brunswick, 1989. 498 p.
5. Лукин Д. В. Социальный смысл харизмы // Психология и Психотехника. 2015. № 11.
6. Климова С. Г. Чиновники. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/gossluzhacshie/pa0016 (дата обращения: 29.03.2017).
7. Психология коррупционера. URL: <http://rusrand.ru/analytics/psihologija-korrupsionera> (дата обращения: 29.03.2017).

Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила Plain Meaning Rule

М. В. Сидоренко, Московский институт государственного управления и права. E-mail: prorectormvs@yandex.ru

Автором критически оценены акты конституционного правосудия, которые, в нарушение правила Plain Meaning Rule, не столько раскрывают конституционную суть проверяемых нормативных велений, сколько отражают субъективное познание высшего органа конституционного правосудия относительно должного и сущего в уголовном процессе России. Как следствие, в правовом регулировании и динамике уголовно-процессуального права России проявляются негативные коллизии, формирующие состояние неопределенности права.

Ключевые слова: конституционное правосудие; правовые позиции; суть нормы и ее толкование; правовые коллизии.

Legal Positions of Constitutional Justice Acts within Plain Meaning Rule

M. V. Sidorenko, Moscow Institute of Public Administration and Law (Moscow, Russia). E-mail: prorectormvs@yandex.ru

The author criticizes the constitutional justice acts which violating Plain Meaning Rule not so much reveal the constitutional essence of the normative calls under study as reflect subjective perception of the highest body of constitutional justice as to what is proper and essential in the Russian criminal procedure. Consequently, negative collisions which lead to ambiguity of law appear in the legal regulation and dynamics of the Russian law.

Keywords: Constitutional justice; legal positions; essence of norm and its interpretation; legal collisions.

Итоговые акты Конституционного Суда Российской Федерации в ряде случаев вступают в противоречие с фундаментальным правилом нормативного толкования, выраженным в формуле *Plain Meaning Rule* — суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации. Серьезные возражения доктрины и коллизии в практике вызвало познание Конституционным Судом Российской Федерации норм, связанных с правилами продления сроков содержания обвиняемого под стражей в случае возвращения уголовного дела из суда прокурору (ст. 237 УПК РФ). Ранее высший орган конституционного правосудия сформировал правовую позицию, согласно которой суд, возвращая уголовное дело прокурору, был обязан одновременно установить разумный срок для устранения выявленных им нарушений закона, принимая во внимание общие сроки содержания

обвиняемого под стражей. Темпоральные характеристики этого срока должны были учитывать нормы ст. 109 УПК РФ, особенно в части гарантий того, что обвиняемый не может содержаться под стражей свыше предельных сроков, установленных для той или иной категории преступлений¹.

Поскольку эти правовые позиции были основаны на положениях чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, они были адекватно восприняты и продублированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41², чем обеспечилась искомая определенность в правовом положении обвиняемого, содержащегося под стражей на досудебном этапе. Одной из весомых гарантий этой определенности был императив чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, суть которого заключается в исключении содержания обвиняемого под стражей в ходе предварительного рассле-

¹ Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года : решение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2013 г. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.02.2017).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2. С. 3.

дования свыше предельных сроков, установленных законом (6–12–18 мес.).

В постановлении от 16 июля 2015 г. № 23-П³ правовые позиции и итоговые выводы Конституционного Суда РФ изменились кардинально. Отныне при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей решается судьей лишь с **учетом сроков, установленных ст. 109 УПК РФ, но не по правилам этой статьи**. Чтобы лучше понять сущность нового смыслового прочтения такой весомой процессуальной гарантии прав обвиняемого, как нормы чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, обратимся к новым правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, отраженным в указанном акте, а также к практическим следствиям сформулированных итоговых выводов:

— результатом «измененного» познания высшего органа конституционного правосудия стал исходный тезис о том, что институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) — «особый случай» и «особый порядок» движения уголовного дела в системе стадий и производств уголовного судопроизводства России, в принципе отличный от стадии предварительного расследования⁴;

— на «особый порядок движения» и «особый случай» не распространяются гарантии, предусмотренные ч. 4 ст. 109 УПК РФ, запрещающие содержание обвиняемого под стражей свыше предельно установленных сроков. Исходя из разумных критериев (в усмотрении следственных органов), данные сроки подлежат продлению, поскольку иное, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, подвергало бы угрозе саму возможность осуществления правосудия по этой категории дел [1, с. 13–16];

— нет необходимости в окончании «...особого движения» дела в разумные сроки, а равно и в представлении обвиняемому материалов уголовного дела для ознакомления минимум за 30 суток до истечения установленного предельного срока. Это же не предварительное расследование, а «...особый случай», значит, надо апеллировать к разумности указанных сроков, а не к строго установленным законом гарантиям.

Как пишет судья Верховного Суда Российской Федерации А. С. Червоткин, в практику уголовного судопроизводства России фактически введен третий вид применения заключения под стражу — «...на время возвращения дела прокурору». При этом данный порядок в принципе не имеет аналогов в действующем законе и является следствием исключительно конституционного толкования. По причине пробельности своего содержания он требует значительных усилий со стороны законодателя, поскольку коллизии предложенного конституционного толкования, как свидетельствует текущая судебная практика, появляются по нарастающей [2, с. 66–73].

В том же коллизионном контексте отмечают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно правомочий суда первой инстанции к возвращению уголовного дела прокурору по правилу *reformatio in pejus* (изменение к худшему). Кратко напомним генезис подходов и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации применительно к этому предмету проверки:

— в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П однозначно указано: «...состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим»⁵. Если суд при отсутствии соответствующих ходатайств сторон (по собственной инициативе) возвращает уголовное дело для дополнительного расследования или по мотиву необходимости изменения обвинения на более тяжкое, то он инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинительного тезиса. Последнее в корне противоречит конституционному принципу состязательности (как формы организации процесса) и назначению суда в уголовном процессе [3, с. 52–62];

— постановлением от 14 января 2000 г. № 1-П признаются неконституционными положения УПК РСФСР (1960 г.), предусматривающие право суда возвращать уголовное дело прокурору в связи с необходимостью привлечения к уголовной ответствен-

³ По делу о проверке конституционности положений частей третьей–седьмой статьи 109 и части третьей ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гренко Артема Ивановича, Дмитриева Николая Владимировича и Левкина Александра Сергеевича на нарушение их конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1852 // Там же. 2013. № 2.

⁵ По делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижнего Новгорода: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Там же. 1999. № 4.

ности других лиц (обвиняемых) при невозможности выделить дело в отношении них в отдельное производство⁶;

— определением от 3 февраля 2000 г. № 9-О признается не соответствующим Конституции Российской Федерации полномочие суда возвращать дело прокурору в случае признания доказательств не имеющими юридической силы, если это повлекло невозможность в судебном заседании неполноту расследования⁷.

Напомним, указанные акты принимались Конституционным Судом Российской Федерации в период реализации наиболее активной фазы судебно-правовой реформы в Российской Федерации, одной из главенствующих целей которой было провозглашено создание в России подлинно независимого и справедливого правосудия. Соответственно, познавая как общий смысл конституционных велений, так и смысл непосредственно ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, высший орган конституционного правосудия как истину отметил именно указанные правовые позиции и однозначные выводы.

Однако к 2013 г. либо потребность в очередном этапе судебной реформы для Российской Федерации отпала, либо независимый и справедливый суд уже создан, либо внешние условия «познания» сути тех же конституционных решений качественно изменились. В постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П юридическому сообществу представлены кардинально иные правовые позиции, формирующие качественно иное понимание (познание) смысла ст. 123 Конституции РФ⁸.

Суть указанных «трансформаций» отразилась в следующем: если в ходе судебного разбирательства суд общей юрисдикции сформирует внутреннее убеждение в том, что фактические обстоятельства содеянного, как они описаны в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии признаков более тяжкого преступления, или судом будут установлены новые фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости квалифицировать деяние как более тяжкое, в таких случаях суд может самостоятельно квалифицировать преступление по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Суд вправе и вернуть данное уголовное дело прокурору, указав в мотивировочной части своего решения, какие именно обстоятельства

свидетельствуют о совершении подсудным более тяжкого преступления, т. е. «предрешить» непосредственные задачи обвинительной власти по возвращенному делу. Следствия реализации данных правомочий объективируются в прямых предписаниях органам уголовного преследования, в каком направлении следует осуществлять дальнейшее формирование и обоснование обвинения.

Таким образом, посредством правовых позиций и итоговых выводов постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации фактически устранил из уголовного процесса России фундаментальное правило *reformacio in pejus*. Принципиально иначе расставил акценты в понимании роли и назначения суда в состязательном уголовном процессе. В соответствии с новым «познанием» суд общей юрисдикции более не связан ни тем обвинением, по которому обвиняемый предан суду, ни позицией стороны обвинения в ходе судебного разбирательства. Являясь не только властным субъектом доказывания, но и конституционным органом власти, суд самостоятельно познает как фактические обстоятельства дела, так и осуществляет их правильную правовую оценку. Если внутреннее убеждение суда, сформированное по итогам познания, кардинально расходится с позициями стороны обвинения, суд имеет право не соглашаться с предъявленным обвинением, с юридической квалификацией содеянного, с правильностью установления фактических обстоятельств дела. Акцентирующий мотив указанного — необходимость исправления судебной ошибки и конституционное предназначение суда в постановлении правосудного приговора (иного итогового акта) — с внутренних (личностных) позиций суда, а не с позиций того обвинения, по которому обвиняемый предан суду и которое поддерживается стороной обвинения в судебном заседании.

Согласно указанным констатациям высший орган конституционного правосудия не считает возможным входить в обсуждение вопроса о том, что итоговая юридическая квалификация содеянного — это не только логическая операция, но и необходимое описание преступного деяния, всех фактических обстоятельств содеянного в соответствии с диспозицией уголовно-правовой нормы. Изменение квалификации — всегда иная оценка фактических обстоятельств дела, объясняющая (обосно-

⁶ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гр. И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П // Там же. 2000. № 2.

⁷ По жалобе гр. Берзиной Л. Ю. на нарушение ее конституционных прав п. 2 ч. 1 ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2000 г. № 9-О // Там же. № 4.

⁸ По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 22.02.2017).

ывающая) выбор конкретной уголовно-правовой нормы. И это уже новая формула обвинения, властным субъектом обоснования которой выступает независимый орган судебной власти, а не сторона в процессе [3, с. 61].

При оценке сути и следствий этого акта конституционного правосудия российская правовая доктрина разделилась на два непримиримых лагеря. Одни исследователи категорически не восприняли кардинально изменившееся «познание» судей высшего органа конституционного правосудия, указывая на пагубные последствия столь необычных новаций [4, с. 98–103; 5, с. 20–27], то другие пытаются обосновать приоритеты в поддержании публичной законности, на страже которой должен быть «состязательный и независимый» суд [6, с. 37–40; 7, с. 6–10].

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁹ законодатель нормативно «исполнил» указанное решение Конституционного Суда Российской Федерации, дополнив ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом шестым, который практически дублирует выводы, содержащиеся в резолютивной части исследуемого постановления. Со 2 августа 2014 г. резолютивная правовая позиция постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П утратила свое регулирующее значение, уступив его модифицированным предписаниям кодифицированного федерального закона, который приведен в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

Однако, на наш взгляд, последнее не нивелирует ни сути, ни юридических следствий правовых позиций суда, изложенных в описательно-мотивировочной части указанного постановления. В отличие от норм указанного закона, мотивировочная правовая позиция исследуемого постановления, в том числе с принципиально иным обоснованием пределов независимости суда при отправлении правосудия, сформулирована шире резолютивной, ограниченной констатацией возможности возвращения дела прокурору в случае обнаружения судом оснований для более тяжелой квалификации. Закономерен вопрос: насколько эта правовая позиция может и должна быть распространена на иные формы отправления правосудия, так или иначе ограничивающие волю и самостоятельное познание суда в принципиальных вопросах процесса? Следует ли считать, что в силу высшей юридической силы актов конституционного правосудия и их прямого дей-

ствия она автоматически применима к любому из производств, выступающему предметом рассмотрения и разрешения в российском суде? Поясним практическую составляющую этих вопросов. Например, стороной защиты заявлено ходатайство об исключении доказательств. Ни к судебному заседанию, ни в самом судебном заседании сторона обвинения не представила возражений по сути этого ходатайства. Согласно ч. 5 ст. 235 УПК РФ судья в данной ситуации императивно обязан удовлетворить ходатайство об исключении оспоренных доказательств и вынести постановление о назначении судебного заседания. На данный алгоритм действий и решений суда указывает и практика высших судебных инстанций¹⁰. Однако в контексте правовых позиций, изложенных в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П, названный алгоритм уже не является единственно верным. Внутреннее убеждение суда может отражать принципиально иную позицию о доказательственном значении «оспоренных» сведений. А поскольку при новом понимании состязательного правосудия суд в принципе не обязан следовать ни закону, ни требованиям сторон, его ограничивающим, решение о судьбе как заявленного ходатайства, так и самого доказательства может быть принципиально отличным (причем для различных судебных составов и с различным внутренним убеждением...).

Аналогично, под предлогом той же декларируемой Конституционным Судом Российской Федерации «независимости» и актуальной потребности в законном отправлении правосудия могут быть поставлены под сомнение:

— нормы ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обязывающие суд общей юрисдикции к прекращению производства по делу при отказе государственного обвинителя от обвинения. У суда может быть принципиально иное внутреннее убеждение как о действительных фактических обстоятельствах уголовного дела, так и о видах необходимых правосудных решений;

— нормы ч. 3 ст. 389⁸, п. 4 ч. 1 ст. 401⁵, п. 4 ч. 1 ст. 412⁴ УПК РФ, обязывающие суд к прекращению апелляционного, кассационного или надзорного производства при отзыве жалобы заявителем. Напротив, возможна мотивировка «самостоятельных» решений суда в указанной ситуации: суд инициативно «видит» в материалах уголовного дела существенное нарушение закона, его конституционное предназначение не позволяет ему его игнорировать даже при отзыве жалобы заявителем, производство по делу должно быть публично продолжено.

⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2005 г. по делу № 22-005-15 СП. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 22.02.2017).

Перечень аналогичных ситуаций и публично инициируемых судом производств можно приводить до бесконечности. Высказанные «конституционные» правовые позиции это позволяют; практика все больше нарабатывает примеры как публичной независимости, так и нового понимания правосудия, предложенного Конституционным Судом Российской Федерации.

Список литературы

1. Хитрова О. В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования // Российский следователь. 2013. № 21.
2. Червоткин А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2016. № 5.
3. Ветрова Г. Н. Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2016. № 4.
4. Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2013. № 3.
5. Ковтун Н. Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11.
6. Кругликов А. П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10.
7. Рябинина Т. К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российской следователь. 2013. № 24.

Правовая пропедевтика отношения к ребенку (из опыта античной мысли)

Л. К. Нефёдова, Омский государственный педагогический университет. E-mail: konstans50@yandex.ru

Обращение к истории античной греческой и римской философии позволяет прояснить субъект-объектную природу правового статуса ребенка, выявить тенденцию формирования правового отношения к нему. Исторически у ребенка не было прав, что зафиксировано в античной мифологии, философии, литературе. Инфантицид был ненаказуемой практикой. Правовое отношение формируется на основе личного гуманного отношения к ребенку (Фалес, Гераклит, Эпикур), в теории и практике воспитания гражданина (Платон, Аристотель), в осмыслении ценности детского возраста (Платон, Сенека). Ребенок рассматривался преимущественно как объект воспитания, меняющего и исправляющего его природу по направлению к взрослости на основе представлений о необходимом для социума результате. Субъектность ребенка представлена в античной культуре имплицитно как признание в нем *иного* по отношению к взрослому носителю ценности красоты и блага.

Ключевые слова: правовой статус; ребенок; взрослый; норма; субъект; Античность; философия.

Legal Propaedeutics of an Attitude to a Child (from the Experience of Classical Antiquity Thought)

L. K. Nefedova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia). E-mail: konstans50@yandex.ru

Studying the history of the ancient Greek and Roman philosophy enables the author to clarify the subject-object nature of a child legal status and reveal the tendency of forming legal attitude to a child. Historically a child had not had any rights, and this can be found in ancient mythology, philosophy and literature. Infanticide was not punishable. The legal attitude is formed on the basis of personal human attitude to a child (Thales of Miletus, Heraclitus, Epicurus), in theory and practice of educating a citizen (Plato, Aristotle), in considering valuable childhood (Plato, Seneca). A child was primarily viewed as the object of education which changed and corrected his nature towards adulthood basing on the visions of the results necessary for the society. A child as the subject is presented in the culture of antiquity implicitly being recognized as different in comparison with an adult bearer of value of beauty and good.

Keywords: legal status; child; adult; norm; subject; antiquity; philosophy.

Отношение к ребенку с позиций права в настоящее время становится как никогда актуально в связи с тем, что в субкультуре детства (наряду с развитием образовательно-воспитательных культурных практик и социальным конструированием, обеспечивающим оптимальную инкультурацию и социализацию) имеет место широкий спектр деструктивных явлений, требующих немедленного практического реагирования. Таковыми выступают беспризорность, безнадзорность, сиротство, отказ от детей, жестокое обращение с ними, различные виды насилия над детьми, детская преступность, суицид. Можно считать их издержками воспитания и социального конструирования и предположить, что в сфере права существует возможность некоторой компенсации социального ущерба, приносимого этими явления-

ми. Однако в крайних ситуациях речь идет о неправомерном нарушении нормы человеческого общежития — преступлении, которое не исправляется, но фиксируется и наказывается. Преступление, совершаемое как в отношении детей, так и самими детьми, есть деяние, которое оказывается в рамках функционирования судебно-правовой системы и для восстановления попорченной нормы, действительно, требует наказания. В фокусе воспитательной системы пребывает непосредственно сам этико-правовой субъект, чья деятельность формируется и нацеливается на оптимальный для социума результат. Правовая система имеет дело с фактом нарушения правовой нормы, следовательно, признает силу деструктивных явлений в сфере детского бытия. Воспитательная система всегда подразумевает идеал, который часто

оказывается достижимым. Превентивные правовые меры, нацеленные на сохранение нормы, в отличие от воспитательно-образовательного воздействия, как правило, не приводят к ожидаемому положительному результату, фиксируют бессилие органов опеки и судебной системы в достижении цели оптимального возвращения ребенка. Показательна в этом отношении современная полемика о развитии ювенальной юстиции, одной из функций которой могло быть предупреждение преступлений в отношении детей. Однако само понимание сущности ювенальной юстиции является неоднозначным и находится в стадии формирования, а явные и имплицитные последствия применения ее нормы еще не подвергались всесторонней рефлексии¹. Актуализация ювенальной юстиции и полемика вокруг нее указывают на тенденцию к осмыслению правового положения ребенка, на необходимость защиты его настоящего и будущего, на стремление преодолеть деструктивные тенденции, мешающие успешной инкультурации и социализации.

Полагаем, осмысление проблемы оптимального с позиций права включения ребенка в социальную и культурную деятельность предполагает выход из частных сфер теории и практики юриспруденции, педагогики, психологии, медицины в область философии для выработки методологически убедительной позиции правового отношения к ребенку. В философском осмыслении нуждается правовой статус ребенка, его субъект-объектная природа. Субъект — деятель, выходящий в процессе своей деятельности за границы себя, меняющий при этом себя и действительность. Детерминируя действительность своей деятельностью, субъект несет определенную ответственность за ее результат. И здесь возникает вопрос: всегда ли ребенок — субъект? Насколько субъектны детская беспризорность, безнадзорность, суицид, детская преступность? В ряде случаев в правовой практике возникает парадокс: будучи деятелем, ребенок по умолчанию не является субъектом своей деятельности. Ребенком по нормам международного права принято считать человека в возрасте от рождения до совершеннолетия, а полная мера ответственности за деяние предполагается в юриспруденции с момента достижения совершеннолетнего возраста. Следовательно, ребенок не считается полноценным субъектом права, ответственным за свою деятельность. Субъектность ребенка вполне определенно и конструктивно проявляется в его обучении и развитии, в том числе и раннем профессиональном. Достижения детей в сфере овладения научным знанием, успехи в художественном творчестве, спор-

тивные результаты нередко превосходят возможности взрослых индивидов и вызывают неподдельное изумление. Мощные интенции к росту и развитию не означают, что ребенок столь же стремительно становится физически и социально зрелым субъектом и сознательно овладевает необходимыми паттернами поведения в социальной сфере. Онтологически ребенок находится в состоянии укоренения в бытии, что определяет неустойчивость его психофизики и служит основанием неопределенности его субъект-объектного статуса. Правовая практика опирается на это основание, что, во-первых, дает ребенку ряд необходимых предпочтений перед взрослым индивидом со стороны его защиты, а во-вторых, открывает возможность безнаказанного расшатывания этической и правовой нормы самим ребенком, перенося ответственность за совершенное им деяние на того, кто не является субъектом его (ребенка) деятельности. Издержки и дисбалансы в отношении к детству и ребенку в современной правовой практике в определенной мере являются компенсацией фатальной драмы детства [1, с. 11], стремлением культуры взрослых оправдаться перед субкультурой детства, поскольку исторически у ребенка не было прав [2, с. 9].

Прояснение основ правового статуса ребенка возможно на базе философского понимания детства в истории культуры. В настоящей статье мы рассмотрим, какое отражение нашло формирование правового статуса ребенка в античной философии, а отчасти и в художественной литературе, представляющей собой неспецифичную форму философствования.

Античная литература в различных ее жанровых формах (эпос, драма, лирика) зафиксировала мотив жестокого отношения взрослых к детям: отказ родителей от детей, подбрасывание их чужим людям, принесение их в жертву. Пьяные титаны глумятся над подростком Дионисом, Агамемнон предает костру юную Ифигению, персонажи античного романа бросают своих детей. Чудовищное, с позиций современного уголовного права (ст. 134 УК РФ), отношение к детям зафиксировала римская эпитафия [8, с. 44, 103, 318], живописуя нравы, быт, характеры, занятия, развлечения взрослых римлян. Инфантицид являлся ненаказуемой и неприцаемой социальной практикой отношения к детям в античной культуре. В литературе есть представление о хрупкости, незащищенности ребенка, раскрыта глубина материнской любви к нему [3, с. 27, 28], а также отражена стратегия воспитания и социализации гражданина, формирование профессионального воина, защитника полиса [9].

¹ Существует ли ювенальная юстиция в России? URL: <http://classomsk.com/semejnoe-pravo/sushhestvuet-li-yuvenalnaya-yusticiya-v-rossii.html> (дата обращения: 03.06.2017).

Философия представляет отношение взрослых к ребенку еще более определенно, чем литература. Сохранились свидетельства, говорящие о непосредственном личном гуманном отношении философов к детям². Гераклит, «удалившись в святилище Артемиды... играл с детьми в кости (астргалы), а обступившим его эфесцам сказал: „Что удивляетесь, негодяи? Не лучше ли заниматься этим, чем с вами участвовать в государственных делах?“³. Фалес не заводил детей из детолюбия. Анаксимандр, узнав, что дети подняли на смех его пение, сказал: «Ну что же, ради детей нам следует петь лучше»⁴. Эпикур писал письма детям друзей, давая им наставления к послушанию взрослым, проявлял заботу об осиротевших детях своих друзей [4, с. 790]. Диоген заботился о своих учениках [5, с. 223].

Поиски архэ, размышления о началах мира и вещей, о красоте и благе включали обращение к сущности детства и ребенка. Детство понималось в единстве социально-бытовых, физиологических, метафизических аспектов. Оно мыслилось как начало физического существования человека, основа его телесного существа. Греческие философы, пытаясь разгадать тайну рождения человека, иной раз мыслили весь период детства внутриутробным (как Анаксимандр) или полагали, что беременная земля рождала отдельные части, которые срастались, давая целостность (как полагали Парменид и Эмпедокл). Древние философы пытались проникнуть в процесс образования человеческого зародыша, размышляли о том, какая часть человека формируется первой, но вынуждены были признать тайну рождения непостижимой. Так, «Алкмеон признался, что он не знает ничего определенного, полагая, что никто не может постичь, „проникнуть взором“, „разглядеть“, какая часть младенца образуется первой»⁵. Тайной казался пол, граница между бытием и небытием человека, между сущим и не сущим.

Уровень социальной и культурной ценности детства в сознании древних был невысок, но философы признавали ценность детства, осмыслили сущностные характеристики ребенка вопреки представлениям современников о его незначительности. Так, бог-ребенок Эрот у Платона является носителем любви и блага [4, с. 50–69]. Сущность детства представлена через такие качества, как неуловимость, изменчивость, шаловливость, заключенные в самой природе тела, через двойственность и стремление к изначальной целостности. Цель Эрота — овладение благом. Онтологическая семантика Эрота включает архетипические, социально-бытовые, психологиче-

ские характеристики детства. Он являет полное соответствие феноменологическим характеристикам архетипа ребенка: заброшенности, непреодолимости, единству начального и конечного, гендерной редуцированности [6, с. 345–381]. В нем отмечены и возрастные особенности эмпирического ребенка: шаловливость, склонность к игре, неряшливость и небрежность в одежде, равнодушие к богатству.

Однако признание ценности ребенка в мифе об Эроте не является признанием его равноценности взрослому человеку, это, скорее, признание наличия чего-то иного, другого по отношению к взрослому. ИмPLICITно ребенок понимается как существо становящееся, но еще не ставшее. Эта идея лежит в основе античных систем воспитания, которые строились на понимании природы ребенка и были нацелены на формирование витального, сущего в человеке, на благо и красоту. Предусматривались физический, морально-этический, эстетический, гражданский аспекты воспитания [4, с. 152–162, 182]. Таковы педагогические системы Платона и Аристотеля. Цель воспитания — формирование будущих граждан, лично ответственных за судьбу полиса [3, с. 9–14]. Платон учитывает восприимчивость детского возраста: «Во всяком деле самое главное — это начало, в особенности, если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего вернее образуются и укореняются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть» [4, с. 152]. В связи с этим этической цензуре подвергается учебный материал — мифы. Поступки мифологических персонажей должны служить примером для подражания, поэтому полагается недопустимым приобщение детей к сакральному смыслу мифов о началах бытия. «Вовсе не следует излагать и расписывать битвы гигантов, богов и героев... А о том, что на Геру наложил оковы ее сын, что Гефест, сброшен с Олимпа собственным отцом, когда тот избивал его мать... такие рассказы недопустимы... Ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые в таком раннем возрасте, становятся неизгладимыми и неизменными» [4, с. 152–162, 182, 183, 206, 208, 247–249, 338–340].

Платоновский постулат о силе воздействия прямого конкретного смысла текста на ребенка закрепился в педагогике и определяет современные основы обучения. Поведение персонажей текстов, отобранных для обучения, должно быть примером для детей. При этом важен их прямой смысл, однозначно приемлемый или неприемлемый поступок персонажа, тем самым в системе воспитания закладывается само представление о норме и формируется отношение к ней.

² *Фрагменты ранних греческих философов* : в 2 ч. Ч. 1. М., 1989.

³ Там же. С. 176.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 270.

Платон считает, что нельзя «допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой, какие попали и кем попало выдуманные мифы, большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют... Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей... а большинство мифов... надо отбросить» [4, с. 153–154]. Речь идет об этическом и эстетическом воспитании, о формировании этической нормы, которой должен руководствоваться ребенок, когда вырастет. Именно норма определяет необходимость педагогической цензуры, которой Платон подвергает весь воспитательно-образовательный обиход. По его мнению, следует убрать из него то, что трогает, задевает душу ребенка, чтобы дети не сделались от эстетических потрясений чересчур чувствительными. Содержание произведений, адресованных детям, должно способствовать воспитанию рассудительности и воздержания. Примеры взяточничества, корыстолюбия, разнузданности, неистовства, наслаждения, а также примеры комического должны быть убраны из произведений. Он предлагает контролировать игры детей, их поведение в быту. Все это должно соответствовать определенным законам, правилам, быть упорядоченным. Таким образом, в воспитании определяется этическая составляющая, формирующая строгое следование норме этически приемлемого поведения.

Каков же статус ребенка в данной системе воспитания? Он должен вырасти гражданином, осознанно защищающим полис, готовым на гибель ради него. Иначе говоря, формируется субъект деятельности. Однако вся система вполне определенно носит объектную направленность. Ребенок не имеет права выбора предмета, учебного материала и вполне может быть отторгнут от семьи для лучших результатов воспитания.

Система Аристотеля, будучи менее жесткой, является продолжением и развитием взглядов Платона на воспитание и саму сущность ребенка в качестве объекта. Ребенок рассмотрен в контексте семьи, в бинарной оппозиции дети–взрослые, где положение детей соотносимо с положением подданных: «Родитель властвует над детьми в силу своей любви к ним и в силу того, что он старше их. А такой вид власти и есть именно царская власть» [4, с. 463]. Естественность подвластного положения ребенка, обусловленная состоянием детства, его подневольность, близость детей женщинам и рабам рассматриваются как норма. Однако Аристотель опережает свое время, приближаясь к христианскому пониманию детства, когда говорит об отцовском характере власти

взрослых над детьми. Он не принимает идею обобществления детей, предложенную к рассмотрению Платоном: «Люди ведь более всего заботятся о том и любят... то, что им принадлежит... что им дорого» [4, с. 472]. Таким образом, углубляется понимание ценности ребенка, отношение к нему становится дифференцированным, хотя ребенок остается объектом воспитательного воздействия взрослых, пребывая в их полной власти. Это обусловлено тем, что философы, хотя и видят в ребенке потенциал будущности, мыслят его несовершенным в настоящем. «Принимая во внимание неразвитость ребенка, явно нельзя говорить о его самодовлеющей добродетели, но лишь, поскольку она имеет отношение к дальнейшему развитию ребенка и к тому человеку, который этим ребенком руководит» [4, с. 466]. Ребенок — объект воспитания, любви, управления. Он должен соответствовать необходимой норме, но по отношению к нему самому норма только вырабатывается.

Греческая, а вслед за нею и римская философия предчувствовала в самом детстве и в детях скрытый критерий для выработки этической, а на ее основе и правовой нормы. Так, Гераклит выражал возмущение нравами соотечественников в письме к Гермодору: «А я удивляюсь смеющимся или на женщину, убившую ядами своего ребенка, или на отроков, чье наследственное состояние промотано... или на девочку, изнасилованную и лишенную девства во время всеночных праздников, или на гетеру — еще не женщину, но уже обладающую женским опытом»⁶. Гераклит откровенно сочувствует детям, не принимает жестокого отношения к ним. Греческая философия засвидетельствовала момент переоценки морально-этической нормы античного язычества в отношении к детям, понимание ценности ребенка и недопустимость причинения ему ущерба, однако еще не подошла к норме отношения к нему.

В римской философии этико-аксиологический аспект отношения к детству и ребенку ярко представлен у Сенеки, который определяет детство как иное, другое (по отношению к взрослости) состояние человека. «Не ново, что многое, вырастая, изменяется. Был ребенком — стал взрослым и качество уже другое: ребенок неразумен, взрослый — разумен. Многое благодаря приросту делается не только больше, но и другим... Есть вещи, которые от умножения не меняют ни рода, ни свойства, и есть такие, что после многих добавлений от последнего превращаются в нечто другое» [7, с. 304].

Понимание детства как иного качественного состояния, по сравнению с состоянием взрослости, является чрезвычайно важным и лежит в основе правового статуса ребенка в современной культуре.

⁶ Там же. С. 184.

Однако, создавая правовую культуру, Рим отличался пренебрежительным отношением к ребенку. В письме к Марулли, который горько оплакивал смерть младенца-сына, Сенека не утешает горящего отца, а усовещает его: «Ты ждешь утешений! Так получи упреки! Вот какую слабость ты обнаружил, когда умер твой сын! А что бы ты делал, потеряв друга? Умер сын, чье будущее неясно, совсем крохотный; загублен самый короткий век» [7, с. 247]. Культурная ценность ребенка определенно уступает культурной ценности взрослого индивида, который прагматически предпочтительнее для настоящего времени. Размышляя об основаниях блаженной жизни, совершенной и согласной с природой, Сенека полагает, что ребенок способен воспринимать благо, не более, «чем способно дерево или бессловесное животное» [7, с. 321], потому что у него нет разума. «Благо пребывает не во всяком теле и не во всяком возрасте; оно также далеко от младенчества как последнее от первого, как совершенство от начала; значит, его нет и в нежном, едва крепнущем теле. Как оно могло бы в нем быть? Да не больше, чем в семени!.. И как все в природе являет свое благо, только созрев до конца, так и благо человека есть лишь в том человеке, чей разум уже достиг совершенства» [7, с. 321]. В ребенка меньше вложено культурных усилий, разум его не сформирован, следовательно, ценность его ниже, чем ценность взрослого человека. Такова прагматика основ римского права в отношении ребенка.

Таким образом, отметим некоторую двойственность в отношении к ребенку и детству в античной культуре. Античная литература и философия, обращаясь к ребенку и детству, затрагивают метафизику начала человека, диалектику его взросления, отмечают ценность ребенка. Ребенок осмысливается в оппозиции взрослому, где примат взрослости над детством является онтологической данностью, детерминирующей социальную, этическую, правовую нормы, подкрепляемые эмпирикой субъект-объектного статуса ребенка. Ребенок полагается как начало человека: незавершенное, несамодостаточное, неразумное, не вмещающее благо. Данное состояние ребенка требует воспитательного воздействия взрослых, обуславливает абсолютную власть взрослых над детьми и определяет объектный статус ребенка в процессах инкультурации и социализации. Имплицитно осмысливается и субъектность ребенка через необходимость и возможность воздействия на него того или иного воспитательно-образовательного содержания, его места и роли в социально-профессиональном конструировании его (ребенка) *будущего*. Античные системы воспитания свободных граждан социально и профессионально ориентированы на выращивание будущих стражей государства — воинов, земледельцев, атле-

тов, поэтов, философов, государственных деятелей, что предполагает необходимость признания определенного субъектного статуса ребенка.

В целом отношение к правовому статусу ребенка в античной культуре можно назвать пропедевтическим, имплицитно представленным в системе воспитания. Философы осмысливают роль семьи, школы, полиса, культуры в формировании ребенка. Они дифференцируют детство по отношению к иным возрастам человека: юности, зрелости, старости. Ребенок мыслится как иной, другой по отношению к взрослому. Основанием дифференциации являются физическое состояние, разум, добродетель. Однако культурные и правовые приоритеты при этом отдаются состояниям, в которых человек наиболее оптимален с позиции данных маркеров — взрослости. В ребенке же фиксируется несовершенство, необходимость приведения его в состояние должной социально-культурной нормы, что и делает ребенка объектом воспитательного воздействия. Статус объекта, который необходимо довести до состояния должной нормы, имеет проявление в диапазоне от абсолютной власти взрослого над ребенком (для его блага) до откровенного инфантицида.

Непосредственный опыт взращивания дает богатый эмпирический материал для понимания ребенка как изначальной данности: несовершенного физически, интеллектуально, этически, но воплощающего начала любви, красоты, жизни, блага. Состояние детства и социальное положение ребенка начинает осознаваться с позиций незащищенности самого ребенка, что можно полагать основанием для дальнейшего определения в статусе ребенка субъектного начала. Явный контекст отношения к ребенку в античной культуре не включает правового аспекта. Подчеркнем, что этическое отношение к ребенку фиксируется прежде всего в философии, где рождается интуиция ценности детства. Это связано как с исторической спецификой правовой культуры в эпоху Античности, так и со спецификой понимания ребенка, детства и практиками взращивания. В целом правовое отношение к детям еще не сформировано.

Отметим, что тема детства в античной философии раскрывается в образах и понятиях. Помимо художественных образов (Тиртей, Симонид, Марциал), фактографическими образами являются свидетельства древних об отношении к детям: игра с детьми, пение для детей, высказывания о своих детях. Художественно-эпистолярными образами, выражающими авторский этико-эстетический идеал, являются письма к детям и друзьям. Образное осмысление детства представлено через мифологему и аллегорию. Понятийный аспект преобладает в суждениях об изменчивости бытия, его единых началах, в обосновании систем воспитания.

Образы и умозаключения о детях в античной философии в определенной мере стали основанием для выработки и вербализации нормы права. Образ, воздействуя на чувственную сферу, формирует эмоционально-интеллектуальное отношение к правовому статусу ребенка, а умозаключение является основанием для конструирования практики взращивания, которая убеждает взрослого в необходимости увидеть в ребенке не только объект воздействия, но формирующегося субъекта. Пребывая в синтезе, понятие и образ выражают целостное понимание детства в единстве метафизического, диалектического, социального, бытового в нем с позиций его смысловой ценности, которая определяет пропедевтику формирования основ правовой культуры отношения к ребенку в Античности. Отметим наиболее значимые положения.

Во-первых, античная культура зафиксировала опыт гуманного отношения к ребенку, необычного для архаических культур. Фалес и Гераклит, Анаксимандр и Диоген увидели в ребенке человека, достойного их взрослого внимания. Эпикур подчеркивает необходимость социальной заботы об осиротевших детях.

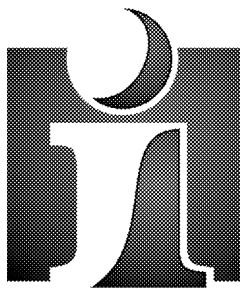
Во-вторых, правовая пропедевтика просвечивает в системах воспитания. Так, воспитание стражей государства у Платона строится на поиске нормы, сопряженной с идеалом гражданина. В связке находят два временных модуса — настоящее обучение ребенка и его будущая гражданская деятельность. Отсюда приобретает значимость критерий этической цензуры касательно допустимого и недопустимого в отношении ребенка.

В-третьих, в пропедевтику основ правовой культуры отношения к ребенку философия и литература положили отношение заботливой и бескорыстной любви к нему. Об этом говорят поэты (Симонид) и философы (Аристотель). Еще нет правовой нормы в отношении к детям, нет явного оперирования этой категорией, но имплицитно практика отношения к детям строится на понимании необходимости любви и заботы о них.

В-четвертых, понимание ребенка и пропедевтика правового отношения к нему в античной культуре представлены в вербальных формах в философском и литературно-художественном дискурсах, что определяет в дальнейшем возможность формирования прецедентного права в отношении к ребенку.

Список литературы

1. Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д, 2000.
2. Кислов А. Г. Оправдание детства: От нравов к праву. Екатеринбург, 2002.
3. Гаспаров М. Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.
4. Платон. Государство // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля. М., 2003.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
6. Юнг К. Г. Божественный ребенок. М., 1997.
7. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
8. Марциал. Эпиграммы. М., 1968.
9. Тиртей. К согражданам. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/tirteios/tirt.htm> (дата обращения: 03.06.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», являющегося партнером и дистрибьютором компании East View Information Services, Inc.

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc.

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (автор). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу gsinchenko@rambler.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России» (с пометкой: «Клокову Е. А.»). Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Синченко Георгий Чонгарович).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: gsinchenko@rambler.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia" (subject: "to Klokov Ye. A."). Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Georgiy Chongarovich Sinchenko).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Антонов Олег Юрьевич — доктор юридических наук, доцент, декан факультета магистерской подготовки Юридического института Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: antonov@udm.ru

Бавсун Максим Викторович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе)

E-mail: kafedramvd@mail.ru

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

E-mail: aleksandr091070@rambler.ru

Ганмягмар Болор-Эрдэнэ — следователь отдела по расследованию экономических преступлений Министерства юстиции и внутренних дел Монголии (г. Ховд, Республика Монголия)

E-mail: bolor_spy@yahoo.com

Кожевина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

Красиков Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва)

E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Милюков Сергей Федорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

E-mail: dikoe polesf@gmail.com

Мурашкин Игорь Юрьевич — кандидат юридических наук, начальник Управления губернатора Омской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений

E-mail: igormurashkin@mail.ru

Нефёдова Людмила Константиновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Омского государственного педагогического университета

E-mail: konstans50@yandex.ru

Никуленко Андрей Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: nikulenkoa@mail.ru

Сидоренко Мария Васильевна — кандидат юридических наук, консультант Московского института государственного управления и права

E-mail: prorectormvs@yandex.ru

Турьшев Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России

E-mail: lawtech15@mail.ru

Хамтагу Рустам Шихамович — адъюнкт Краснодарского университета МВД России

E-mail: russtti@mail.ru

Чулуунбаатар Болд — адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: Bok_mvд@mail.ru

Яркеев Алексей Владимирович — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Ижевск)

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям

- имущественная преступность в современной России
- соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе
- эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве

Право и общество

- перспективы совершенствования законодательства в сфере обеспечения территориальной целостности Российской Федерации
- особенности становления и развития партнерских отношений органов внутренних дел и общества в Российской Федерации
- охрана общественного порядка в мегаполисах

Философский и методологический инструментарий

- эвристический потенциал категорий социального пространства и социального порядка
- реализация нормативистского и естественно-правового подходов к пониманию права в различных видах правовой деятельности

а также

- назначение административного наказания за административные правонарушения в области дорожного движения в виде административного ареста
- планы действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах и их соотношение с планом «Перехват»
- отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- другие материалы

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

